БУДДИЙСКИЙ
КУЛЬТОВЫЙ
ЦЕНТР

КАРА-ТЕПЕ

В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ВСЕСОЮЗНАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ПО КОНСЕРВАЦИИ И РЕСТАВРАЦИИ МУЗЕЙНЫХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВА
НАРОДОВ ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МАТЕРИАЛЫ СОВМЕСТНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА КАРА-ТЕПЕ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Б. Я. Ставиского

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БУДДИЙСКИЙ КУЛЬТОВЫЙ ЦЕНТР КАРА-ТЕПЕ В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАБОТ
1965—1971 гг.

МОСКВА 1972

902.6
Б90

«Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе» — третий выпуск материалов археологической экспедиции, уже двенадцать лет работающей близ Термеза. Сборник содержит описание вновь открытых находок, обобщающие статьи по расшифровке надписей и по истории древнего Тохаристана.

1-6-2

111-72

БУДДИЙСКИЙ КУЛЬТОВЫЙ ЦЕНТР КАРА-ТЕПЕ В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

Основные итоги работ 1965—1971 гг.

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *Н. Б. Кондырева.* Младший редактор *Р. Г. Канторович*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман.* Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректор *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 30/VI 1972 г. Подписано к печати 3/XI 1972 г. А-10152. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бум. № 1. Печ. л. 11 + 2 п. л. мел. бум. Уч.-изд. л. 12,65. Тираж 2400 экз. Изд. № 2911. Зак. 755. Цена 1 р. 08 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука» Москва К-45, Б Кисельный пер., 4

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий сборник — это третий выпуск Материалов экспедиции на Кара-тепе в Старом Термезе, организованной совместными усилиями Государственного Эрмитажа (Ленинград), Государственного музея искусства народов Востока (Москва), Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей и Института востоковедения Академии наук СССР.

Первый выпуск Материалов экспедиции — «Кара-тепе—буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе» (М., 1964) содержал отчет о работах 1961—1962 гг., сведения о первых исследованиях Кара-тепе (до 1937 г. включительно) и публикацию и разбор индийских надписей на керамике, найденных в два первых полевых сезона нашей экспедиции.

Второй выпуск Материалов—«Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе» (М., 1969) преследовал цель ознакомить археологов, историков и востоковедов разных профилей с итогами раскопок 1963—1964 гг., с открытыми к тому времени индийскими, бактрийскими и среднеперсидскими надписями, а также с терракотами и фрагментами каменных рельефов и архитектурных деталей.

Настоящий сборник посвящен публикации и рассмотрению итогов и находок 1965—1971 гг., а также уточнению наших представлений о Кара-тепе, позднекушанской Бактрии (Тохаристане) и бактрийской письменности. Наряду с москвичами археологами-востоковедами Б. И. Вайнберг, В. П. Николаевым, Б. Я. Стависким, искусствоведом О. Н. Щеголевым, физиком Т. И. Берлин и химиком-аналитиком З. М. Желнинской в сборнике участвуют ленинградские ученые — индолог Т. В. Грек, иранисты В. А. Лившиц и В. Г. Луконин, нумизмат Е. В. Зеймаль, палеопатолог З. Б. Альтман, а также профессор Хельмут Хумбах из Майнца (ФРГ), любезно предоставивший для публикации в этом сборнике английский текст своей статьи «Кара-тепе — Точи — Сурх-Котал».

Как и предыдущие публикации Материалов экспедиции, этот сборник открывается отчетами о ходе и результатах раскопочных работ. Более полно отражены в нем итоги раскопок Кара-тепе 1965—1969 гг. Отчет начальника экспедиции, посвященный раскопкам этих лет, содержит описание раскапываемых помещений и отдельных находок; в нем также рассматриваются вопросы истории Кара-тепе и в связи с этим памятником — некоторые аспекты истории и культуры кушанской Бактрии.

Отчет о раскопках Кара-тепе 1970—1971 гг. носит предварительный характер, так как материалы этих раскопок в значительной степени находятся еще в стадии камеральной обработки. Однако, поскольку в эти два полевых сезона раскопаны большие площади, выявлен ряд важных моментов в устройстве, планировке и истории Кара-тепе и получены ценные в историко-культурном и историко-художественном отношении данные, мы решили уже сейчас ознакомить с этими материалами всех тех, кто интересуется Кушанским царством и древней Средней Азией.

В небольшой статье В. П. Николаева публикуются материалы его работы по изучению внешнего вала Старого Термеза, проходившего неподалеку от Кара-тепе и ограждавшего его и все городище с севера. Данные, полученные в ходе работ 1969 г., подтвердили предположение исследователей Термеза 20—30-х годов о существовании здесь внешней ограды города еще в кушанское время. Работа В. П. Николаева позволяет также судить о характере этой оградительной стены кушанского Термеза.

С отчетом о раскопках Кара-тепе 1970—1971 гг. тесно связана и по материалу и по характеру статья З. Б. Альтмана, которая содержит описание и итоги исследований костных останков из пещерных храмов П-I и П-II. З. Б. Альтман, участвуя в раскопках 1970 г., на месте исследовал эти останки, принадлежавшие групповым захоронениям в уже заброшенных храмах, и пришел к важному заключению, что причиной гибели захороненных здесь людей (а их было несколько десятков, если даже не сотен) было, скорее всего, эпидемическое заболевание. Этот вывод может оказаться весьма ценным для объяснения следов захоронений в других памятниках Термезского района, а возможно, и иных кушанских земель.

Ценнейшим материалом для датировки разных этапов истории Кара-тепе служат монеты, найденные в ходе работ 1961—1971 гг. Определение этих монет содержится в краткой справке Е. В. Зеймаля и В. Г. Луконина. Особенно следует отметить определение десяти монет сасанидского кушаншаха Варахрана I, найденных в слое захоронений и позволяющих, таким образом, датировать эти погребения 50-ми (по хронологии А. Д. Х. Бивара) или 80-ми (по В. Г. Луконину) годами IV в. н. э., т. е. с точностью до 25—30 лет. Заметка Е. В. Зеймаля и В. Г. Луконина — это лишь начало исследования монет из раскопок Кара-тепе. Для лучшего понимания истории этого памятника и района Термеза в целом в будущем нужно будет более углубленно изучить монетные находки из Термеза и его округи. Число таких находок весьма велико: по далеко не полным известным мне сейчас данным, здесь были найдены 5 греко-бактрийских монет, 7 так называемых подражаний чекану Гелиокла, свыше 60 кушанских и 4 (не считая каратепинских) кушано-сасанидских монет, а в 1953 г. обнаружен крупный, насчитывающий по предварительным подсчетам около 1000 экземпляров, клад эфталитских монет.

О том, сколь перспективно исследование нумизматических материалов из района Термеза, свидетельствует, на мой взгляд, статья участницы экспедиции 1971 г. Б. И. Вайнберг, которая, изучив найденные в районе Термеза монеты хионито-эфталитского круга, пришла к ряду интересных выводов по истории как Кара-тепе (в связи с его запустением), так и Бактрии — Тохаристана IV—V вв. вообще.

В отличие от нумизматических эпиграфические материалы из Каратепе рассматривались уже в обоих предыдущих выпусках Материалов нашей экспедиции. В этом сборнике Т. В. Грек публикует новые индийские надписи, хотя и немногочисленные, но дополняющие более ранние находки и уточняющие их прежнее чтение.

Для понимания характера надписей на глиняных сосудах из Каратепе особенно интересна найденная в 1969 г. двуязычная надпись, дошедшая до нас полностью. Публикация и анализ этой надписи, выполненной брахми и «кушанским письмом», осуществлены совместно Т. В. Грек и В. А. Лившицем.

В статье Х. Хумбаха эпиграфические материалы из Кара-тепе (опубликованные в двух первых сборниках) используются для проверки и уточнения дешифровки других бактрийских надписей — из Точи (Пакистан) и Сурх-Котала (Афганистан), а также для выяснения отдельных не только филологических, но и историко-культурных вопросов. Х. Хумбах, в частности, предлагает свою интерпретацию нескольких дат каратепинских надписей и, опираясь на нее, пытается подкрепить вывод о существовании особой «кушано-сасанидской эры», начинавшейся в 232 г. н. э. Этот вывод привлечет к себе, безусловно, внимание исследователей, хотя вопросы датировки каратепинских надписей, не говоря уже о куманской хронологии в целом, все еще далеки, по моему глубокому убеждению, от окончательного разрешения.

Заметка Т. И. Берлин и З. М. Желнинской об анализах красок с каменных рельефов и стенных росписей Кара-тепе кладет начало технологическим исследованиям каратепинских материалов. Эти исследования будут осуществляться впредь во Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации и охватят все виды художественных изделий, представленных на Кара-тепе.

В сборник включена также составленная О. Н. Щеголевым к десятилетию нашей экспедиции аннотированная библиография, которая дает ясное представление о публикациях материалов экспедиции и об отражении раскопок Кара-тепе 1961—1971 гг. в научной печати.

Издание этого сборника, как и двух предыдущих выпусков Материалов экспедиции, стало возможным лишь благодаря той поддержке, которую оказывает раскопкам Кара-тепе руководство Института востоковедения Академии наук СССР, и прежде всего директор Института академик Б. Г. Гафуров, которому я считаю своим приятным долгом выразить глубокую признательность. Мне хочется также поблагодарить сотрудников Сурхандарьинского музея, партийные, советские и военные организации г. Термеза — за участливое внимание к нашей экспедиции; всех участников раскопок Кара-тепе и обработки каратепинских материалов — за их нелегкий и часто самоотверженный труд; всех советских и зарубежных коллег, принимавших участие в обсуждении наших материалов и выводов,— за ценные советы, сообщения и замечания.

Б. Ставиский

Б. Я. Ставиский

ИТОГИ РАСКОПОК КАРА-ТЕПЕ
в 1965—1969 гг.

В полевые сезоны 1965, 1966, 1967, 1968 и 1969 гг. совместная экпедиция Государственного ордена Ленина Эрмитажа, Государственного музея искусства народов Востока (ГМИНВ), Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей (ВЦНИЛКР) и Института востоковедения Академии наук СССР продолжала свои исследования на холме Кара-тепе, расположенном в северо-западном углу городища Старого Термеза (табл. XXX) [1]. Как и ранее, раскопки Кара-тепе экспедиция вела по договоренно-

---

[1] В работах экспедиции 1965 г. принимали участие сотрудники Государственного Эрмитажа Б. Я. Ставиский (начальник экспедиции) и И. И. Саверкина, архитектор В. Л. Воронина (Москва), а также (кратковременно) археолог Н. Г. Горбунова (Эрмитаж), аспирант Юсуф Якубов и студентки-археологи Ленинградского университета Н. Л. Буровик и И. Н. Медведская. В 1966 г. на Кара-тепе работали Б. Я. Ставиский, сотрудник Государственного Эрмитажа Т. В. Грек (индолог), сотрудники Государственного музея искусств народов Востока Н. С. Юдочкина (археолог) и Э. В. Ганевская, архитектор И. А. Хаустова (Ленинград) и (в течение нескольких дней) сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР В. А. Лившиц. В раскопках Кара-тепе 1967 г. участвовали Б. Я. Ставиский, Т. В. Грек, Н. С. Юдочкина-Сычева, студент Московского университета О. Н. Щеголев и художник В. Г. Георгадзе (Москва); в раскопках 1968 г.— Б. Я. Ставиский, Т. В. Грек, Н. С. Сычева, О. Н. Щеголев, сотрудник Государственного музея искусств народов Востока В. Л. Сычев и художник В. Г. Дончик (Ленинград), а также студенты московских вузов Е. Г. Деборин, Л. Б. Марголис, С. А. Смагин, Л. Э. Улановский и В. С. Юдочкин; в 1969 г.— Б. Я. Ставиский, Т. В. Грек, В. Л. Сычев, сотрудник Государственного музея искусств народов Востока В. П. Николаев (археолог), сотрудник Государственного Эрмитажа Н. В. Дьяконова (искусствовед), сотрудник Института востоковедения АН СССР В. В. Вертоградова (индолог), преподаватель Тартуского Государственного университета Л. Э. Мялль (индолог), архитектор-реставратор М. А. Дементьева (Ленинградская специальная научно-реставрационная производственная мастерская), В. Л. Трофимов (художник-реставратор высшей квалификации ВЦНИЛКР), С. В. Филатов (реставратор ВЦНИЛКР) и О. А. Щербаков (лаборант ВЦНИЛКР), студенты А. Ф. Бердников и Л. А. Щукина (МГПИ им. В. И. Ленина), А. Р. Вяткин и О. Н. Щеголев (МГУ), Ю. Г. Ефимов, Г. Н. Сабуров и И. А. Сытина (ЛГУ), В. И. Зернов и Ю. А. Мусаилов.

сти с Институтом истории и археологии Академии наук Узбекской ССР [2].

Как и в предыдущие раскопочные сезоны (1961—1964 гг.), исследования велись на южной, подковообразной в плане, вершине Кара-тепе, где выявлены восемь (из общего числа двадцати — двадцати пяти) располагавшихся по внешней дуге этой вершины пещерных помещений. Эти помещения, как удалось установить, были частями буддийских комплексов, состоявших из пещерных и наземных построек [3].

Работы 1965—1969 гг. проводились на основном раскопе 1961—1964 гг., т. е. охватывали два комплекса — А и Б, а в 1969 г. и так называемую «пещеру 2». В 1969 г. было осуществлено также исследование внешнего вала Старого Термеза, ограждавшего и Кара-тепе и проходившего немного севернее этого холма [4].

I. РАСКАПЫВАЕМЫЕ СООРУЖЕНИЯ НА ЮЖНОЙ ВЕРШИНЕ КАРА-ТЕПЕ

Комплексы А и Б расположены в северо-восточной части южной вершины холма Кара-тепе (табл. XXX). Впервые эти комплексы были обнаружены в 1937 г. Е. Г. Пчелиной, которая, заложив здесь разведывательные раскопы, выявила небольшой наземный храм и проломы, ведущие в два пещерных храма [5].

Как показали работы нашей экспедиции 1961—1964 гг., наземный храм и один из пещерных храмов входят в комплекс А (пещерный храм получил условное обозначение П-I), а второй пещерный храм (П-II) — в комплекс Б (рис. 1). Выяснилось также, что каждый из этих комплексов имел довольно обширный двор, размещавшийся на искусственно обработанном восточном склоне холма и примыкавший к пе-

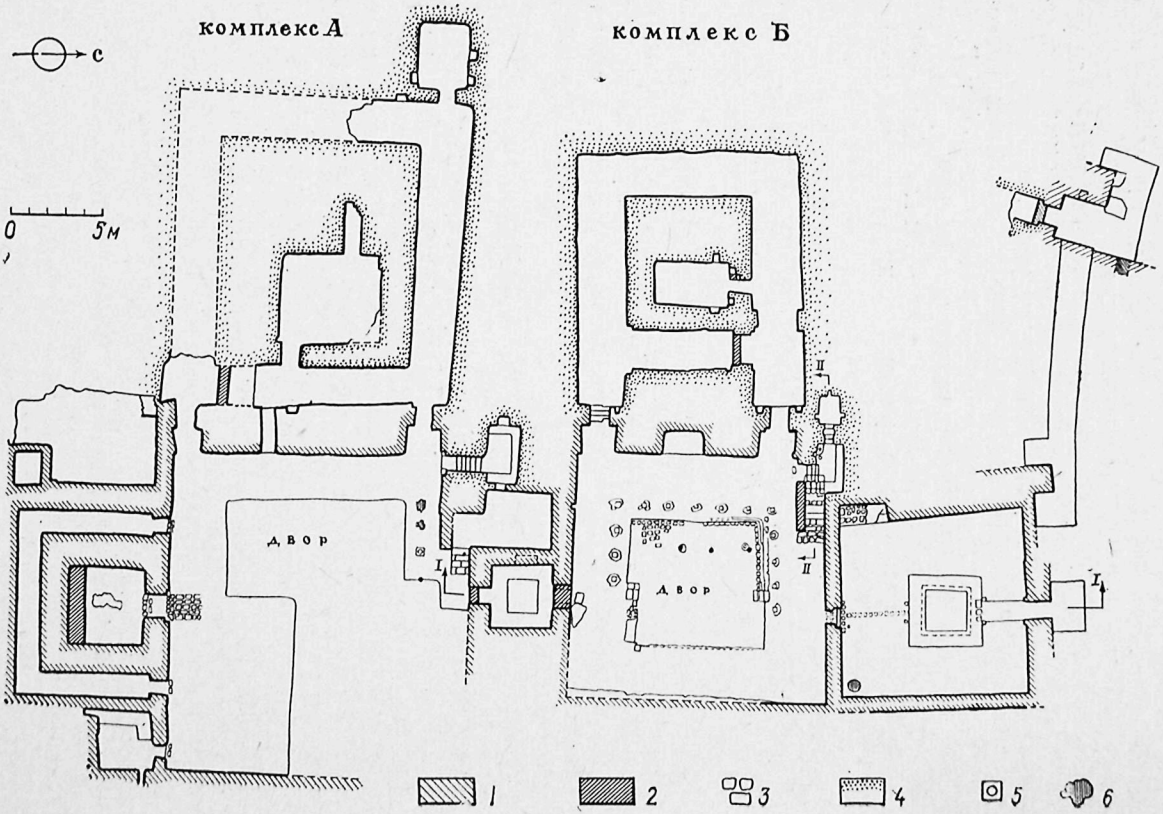
---

[2] Краткую информацию о раскопках Кара-тепе в 1965—1967 гг. см.: Б. Я. Ставиский, Раскопки Кара-тепе — буддийского культового центра в кушанском Термезе в 1965—1967 гг., СГЭ, вып. XXX, Л., 1969; его же, Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе в свете работ 1966 г.,— сб. «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1966 год», Л., 1967; его же, Раскопки буддийских комплексов на Кара-тепе в Старом Термезе,— сб. «Археологические открытия 1966 года», М., 1967; его же, Раскопки Кара-тепе — буддийского культового центра кушанского Термеза,— сб. «Археологические открытия 1967 года», М., 1968.

[3] См. сб. «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе» (далее — Кара-тепе, II), М., 1969, стр. 29—30.

[4] См. статью В. П. Николаева ниже, стр. 62—64.

[5] См.: Е. Г. Пчелина, Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Старом Термезе,— «Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе» (далее — Кара-тепе, I), М., 1964, стр. 82—99.


комплекс А
комплекс Б
С
0
5м
ДВОР
ДВОР
I
II
II
I
1
2
3
4
5
6

щерным храмам, выдолбленным в песчаниковой породе Карагепе. Таким образом, каждый из рассматриваемых комплексов состоял из пещерных и наземных помещений, располагавшихся вокруг большого храмового двора.

1) Комплекс А

Работами 1937 и 1961—1964 гг. здесь был полностью оконтурен наземный храм, расположенный к югу от двора, раскопаны южный, западный и частично северный край двора, входы в пещерный храм П-I, пещерная келья (у северного входа в П-I), а также помещение на склоне холма, к северо-западу от двора комплекса А, выше пещерной кельи. При этом было установлено, что вокруг двора, во всяком случае по его южному, западному и северному краям, в древности тянулись колонные портики— айваны, стены которых были окрашены в ровный красный цвет по белой ганчевой (гипсовой) подгрунтовке; только у входа в целлу наземного храма в 1937 г. Е. Г. Пчелиной были обнаружены следы сюжетной росписи — изображения ступней ног и подолов одежды. В северо-западном углу двора были найдены каменная (из мергелистого известняка) профилированная база колонны и следы (и обломки) от еще трех таких же баз, служивших опорами для не дошедших до нас деревянных колонн. Были расчищены также ступенчатые лестницы, ведущие (вниз) в пещерную келью монаха-служителя и (вверх) в уже упоминавшееся помещение на склоне холма (между комплексами А и Б). Раскопками прошлых лет были также открыты пещерное помещение — кладовая в северо-западном углу пещерного храма П-I, два первоначальных входа в этот пещерный храм и, наконец, выявлен третий, более поздний вход или лаз в него, пробитый после того как перекрытие южной части храма обрушилось и южный вход вышел из строя[6].

Работы в комплексе А в 1965 г. велись лишь в наружном помещении на склоне холма, между комплексами А и Б, а в 1966 и 1968 гг. в восточном коридоре пещерного храма П-I и в открытом здесь центральном помещении храма — пещерном святилище.

В помещении на склоне холма была зачищена западная стена, в которой, как мне казалось[7], находился дверной проем, ведущий на запад, на вершину холма. Тщательная зачистка остатков сырцовой стены показала, однако, что проема здесь не было, а участок стены, принятый сначала за проем, был размыт стекавшими сверху, по склону холма, дождевы-

[6] Подробнее о раскопках комплекса А в 1961—1964 гг. см. Кара-тепе, I, стр. 9—17, и Кара-тепе, II, стр. 9—11.

[7] См. Кара-тепе, II, стр. 11.

ми потоками. Возможно, что здесь ранее находилась ниша. Как бы то ни было, за сырцовой кладкой здесь, как и на соседних участках, располагался срезанный вертикально естественный песчаник, к которому и была пристроена западная стена помещения. Помещение, таким образом, имело единственный выход — на лестницу, ведущую вниз, в северный айван двора комплекса А, а весь комплекс был изолирован от вершины холма и сообщался, видимо, с остальными комплексами и постройками Кара-тепе лишь через ворота в восточной стене двора; этот выход из комплекса А нам еще предстоит открыть.

Раскоп в восточном обходном коридоре пещерного храма П-I был заложен с целью не столько зачистки этого помещения, сколько поисков центрального пещерного святилища комплекса А. На первом этапе раскопок пещерного храма П-I по аналогии с пещерным храмом П-II (в комплексе Б) казалось, что вход в центральное святилище и здесь помещался в одном из коридоров, идущих от входа в храм в глубь холма. Поскольку в северном коридоре его не было, предполагалось, что он находился в южном коридоре. Когда же в ходе раскопочных работ 1961—1962 гг. выяснилось, что сводчатое перекрытие южного коридора обрушилось еще в древности и южная часть храма П-I была замурована сырцовыми стенками-перегородками (в южной части восточного пещерного коридора и в южном входе в храм со двора комплекса А), то мною было высказано предположение о выходе из строя вместе с южным пещерным коридором также и центрального святилища этого пещерного храма[8]. Однако обнаружение пробитого (очевидно, после замуровки южного коридора) нового аккуратного входа в пещерный храм П-I позволило полагать, что центральное святилище этого храма функционировало и после изоляции южного коридора и что, следовательно, вход в это святилище нужно искать не в южном, а в восточном пещерном коридоре[9]. При раскопках 1966 г. это предположение подтвердилось, и вход в центральное святилище пещерного храма П-I был найден в 6,1 *м* от северного края западной стены восточного коридора. Что касается раскопок в восточном коридоре, то они в 1966—1968 гг. затронули лишь северную часть этого помещения, причем только на узкой полосе (шириною в 1,2 *м*) вдоль западной стены коридора раскоп был доведен до первоначального пола.

Восточный коридор ко времени начала раскопок Кара-тепе был заполнен завалом и надувным песком не полностью; в северной его части заполнение не доходило до сводчатого потолка на 50—90 *см,* причем верх этого заполнения пред-

[8] См. Кара-тепе, I, стр. 16 и 91.
[9] См. Кара-тепе, II, стр. 11.

ставлял собой почти совершенно стерильный слой надувного песка и песчано-глинистых натеков (этот слой достигал 1,5—2 *м* в толщину). Ниже, примерно в 50 *см* выше первоначального пола коридора, при раскопках был прослежен вторичный пол пещерного храма, а над ним 40—50-сантиметровый слой песчано-глинистого завала, содержащий большое количество фрагментов керамики, в том числе поливной средневековой посуды и стеклянных изделий, а также костей. В восточной стене коридора, против входа в святилище, обнаружена ниша с арочным верхом шириною и высотою 60 *см* при глубине 45 *см*.

Входной проем из восточного обходного коридора пещерного храма П-I в его святилище располагался в 20 *см* выше первоначального пола коридора, причем поверхность западной стены коридора ниже входного проема, как и в других ее частях, была покрыта ганчевой штукатуркой. Позднее, но, по-видимому, еще в первый период функционирования храма и его святилища, здесь, у входа, к этому оштукатуренному ганчем участку стены была пристроена ступенька высотою 16 *см*, длиною 1 *м* и шириною 34 *см* (при разборке ее прослежен один сырцовый кирпич размером $32 \times 32 \times 12$(?) *см* с глиняным раствором).

Входной проем, ведущий в святилище, был довольно широк (1,3 *м*). Сверху он был перекрыт аркой, высеченной в песчаниковой породе. Проем до самого верха был забит песком, кусками песчаника и землей. В этом заполнении изредка попадались обломки глиняной посуды, в том числе ножка от бокала. В проеме обнаружено две поверхности пола, последняя (верхняя) из которых располагалась на 24 *см* выше первоначальной и покоилась на слое обломков жженых кирпичных плиток, сырца и керамики, перекрытых настилом из кирпича-сырца (размером $30—31 \times 30—31 \times 12$ *см*).

Центральное пещерное святилище комплекса А (рис. 2а, б) в результате раскопочных работ 1966—1968 гг. оконтурено полностью. Это замкнутое, ориентированное по странам света, помещение длиною примерно 5,5 *м* (с севера на юг) и шириною 5,1—5,2 *м* (с запада на восток). Стены помещения сохранились на высоту более 4 *м*. Вход в него находился в восточной стене около юго-восточного угла помещения (в 20 *см* от этого угла). На стенах святилища местами четко видна белая ганчевая штукатурка. Перекрытие этого помещения не сохранилось. Подобное святилище в комплексе Б, раскопанное в предыдущие годы, имело сводчатый потолок, высеченный в песчанике, как и все пещерные помещения Кара-тепе вообще. Первоначально нам казалось, что и в данном случае перекрытие было песчаниковым сводчатым. Однако большая величина пролета уже в 1968 г. заставила усомниться в таком решении потолка и предполагать наличие

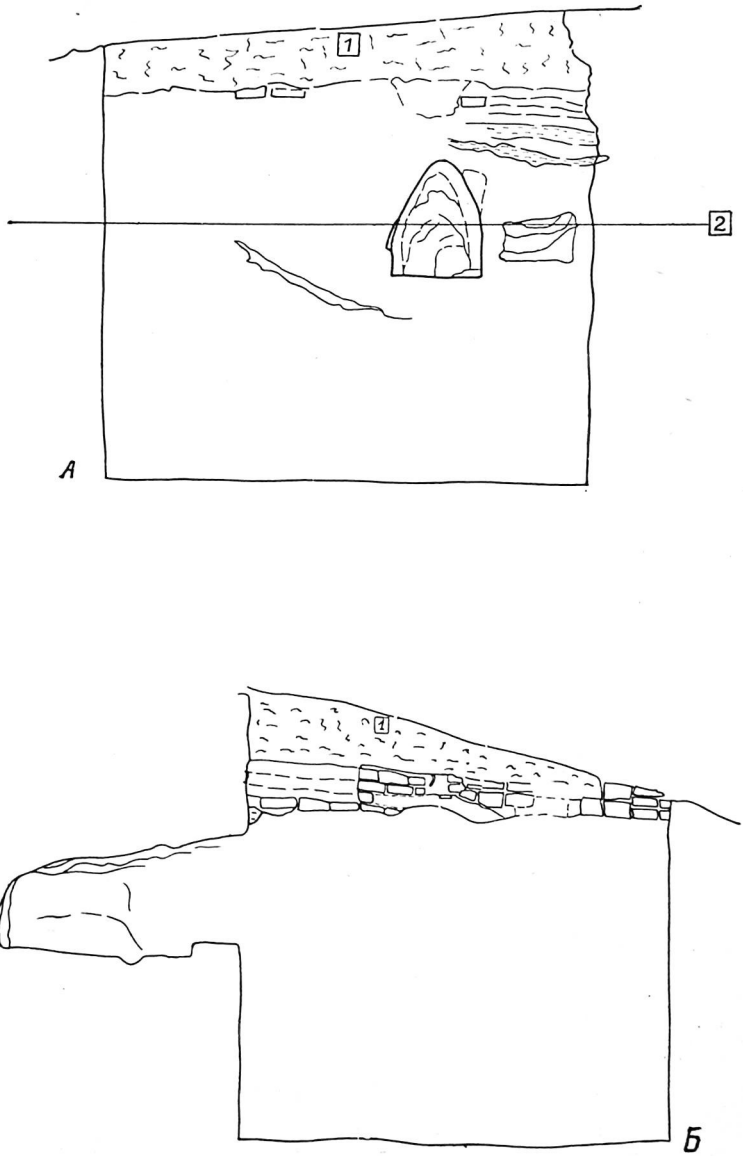


Рис. 2а, б

иной, скорее всего, деревянной системы перекрытия (напомню, что ширина святилища пещерного храма П-II равнялась всего лишь 2,7 *м*[10], т. е. практически была такой же, как у обходных пещерных храмовых коридоров). В 1969 г. выяснилось, что поверх стен, высеченных в мягкой песчаниковой породе холма, были возведены еще кладки из кирпича-сырца. Кладки эти были прослежены по всей северной и значительной части западной стен. Пол в святилище, в отличие от обходного восточного коридора пещерного храма и входа из этого коридора, был один. Его образовала толстая глиняная обмазка выровненной песчаниковой поверхности. Поверхность пола была твердой и ровной.

В западной стене, на высоте 2,35 *м* от уровня пола, обнаружена глубокая ниша (или неоконченный проход) арочного очертания. Глубина ее — 2,75 *м*, ширина — около 1 *м*, высота — 1,3 *м*. У выхода из глубины ниши (или хода) наружу помещается ступенька шириною 0,4 *м*. В глубине стенки и пол ниши (или хода) не закончены, и ниша (или ход) заканчивается неровной, плохо отесанной задней стеной. Проход в глубь этой странной ниши был заполнен рыхлым песчаным заполнением, в котором встречено несколько невыразительных фрагментов керамики.

Некоторые из кирпичей были квадратными и имели стороны длиною 33—35 *см* при толщине 12 *см*. Однако форму и размеры большинства кирпичей с достаточной определенностью установить не удалось. Поверх глиняной обмазки пола шел тонкий (до 1 *см*) горелый слой, а над ним — слой песка и суглинка толщиною от 5 до 40 *см*; по направлению к стенам толщина слоя увеличивалась, а к центру помещения уменьшалась. На этот слой и были уложены более 15 трупов, костные останки которых удалось в значительной части зачистить и зафиксировать (см. схему — рис. 18). В скоплении костей найдены фрагментированная керамика, медные накладки от поясов, кусочки тканей, мелкая синяя бусинка, фрагменты железных предметов, костяное колечко, мелкие медные монеты. Недалеко от входа, в юго-восточной части помещения, в этом слое найдены также сердоликовая бусина и черепок с нанесенными черной тушью стилизованным изображением цветка лотоса и индийской буквой (табл. XIX). Что касается костных останков, то нами в 1969 г. были взяты для антропологических исследований два лежащих отдельно черепа и нижняя челюсть (переданы антропологу Т. П. Кияткиной), а все остальные кости законсервированы — закрыты ватой и папиросной бумагой и засыпаны землей. Выше надпольного слоя лежал примерно метровый плотный завал из натечной глины и кусков песчаника. В нем

---

[10] См. Кара-тепе, I, стр. 19.

также встречена керамика, в основном невыразительные фрагменты толстостенных сосудов. Здесь же у входа найден фрагментированный конусовидный предмет с отверстием посредине, изготовленный из цельного куска мергелистого известняка (табл. VIa). Верхнюю часть заполнения этого центрального помещения пещерного храма П-I составлял рыхлый песчаный массив, перекрытый непосредственно дерновым слоем.

2) Комплекс Б

В предшествующие годы здесь было полностью расчищено центральное святилище пещерного храма П-II, оконтурены окружающие его со всех четырех сторон сводчатые пещерные коридоры, обнаружены оба (северный и южный) выхода из пещерного храма наружу, во двор, и, наконец, начаты раскопки участков двора, примыкавших к выходам из храма. При этом на северном участке был найден и почти полностью оконтурен снаружи вход в пещерную келью монаха, замурованный, как и оба входа в храм П-II, сырцовыми кладками (при закладке входа в келью помимо кирпича-сырца были применены также треугольные блоки мергелистого известняка от какой-то постройки, в которой использовался также раствор ганча с галькой — своеобразная разновидность древнего бетона; куски этого «бетона» также были встречены в закладке входа в келью) [11].

К 1965 г. северный пещерный коридор храма был зачищен до уровня пола на всей восточной его части — от северного выхода наружу до входа в центральное пещерное святилище этого комплекса (только у самого выхода был оставлен столб невынутого заполнения, который поддерживал грозящий, как казалось, рухнуть песчаниковый потолок; «столб» этот обвалился зимой 1964 г.). В 1965 г. этот коридор был раскопан до пола на всем его протяжении — от выхода наружу до западной стены (рис. 4, табл. Iб). До пола также зачищена (в 1965—1966 гг.) северная половина западного обходного коридора пещерного храма. В южном же и восточном обходных коридорах в 1965—1968 гг. работы ограничивались расчисткой, фиксацией и затем засыпкой (временной) рисунков и надписей-граффити, обнаруженных здесь еще в предыдущие годы, но до конца тогда не исследованных. Работы в этих коридорах были продолжены в 1969 г. Восточный коридор в результате этих работ зачищен до поверхности пола полностью.

---

[11] Подробнее о раскопках пещерного храма П-II и примыкающих к его входам участков двора в 1961—1964 гг. см. Кара-тепе, I, стр. 17—20, и Кара-тепе, II, стр. 11—16.

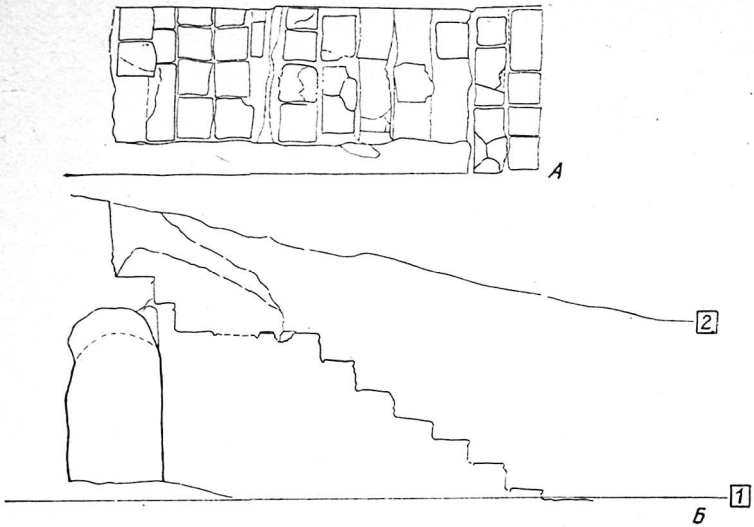


Рис. 3а, б

Над полом над песчано-надувным с глинистыми натеками завалом лежал слой с золой, перегнившей органикой и костями (в том числе разрозненными костями людей). В этом слое наряду с обломками керамики найден кубик красной краски (охры) и поломанное медное украшение с круглой стеклянной вставкой (диам. 1—3 *см*) в центре и мелкими (0,5 *см*) вставками вокруг (рис. 20, 3).

В южном обходном коридоре велась расчистка его восточной части, примыкавшей к южному входу в пещерный храм П-II. Зачищена от завала ниша (в северо-восточном углу) в восточной стене. При дальнейшем углублении раскопа было установлено, что здесь, поверх слоя завала толщиною от 20 до 50 *см*, лежали, как и в святилище пещерного храма П-I комплекса А, трупы людей.

Остатки скелета одного из них удалось зачистить примерно в 1 *м* от юго-восточного угла восточного обходного коридора. К сожалению, кости его сохранились плохо — в виде трухи и лишь отдельными участками. Однако удалось установить, что труп лежал головой на юго-запад, а ногами на северо-восток. Севернее его (видимо, у левой руки) найдены медный браслет, обернутый в ткань, медная бляшка (диам. 1 *см*) и медная пронизка в виде шестопера (дл. 1,5 *см*), а юго-восточнее (вероятно, у правой руки) еще один такой же медный браслет с тканью. На уровне не сохранившегося таза, справа (юго-восточнее) его найдено также фрагменти-

рованное дисковидное медное зеркало (диам. 9 *см*), а возле северной стены южного обходного коридора (в ногах?) — медная серповидная серьга с припаянным к ней стержнем с бусинкой (дл. серьги 1,5 *см*) (рис. 20, 4, 8).

Второй скелет, сохранившийся полностью (табл. XXVIII), был расчищен у южной стены коридора; после зарисовки и фотографирования кости его были законсервированы [12]. В 1965 г. была также расчищена полностью двухкамерная пещерная келья монаха-служителя у северного входа в пещерный храм.

В 1966—1969 гг. проведено значительное расширение раскопов во дворе комплекса Б, в результате чего зачищены большие части западного и северного айванов, часть южного айвана и участок центра двора.

В обходных пещерных коридорах храма П-II работы 1965—1969 гг. не внесли ничего нового для понимания планировки или устройства этой группы пещерных помещений по сравнению с данными прошлых лет. Но стратиграфические наблюдения, сделанные в ходе раскопок 1965—1969 гг., подтвердили прежние выводы и наблюдения. Над полом обходных коридоров всюду, где раскоп был доведен до уровня пола (т. е. в восточном коридоре, западной части северного

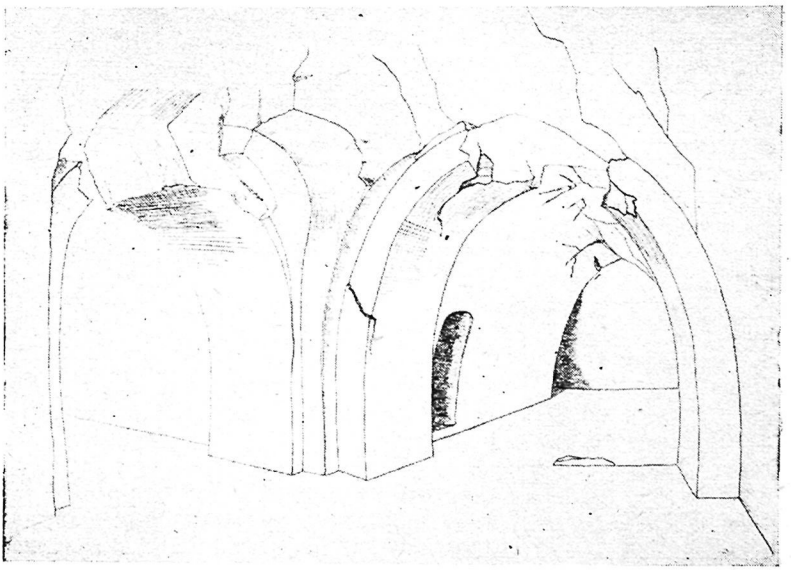


Рис. 4

[12] Подробнее об этом скелете см. ниже, стр. 104—105.

коридора, северной части западного и на отдельных участках южного коридоров), лежал тонкий, не более 20—30 *см,* надпольный слой с глинистыми натеками и песком. Выше располагались слои надувного песка, чередующиеся с тонкими прослойками глинистых натеков, идущих с наклоном от входов в глубь помещений [13].

Надпольный слой был насыщен остатками органики и содержал довольно много находок: фрагменты каменных рельефов и керамической крышки, украшенной изображением цветка лотоса, однотипные с обломками, найденными в прошлые годы; фрагменты глиняных сосудов (в том числе со следами надписей, нанесенных черной тушью на внешнюю сторону стенок сосудов), заготовки красной краски в виде небольших кубиков (табл. XVI) и т. п. Вышележащие слои заполнения, как правило, были пустыми; находки (в основном обломки ранней и средневековой керамики) были здесь редки, и только в самых верхних частях заполнения в большом количестве попадались кости различных животных, вероятно затащенные сюда волками, шакалами или лисицами, которые заселяли эти полузасыпанные пещерные помещения. В этом же слое заполнения в 1968 г. в юго-восточном углу южного обходного коридора, в 1,5—2 *м* выше пола, была найдена медная кушанская монета чекана Васудевы.

Помимо подтверждения прежних стратиграфических наблюдений и ряда новых интересных находок работы в пещерных коридорах комплекса Б в 1965—1968 гг. заметно продвинули очистку пещерного храма П-II от надувного песка и завала и сделали этот храм уже сейчас доступным для обозрения (рис. 5—6).

Наряду с этими, чисто археологическими аспектами работы в пещерных коридорах комплекса Б в 1965—1968 гг. преследовали также цель по возможности наиболее полного изучения и фиксации обнаруженных в восточных частях северного и южного обходных коридоров, а также в восточном коридоре многочисленных разноязычных надписей — граффити. Для этой цели в 1966—1968 гг. в работах здесь принимала участие Т. В. Грек, а в 1966 г. еще и В. А. Лившиц. Особенно большие работы по фиксации надписей-граффити были осуществлены в 1967 г., когда по рекомендации сотрудников Термезского музея Г. А. Бовкун и В. А. Козловского фотографирование надписей пещерного храма П-II любезно осуществил фотограф-криминалист Сурхандарьинского областного Управления охраны общественного порядка капитан П. И. Ланько. В результате всех этих работ были не только

[13] Следы захоронений в виде разрозненных человеческих костей, отмечаемые многократно, и обнаруженные лишь в 1969 г. костяки связаны с нижней частью этого натечно-надувного слоя: они располагались поверх надпольного слоя на наклонном глинистом натеке.

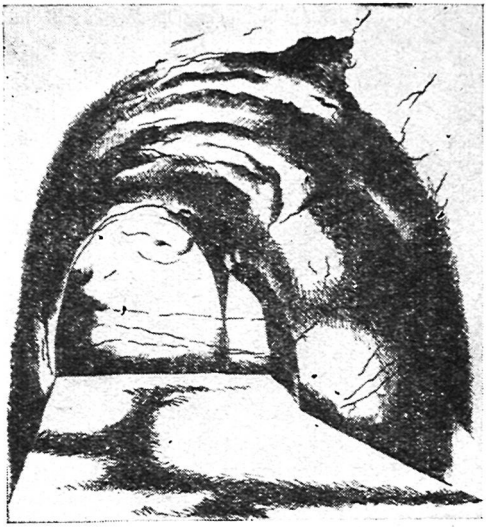


Рис. 5

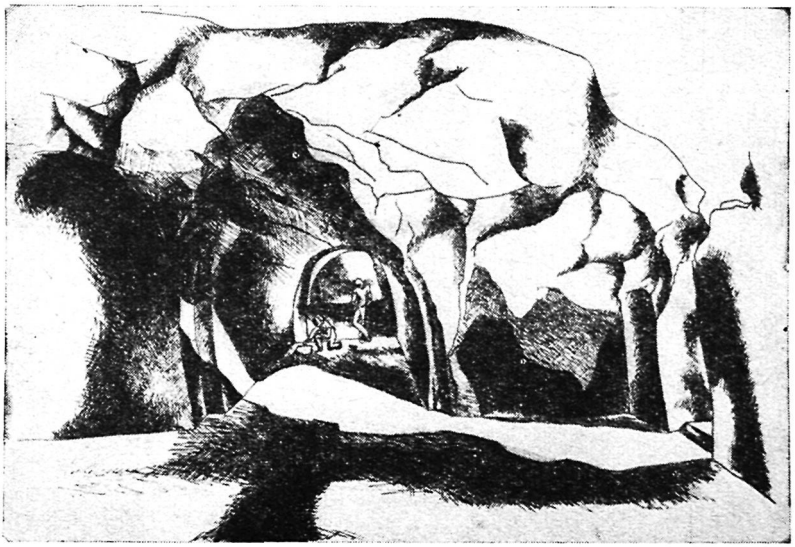


Рис. 6

получены пригодные и для исследования и для публикации фотокопии надписей, но и выявлено несколько новых надписей, а предлагаемое ранее чтение некоторых надписей уточнено.

Пещерная двухкамерная келья монаха (рис. 7), обслуживавшего, вероятно, храм П-II, была раскопана полностью в полевой сезон 1965 г. (замуровка входа в нее, как уже отмечалось выше, была удалена еще в 1964 г.). Арочный вход в келью (высотою до 1,5 *м*) был полностью выдолблен в песчаниковой породе холма. Он был слегка приподнят над полом северного айвана двора. Здесь, образуя порог, на пол айвана была положена плитка мергелистого известняка (размером 43 × 33 × 10 *см*), обмазанная ганчем. Далее шла лестница с четырьмя ступенями, также выдолбленными в песчанике, и пятой ступенькой, сложенной из сырца. Все пять ступеней были обложены сверху жженными кирпичными плитками. На нижней (сырцовой) ступеньке сохранились уложенные в ряд три такие плитки размером 30 × 34 × 4,5 *см* (восточная), 31 × 31 × 7 *см* (средняя) и 30 × 34 × 4,5 *см* (западная). На остальных ступенях *in situ* были найдены лишь фрагменты кирпичных плиток. Лестница сверху вниз постепенно расширялась: ее ширина на уровне первой сверху ступеньки равнялась 84 *см*, на уровне второй — 90 *см*, третьей — 92 *см*, а на уровнях четвертой и пятой ступенек — 1,05 *м*. Различной были также ширина и высота ступенек: у первой сверху — 35 (ширина) и 21 *см* (высота); у второй — 30 и 21 *см*; у третьей — 37 и 30 *см*; у четвертой — 31 и 18 *см* и у нижней (пятой) — 40 и 28 *см*.

Первая камера кельи (рис. 8) имела в плане неправильную форму. Ее размеры вдоль стен: северной — 3,13 *м*; восточной — 2,07 *м*; южной — 2,7 *м*; западной — 2,1 *м*. В юго-восточном углу в южной стене находился описанный выше лестничный вход в келью, посредине западной стены — лестница, ведущая во вторую (нижнюю) камеру. В юго-западном углу располагалась небольшая (0,75 × 0,6 *м*) суфа, высотою 40 *см* со следами от разводимого на ней огня. Рядом с этой суфой-очагом на полу видно углубление, вероятно, от стоявшего здесь сосуда. Другая суфа шириною 0,50—0,68 *м* и высотою 0,36—0,45 *м* тянулась вдоль всей северной стены каморки и соединялась с узкой (до 25 *см* шириною), но равной с нею по высоте суфой, расположенной вдоль восточной стены. Все суфы выдолблены в песчанике и обмазаны сбоку и сверху слоем ганча. В южной стене, в 30 *см* от юго-западного угла камеры, на высоте 1,1 *м* выше пола открыта арочная нишка (шириною 56 *см*, высотою 58 *см* и глубиною 48 *см*), также обмазанная ганчем.

Помещение первоначально имело сводчатый (с осью запад — восток) песчаниковый потолок, в настоящее время

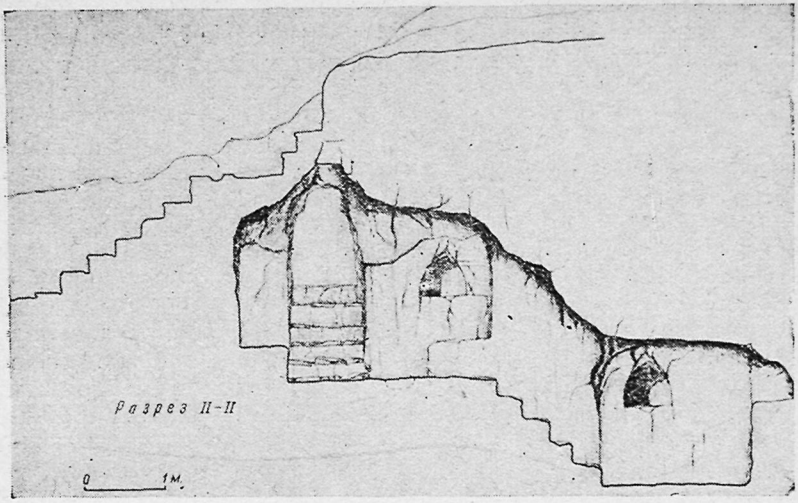


Рис. 7

сильно обвалившийся; его очертания, однако, можно угадать по отдельным участкам сохранившейся поверхности. Потолок и стены были покрыты ганчевой штукатуркой; по низу стен поверх этой штукатурки была нанесена красной краской незамысловатая геометрическая роспись, лучше сохранившаяся в северо-восточном и юго-восточном углах камеры (рис. 12). Пол первой камеры пещерной кельи был неровный, выдолбленный в песчанике и, вероятно, обмазанный глиняным раствором.

Лестничный проход во вторую (нижнюю) камеру (длиною 1,5 *м* и шириною около 0,85 *м*) был арочным (его высота достигала 1,7 *м*). Сводчатый верх, стены и все четыре ступеньки этого прохода также были выдолблены в песчанике, причем стены и потолок первоначально имели ганчевую обмазку (она сохранилась лишь на отдельных участках), а ступеньки, очевидно, как и в лестнице, ведущей из первой камеры во двор, сверху были обложены кирпичными жженными плитками (на ступеньках они не сохранились, но валялись внизу, на полу второй камеры). Две верхние ступеньки достигали в ширину 35 *см*, две нижние — 30 *см*. Первая ступенька сверху имела высоту 15 *см*, вторая — 20 *см*, третья и четвертая — по 25 *см*.

Вторая — нижняя камера по площади была еще меньше первой. Ее размеры вдоль стен: северной — 2,05 *м*; восточной — 1,95 *м*; южной — 2,0 *м*; западной 1,9 *м*. Никаких суф здесь не было, а в каждой из стен (кроме восточной, где

Рис. 8

помещался лестничный проход наверх) находилось по арочной нишке: в северной стене (в 20 *см* от северо-восточного угла), на высоте 1,2 *м* от пола,— северная, шириною 65 *см,* глубиною 50 *см* и высотою 55 *см;* в южной стене (в 42 *см* от юго-восточного угла), на высоте 1,15 *м* от пола,— южная, шириною 62 *см*, глубиною 45 *см* и высотою 50 *см,* и, наконец, в западной стене (в 60 *см* от северо-западного угла), на высоте 1,1 *м* от пола,— западная, шириною 60 *см,* глубиною 53 *см* и высотою 65 *см.* Поверхность потолка (вероятно, сводчатого) и верхних частей стен не сохранилась, внизу же стены и неровный песчаниковый пол были обмазаны толстым слоем ганча.

Обе камеры кельи и проход между ними были полностью заполнены завалом и песком, причем сверху лежал совершенно стерильный массив мелкого надувного песка, под ним — слой с кусками упавшего с потолка и верха стен песчаника, а еще ниже — плотный надпольный слой, насыщенный различными находками.

Во второй (нижней) камере надпольный слой достигал местами толщины 30 *см.* Прямо на полу здесь лежал почти десятисантиметровый черный горелый слой, включавший куски закопченной ганчевой штукатурки и остатки сгоревшей соломенной циновки (или циновок), отпечатавшейся на полу и на найденных здесь же горелых кирпичах, а возле выхо-

да из помещения дошедшей до нас в виде трухи. Эта циновка (или циновки) покрывала весь пол помещения и служила, вероятно, хорошей подстилкой, на которой сидел или лежал хозяин, а возможно, и его гость (или гости). Судя по остаткам красной краски кое-где на полу, можно предполагать, что циновка (или циновки) была раскрашена. В этом же горелом слое найдено много угольков, костей, обломков керамики, а также кирпичных плиток и кирпича-сырца (?). Непосредственно над этим нижним надпольным слоем (в 10 *см* выше поверхности пола), возле северной стены камеры, найдены два человеческих черепа (один в 0,95 *м*, другой в 1,3 *м* от северо-восточного угла помещения). Черепа были сюда выброшены (или затащены животными) из первой (верхней) камеры после того, как утих бушевавший здесь пожар: о силе его свидетельствуют и толщина горелого слоя, и следы сильного обжига и копоти на ганчевой штукатурке стен, и ошлакованный кусок кирпичной плитки, найденный на предпоследней снизу ступеньке лестницы, ведущей в это помещение.

В первой (верхней) камере на полу лежал тонкий (около 5 *см* толщиной) слой золы и перегнившей органики (следов пожара в этом помещении найдено не было). В этом слое встречено много фрагментов керамики; в центре помещения — развал хума. Выше (в основном против выхода наверх, наружу) лежали обломки жженых кирпичных плиток и сырцовых кирпичей (?). Против входа, у северной суфы, над слоем фрагментов сырца и плиток, зачищены остатки скелета человека, лежавшего ногами на восток: *in situ* сохранились части больших и малых берцовых костей, и фаланги двух стоп; западнее, у прохода во вторую (нижнюю) камеру, были найдены нижняя челюсть и еще несколько мелких костей.

При разборе керамики из этой пещерной кельи выяснилось, что фрагменты одного и того же глиняного сосуда нередко были найдены в разных камерах. Таким образом, мы вправе рассматривать находки в надпольном слое обоих помещений этой замурованной в древности монашеской кельи как единый вещественный комплекс. Среди находок, входящих в этот комплекс, особо следует отметить два одноручных красноангобированных с вертикальным полосчатым лощением кувшинчика, крышки с изображением цветка лотоса (табл. XV), фрагмент сосуда с ручкой в виде обезьяны (табл. XVII), налепную штампованную головку под ручкой сосуда (табл. XVIII), куски ганчевых зонтиков-чатр и макетов ступы (?) (табл. XIV), большой кусок рельефа из мергелистого известняка или архитектурной детали с изображением аканфа и следами позолоты (табл. X), биконические глиняные «ядра», небольшую каменную подвеску (табл. XV).

Наземная часть комплекса Б — западный и северный айваны, обрамлявшие храмовый двор, и центральная часть двора — раскапывалась в 1965—1968 гг. в бóльших масштабах, чем пещерные храмовые помещения. В результате удалось расчистить довольно значительный участок наземной части этого комплекса. В северо-западной части двора, к югу от пещерной кельи монаха-служителя, раскопаны девять ступенек лестницы, ведущей на запад, выше этой кельи (рис. 3). По аналогии с комплексом А, где над пещерной кельей, к северу от нее, располагалось большое замкнутое помещение, можно было бы предполагать, что и здесь мы имеем дело с проходом в такое же помещение. Однако в данном случае лестница, видимо, вела на верх холма. Первую ступеньку лестницы образовывали уложенные в ряд на пол жженые плитки — три квадратные (30—31 × 30—31 × 3,5 *см*) и одна прямоугольная (57 × 30 × 3,5 *см*). Вторая ступенька состояла из трех плиток, положенных на песчаниковое (на юге) и глинобитное (в центре и на севере) основание; остальные — из плиток, уложенных поверх глинобитных оснований ступенек: на третьей, четвертой и пятой сохранилось лишь по одной такой жженой плитке; на шестой и восьмой — две плитки. Седьмая ступенька сливается с неширокой площадкой: обе они сложены из трех рядов плиток. Девятая сохранилась лишь в северной части, южная же ее часть провалилась в пролом, ведущий во вход пещерной кельи у храма П-II. Ширина лестницы — около 1,1 *м*. Остатки ее (до девятой ступени) ведут на запад от северного айвана на высоту свыше 2,25 *м* выше уровня пола этого айвана. Завал над лестницей состоял из плотной слежавшейся массы глины и песка. На лестнице и в завале найдено довольно много фрагментов керамических сосудов, в том числе черепок со следами надписи черной тушью.

К югу и востоку от входа в пещерную келью монаха-служителя пещерного храма комплекса Б в 1965—1968 гг. велись работы по зачистке северного и западного айванов (рис. 9, табл. I). В северном айване открыты *in situ* угловая каменная база колонны и следы от еще трех таких же баз, размещавшихся по оси З — В. Пол северного айвана покоился на выровненном песчанике. Базы колонн были укреплены ганчевой обмазкой, дошедшей до нас в виде своеобразных «ганчевых подушек». Пол состоял из нескольких слоев глиняных обмазок, которые перекрывали и «ганчевые подушки» в основании баз: эти «подушки» в древности, таким образом, не были видны. Стена, ограждавшая этот айван с севера, внизу высечена в песчанике и надстроена кирпичом-сырцом. На стене сохранилась толстая глиняная штукатурка с красной раскраской по ганчевой подгрунтовке.

Угловая база, открытая на стыке северного и западного

айванов, имела квадратное основание (30 × 30 *см*) и круглую подставку под ствол колонны (диам. 20,4 *см*), высота базы — 10 *см*. Вторая (если считать с запада) база, судя по остаткам «ганчевой подушки», стояла в 1,45 *м* от первой и имела основание со сторонами примерно в 31—33 *см*. Третья база располагалась в 1,4 *м* восточнее второй, а ее основание имело измерения, судя по отпечаткам в «ганчевой подушке», 33 × 32 *см*. Четвертая база с основанием 32 × 31 *см* помещалась в 1,35 *м* восточнее третьей.

Южный край этого айвана был оформлен рядом жженых плиток, лежащих на краю песчаниковой основы пола айвана и толстой глинобитной обмазки, которая покрывала эту песчаниковую основу с боковой южной поверхности, спускавшейся вертикально вниз до уровня пола пониженной центральной части двора комплекса Б.

Завал в северном айване состоял из двух слоев: нижний (высотой до 1 *м*) включал большое число слежавшихся кусков сырцовых кладок и песчаника, верхний (с высоты 1 *м* от уровня пола) представлял собой массив надувного песка с редкими включениями сырцовых кирпичей. Изредка в завале попадалась керамика как кушанского времени, так и более поздних периодов, вплоть до обломков поливной посуды XI — начала XIII в.

В западном айване двора комплекса Б помимо упоминавшейся уже угловой базы колонны расчищены *in situ* еще две такие же базы, а также «ганчевые подушки» от еще двух баз, т. е. следы от пяти стоящих здесь колонн, располагав-

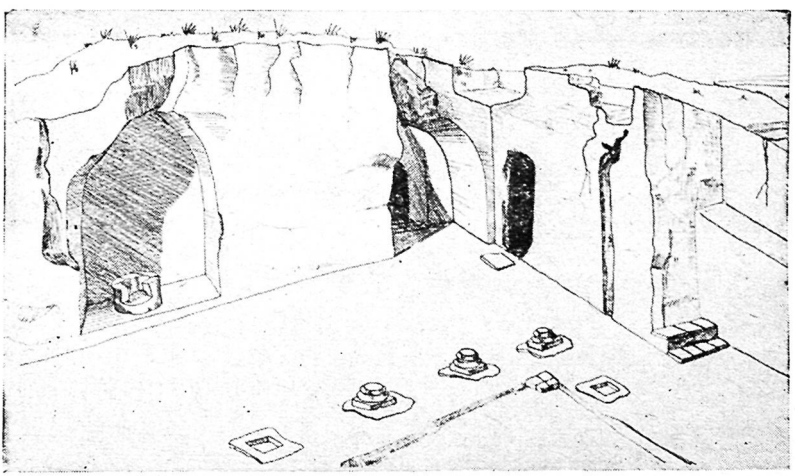


Рис. 9

шихся по оси С — Ю. Вторая (с севера) база стояла в 1,43 *м* южнее первой, третья — в 1,4 *м* южнее второй, четвертая — в 1,46 *м* южнее третьей, пятая — южнее еще на 1,46 *м*. Основания всех этих баз колебались от 30 × 30 *см* до 32 × 32 *см*; основание для ствола колонны второй базы имеет диаметр 19,2 *см*, третьей базы — 20,6 *см*. Устройство пола и закрепление баз колонн «ганчевыми подушками» в западном айване были аналогичны с теми, которые мы уже отмечали при описании северного айвана.

Восточная боковая поверхность песчаниковой основы западного айвана вертикально спускалась к полу центральной части двора и, так же как у северного айвана, была обмазана толстым слоем глины, который здесь, однако, был гораздо тоньше, чем у северного айвана. Песчаниковая стена, ограждавшая с запада западный айван, была покрыта глиняной штукатуркой с красной раскраской по ганчевой подгрунтовке. Стену, судя по сохранившимся слоям обмазок, штукатурили и раскрашивали не менее 3—4 раз.

В стене западного айвана, посредине между двумя входами в пещерный храм комплекса была раскопана (в 1966—1967 гг.) большая арочная ниша (высотой до 2,35 *м* при глубине 1,4 *м* и ширине 2,05 *м*) с геометрической росписью по стенам (рис. 11). Ниша предназначалась, безусловно, для крупной буддийской статуи. Статуя эта, однако, не сохранилась: в какой-то период (вероятно, при разгроме Кара-тепе) на ее месте, в нише, был сооружен (из кирпича-сырца размером 30 × 30 × 11—12 *см*) круглый в плане очаг, диаметром 67—75 *см* и высотой 50 *см*. Очаг внутри обожжен и заполнен чистой светлой золой без угольков, костей и обломков керамики, что свидетельствует об его культовом характере. Перед нами, таким образом, алтарь огня, возведенный на месте, где раньше стояла буддийская статуя. Позднее ниша с очагом, как это было выяснено в 1966 г., была аккуратно заложена сырцовой стенкой. Завал в западном айване имел тот же характер, что и завал северного айвана.

На участке у южного входа в пещерный храм П-II, в юго-западном углу храмового двора при углублении в 1969 г. раскопа вдоль южной стены двора (точнее, южного айвана храмового двора) открыт, впервые за девять лет раскопочных работ нашей экспедиции, фрагмент сюжетной стенной росписи — изображение седобородого лысого старца на синем фоне; этот фрагмент найден лежащим над полом, куда он сполз с южной стены. Завал здесь состоял из надувного песка (сверху) и плотного массива слежавшихся обломков кирпича-сырца, глины и песка, с включениями кусков песчаника (внизу); только непосредственно над полом этот плотный массив сменялся рыхлым слоем. Особенно плотным этот массив был возле южной стены. В завале нередко встречались

обломки керамических сосудов, здесь же найден одноручный кувшинчик. У входа в пещерный храм, на полу найден черепок со следами надписи черной тушью.

Центральная часть двора комплекса Б затронута раскопом 1967—1968 гг. лишь на ограниченном (северо-западном) ее участке. Расширение раскопа к центру двора, на юг, было затруднено большим скоплением фрагментов мергелистого известняка и кусков связующего строительного раствора типа древнего «бетона» (смесь ганча с галькой и мелкими камнями); это скопление строительных остатков (и, возможно, обломков статуй) достигает толщины полметра при диаметре более 3,5 *м*, и расчистка его потребовала много времени и сил.

Раскопанный участок центральной части двора показывает, что центр двора располагался на 0,5 *м* ниже уровня пола айванов (во всяком случае, северного и западного айванов). Конструктивный пол двора составляла искусственно срезанная и выровненная поверхность песчаниковой породы, четко выявлявшаяся по всей площади раскопа. Эта поверхность была неровной, с повышениями и понижениями. В ней по оси С — Ю, на расстоянии около 1,8 *м* от края западного айвана, располагались три углубления, заполненные рыхлой землей и обложенные кусками жженых кирпичных плиток. Самая северная ямка имела диаметр 30 *см* и глубину 34 *см*, вторая (с севера) — диаметр 20 *см* и глубину 19 *см*, третья — диаметр 30 *см* и глубину 32 *см*. Рядом с северной ямкой, юго-западнее ее, открыто углубление (диаметром около 20 *см* при глубине 15 *см*), в котором найдено каменное (из мергелистого известняка) изделие, скорее всего навершие (табл. VIб). Назначение этих ямок не совсем ясно, но представляется наиболее вероятным рассматривать их как остатки от деревянной ограды, окружавшей с западной стороны самый центр двора или, что вернее, находившееся здесь культовое сооружение.

Непосредственно над конструктивной, песчаниковой поверхностью двора шел толстый слой глиняной обмазки, в который была утоплена часть вымостки, отходящей на восток от юго-западного угла раскопа центральной части двора. Вымостку составляли жженые кирпичные плитки размером 28 × 28 и 31 × 31 *см*. Вдоль западного и северного краев центральной части двора тянулись еще две вымостки из одного ряда жженых плиток (размером 27 × 28, 28 × 28, 29 × 30, 30 × 30, 30 × 31, 30 × 34 *см*) на ганчевом растворе (эта вымостка перекрывала первую, пришедшуюся на пониженный участок песчаниковой поверхности). Эта, окаймлявшая двор, вымостка в древности была скрыта под глиняной обмазкой, составлявшей поверхность центральной части двора и переходившей на вертикальные боковые стенки северного и за-

падного айванов. Боковые стенки айванов обмазывались такой глиняной штукатуркой дважды.

В северо-восточном углу раскопа центральной части двора была обнаружена и расчищена лестница, ведущая на северный айван. Она состояла из двух глиняных ступенек с уложенными поверх них прямоугольными жженными кирпичными плитками, по одной плитке (размером 61 × 30 × 3,5 *см*) на каждой ступеньке. Продолжением этих ступенек была третья жженая плитка такого же размера, положенная на толстую глиняную обмазку на краю северного айвана.

Глиняную поверхность пола со следами многократных обмазок перекрывали плотные песчано-глинистые натеки (рис. 10). Поверх них лежал толстый (до 40 *см*) слой рыхлого песчаного завала. В слое глиняных обмазок пола при раскопках были найдены обломки керамики и расколотый на куски круг из мергелистого известняка с прямоугольным вырезом в центре. Над полом, в натеках и нижней части рыхлого песчаного завала, также встречалась фрагментированная керамика; здесь же попадались фрагменты жженых кирпичных плиток (их особенно много было у северного края двора; вероятно, это части ограждения северного айвана), оббитые обломки мергелистого известняка и кусочки каких-то ганчевых украшений (рис. 13, табл. XIII). На поверхности глиняного пола, в 1 *м* от западного и 1 *м* от северного айванов, вниз лицевой частью лежал пирамидальный блок из мергелистого известняка с остатками росписи и позолоты (рис. 16).

Выше слоя рыхлого песчаного завала (примерно в 35—50 *см* выше поверхности пола центральной части двора) почти по всей площади раскопок располагалось упоминавшееся выше скопление кусков мергелистого известняка и «бетона», насчитывавшее многие сотни обломков, в том числе до полу-

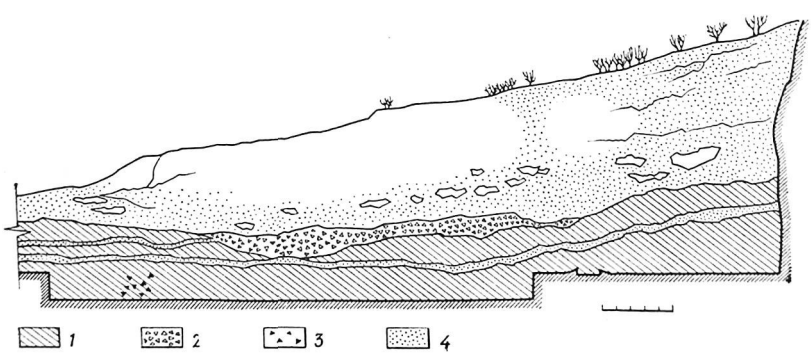


Рис. 10

сотни фрагментов с остатками резьбы или следами раскраски и позолоты (иногда и резьбы, и раскраски, и позолоты вместе). Это всевозможные тяги, листья аканфа, части изображений животных и людей и т. п. (табл. VII—XI).

Над слоем, содержащим это скопление строительных остатков (а возможно, и скульптуры), во дворе до самого дерна тянулся завал песка с отдельными глинистыми прослойками и включениями битого кирпича-сырца.

3) «Пещера № 2»

В 1969 г. было осуществлено также дополнительное обследование так называемой пещеры № 2, ранее, в 20-х и 30-х годах, изучавшейся А. С. Стрелковым, Б. Б. Пиотровским, В. Н. Кесаевым и Г. В. Парфеновым. Эти исследователи расчистили здесь три сводчатых пещерных коридора (восточный, северный и западный), расположенные один за другим в виде буквы П. Мне представлялось вероятным, что здесь имелся и еще один, замыкающий каре южный коридор, а в центре всей этой пещерной группы (по аналогии с комплексами А и Б) — центральное замкнутое святилище.

Работы 1969 г. действительно выявили здесь четвертый — южный сводчатый коридор, прокопанный нами насквозь с запада на восток, вдоль его северной стены, обращенной в глубь холма. Завал здесь состоял из довольно рыхлого массива песка со включениями кусков песчаника и глинистых натеков. В завале на глубине около 1—1,5 *м* ниже верхней точки сводчатого потолка (т. е. не менее чем в 1,5—2 *м* выше уровня пола) найдены фрагментированные поливные керамические тарелки тимуридского времени и коралловая бусина.

Ни в южном, ни во всех остальных коридорах «пещеры № 2» не было обнаружено никаких следов входа, который вел бы в центральную часть этого пещерного комплекса. Таким образом, центрального замкнутого помещения — святилища (во всяком случае, связанного с пещерными коридорами) здесь не оказалось; а по своему устройству этот пещерный комплекс оказался отличным от храмовых пещерных частей комплексов А и Б и от тех каратепинских пещерных комплексов, которые состояли из одного сводчатого коридора с коленчатым поворотом, камерами (или камерой) на конце.

II. ОТДЕЛЬНЫЕ НАХОДКИ

Раскопки Кара-тепе 1965—1968 гг. привели к открытию новых образцов стенных росписей и к находкам отдельных, интересных в научном отношении, памятников искусства и

культуры. В основном эти находки уже упоминались при описании раскапываемых помещений.

1) Стенные росписи

Стенные росписи на Кара-тепе были впервые обнаружены Г. В. Парфеновым при обследовании им в 1934—1936 гг. пещерных помещений в южной части южной вершины этого холма (так называемые пещеры 1, 2 и 3); на стенах этих помещений им были найдены следы частичной раскраски «в красный с коричневым оттенком цвет», а в «пещере № 2» — «следы полихромной росписи растительным и геометрическим орнаментом» [14]. Позднее, в 1937 г., Е. Г. Пчелиной также были открыты остатки красной раскраски на стенах пещерного помещения (северный коридор пещерного храма комплекса А) [15], а в южном айване двора комплекса А, у входа в целлу наземного храма,— остатки полихромной росписи, изображавшей стоящего в рост человека [16]. В ходе раскопочных работ нашей экспедиции в 1961—1968 гг. были исследованы стенные росписи в целле наземного храма и в айванах (южном, западном и северном) двора комплекса А, во входной части северного обходного коридора и во входных нишах пещерного храма (П-II) комплекса Б, а также во входной части пещерного помещения П-III [17]. Работами 1965—1967 гг. открыты новые участки стен со сплошной матово-красной раскраской — в западном и северном айванах двора комплекса Б и орнаментальные росписи — в большой нише западного айвана двора и в первой (верхней) камере пещерной монашеской кельи этого же комплекса (Б).

Сплошная матово-красная раскраска стен, открытая в 1965—1968 гг. в северном и западном айванах двора комплекса Б, аналогична такой же росписи южного, западного и северного айванов двора комплекса А и представляет, очевидно, обычный вид росписей в каратепинских айванах (такой же характер носила, вероятно, роспись центрального помещения — целлы наземного храма в комплексе А). Плохая сохранность штукатурки в верхней части сохранившихся стен айванов раскапывавшихся пока комплексов А и Б (и в целле наземного храма комплекса А) не дают возможности определить, покрывала ли такая сплошная раскраска все плоскости этих стен или же лишь нижнюю их часть; в по-

---

[14] Е. Г. Пчелина, Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе,— Кара-тепе, I, стр. 84.

[15] Там же, стр. 92.

[16] Там же, стр. 89. Ср.: Е. Г. Пчелина, Древнебуддийский монастырь Кара-тепе. Термез,— «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. 4, М., 1946, стр. 52—56.

[17] См. Кара-тепе: I, стр. 27—32, рис. 19—21; II, стр. 11, 12, 14.

следнем случае стена четко делилась бы на матово-красную панель внизу и оштукатуренную раствором ганча белую плоскость вверху. В любом случае, как уже отмечалось [18], росписи такого вида на Кара-тепе находят себе аналогии в близких им по времени памятниках близлежащих областей: сплошная красная раскраска стен на всю их высоту засвидетельствована, по данным Г. А. Пугаченковой, в храме III—II вв. до н. э. на городище Старая Ниса [19], а аналогичная по характеру сплошная окраска стен (правда, не в красный, а в черный цвет) — в целле знаменитого «храма Канишки» в Сурх-Котале [20]; расписанные панели, сочетавшиеся с белой верхней частью стены, были открыты в так называемом Красном коридоре конца I — начала II в. н. э. в южном комплексе построек городища Старая Ниса (панели здесь были малиново-красного цвета) [21] и в парадном помещении II в. н. э. на городище Гяур-кала в Хорезме (здесь панель была раскрашена в темно-голубой цвет) [22].

Росписи, обнаруженные в большой нише западного айвана двора (рис. 11) и в пещерной монашеской келье комплекса Б, носили иной характер. В обоих случаях по низу стен здесь тянулись невысокие красные расписные панели (высотою 1,3 *м* в нише и 0,50—0,55 *м* в монашеской келье), а над ними — полосы геометрического узора, выполненного той же красной краской по белому фону. В нише характер такого узора может быть восстановлен по остаткам росписи на северной стене (рис. 11, верх). Это узор на сетчатом поле, образованный четырьмя диагональными рядами закрашенных квадратиков (высота полосы с этим узором — 34—35 *см*). Еще выше, по белому же фону размещены тонкие красные линии, образующие какие-то фигуры в виде «елочки» (высота таких фигур — до 38 *см*). В келье орнаментальные полосы сохранились в верхней камере на северной и восточной стенах и на западной стене в юго-западном углу. На северной и восточной стенах такая полоса шириной 30 *см* тянется на 7 *см* выше красной панели и состоит из перекрещивающихся редких диагональных и еще более редких вертикальных красных линий. На западной стене орнаментальная полоса шириной 35 *см* отстоит от панели на 5 *см*. Здесь узор образован частой косой сеткой и зубчатым обрамлением сверху и снизу (рис. 12).

---

[18] Кара-тепе, I, стр. 28—31.

[19] Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма,— «Труды ЮТАКЭ», т. VI, М., 1958, стр. 64.

[20] D. Schlumberger, Le temple de Surkh Kotal en Bactriene, I, JA, t. CCXL, 1952, стр. 434, сл.

[21] Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры..., стр. 98.

[22] Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская, Городище Гяур-кала,— «Труды ХАЭЭ», т. II, М., 1958, стр. 359.

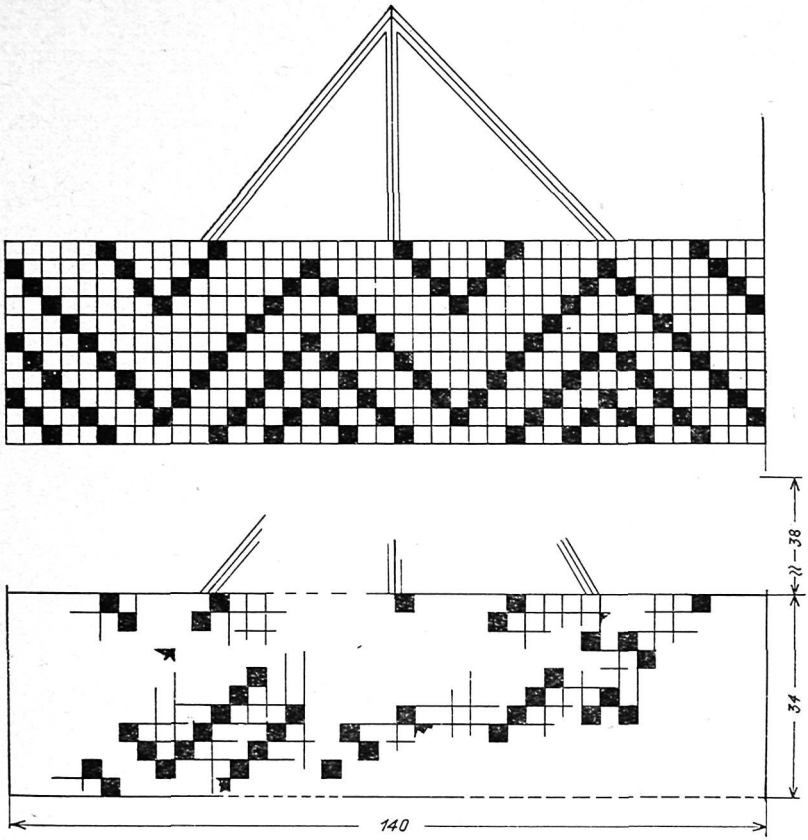


Рис. 11

Стенные росписи ниши и кельи безусловно тесно связаны и с расписными панелями, о которых мы уже говорили, и с орнаментальными расписными полосами пещерных храмовых коридоров [23]. Однако сочетание в одном и том же месте расписных панелей и полос с орнаментальной геометрической росписью ранее на Кара-тепе не встречалось. И поэтому росписи ниши западного айвана двора и пещерной кельи комплекса Б, хотя они и весьма просты, представляют определенный интерес. Еще более ценной является находка в

[23] См. Кара-тепе, I, стр. 27—28 и рис. 21. Следует отметить, что первоначально эти росписи были приняты нами за расписные панели. Позднее, когда северный обходной коридор пещерного храма (П-II) комплекса Б был докопан до пола, выяснилось, что перед нами не панели, а орнаментальные расписные полосы (шириной 50—55 *см*), начинавшиеся на высоте 1,3 *м* выше уровня пола; ниже их, как и в верхней части стен, тянулась белая ганчевая штукатурка.

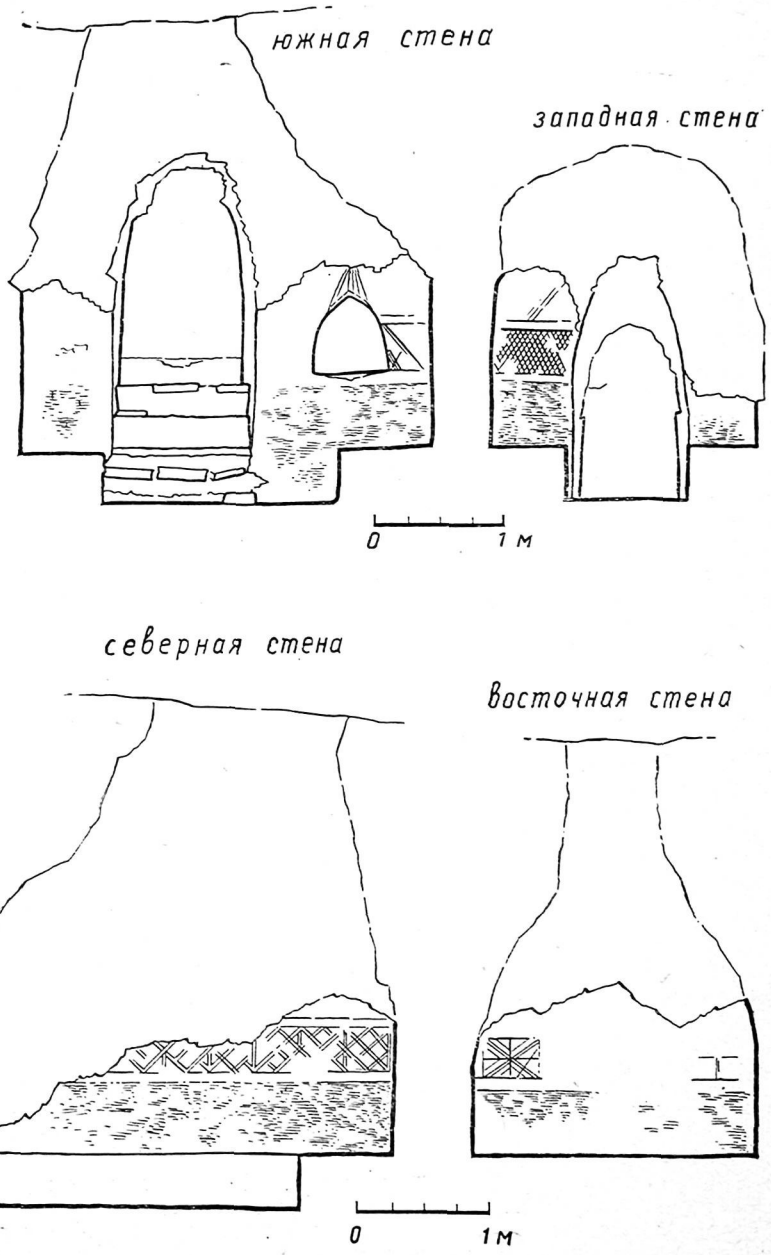

южная стена
западная стена
0
1 м
северная стена
восточная стена
0
1м

Рис. 12

1969 г. в южном айване храмового двора комплекса Б фрагмента сюжетной росписи — профильное изображение на синем фоне головы старика (табл. V).

2) Фрагменты каменных рельефов и украшений из камня и ганча

Фрагменты рельефов и украшений, вырезанных в мергелистом известняке, а также украшение из ганча составляют довольно значительную группу находок 1965—1969 гг. Каменные фрагменты найдены в основном во дворе комплекса Б, меньшая часть — в пещерной монашеской келье этого же комплекса и лишь одна находка — в святилище пещерного храма (П-I) комплекса А.

Фрагменты ганчевого украшения происходят с пола двора комплекса Б.

Среди находок из кучи битого мергелистого известняка, лежавшей над центральной частью двора комплекса Б, следует упомянуть обломки небольших аканфовых листьев, аналогичных изображенным на каменном блоке с рельефной раскрашенной капителью (найдена в этом же комплексе в 1964 г.) [24]. Обломки эти невелики по размерам. Так, найденные в 1967 г. два обломка (табл. XII) имеют в длину всего 4 и 3 *см*; первый из них на внутренней стороне сохранил следы раскраски в синий цвет, второй — на внутренней стороне следы такой же синей, а на внешней стороне — следы красной краски. Из обломков, найденных в 1968 г. (табл. XI), длиной до 3 *см*, три несут следы раскраски в синий цвет, один в синий и красный, один в синий и зеленый и, наконец, один следы позолоты.

Особняком и по форме и по раскраске (в зеленый цвет) стоит фрагмент изогнутого листа с четко выделенной рельефной центральной прожилкой и углубленными прожилками лепестков (табл. XI). Длина этого листа около 5 *см*. Найден он в 1968 г. в том же скоплении обломков мергеля. Этот лист относится, вероятно, к рельефным украшениям какого-то иного типа.

По характеру орнаментации — изображению листвы — к этим находкам примыкает расколотая на куски часть более крупного каменного украшения (возможно, капитель) высотой и шириной 15,5 *см* (табл. X) [25]. Эта находка происходит из пещерной монашеской кельи комплекса Б, куда она была выброшена, очевидно, из двора или какой-то наземной постройки. На выпуклой ее поверхности видны остатки двух поясов листвы, разделенных гладкой полосой со следами позолоты.

---

[24] См. Кара-тепе, II, стр. 21, 159—165.

[25] Инв. номер Отдела Востока Эрмитажа А-1792 (находка 1965 г.).

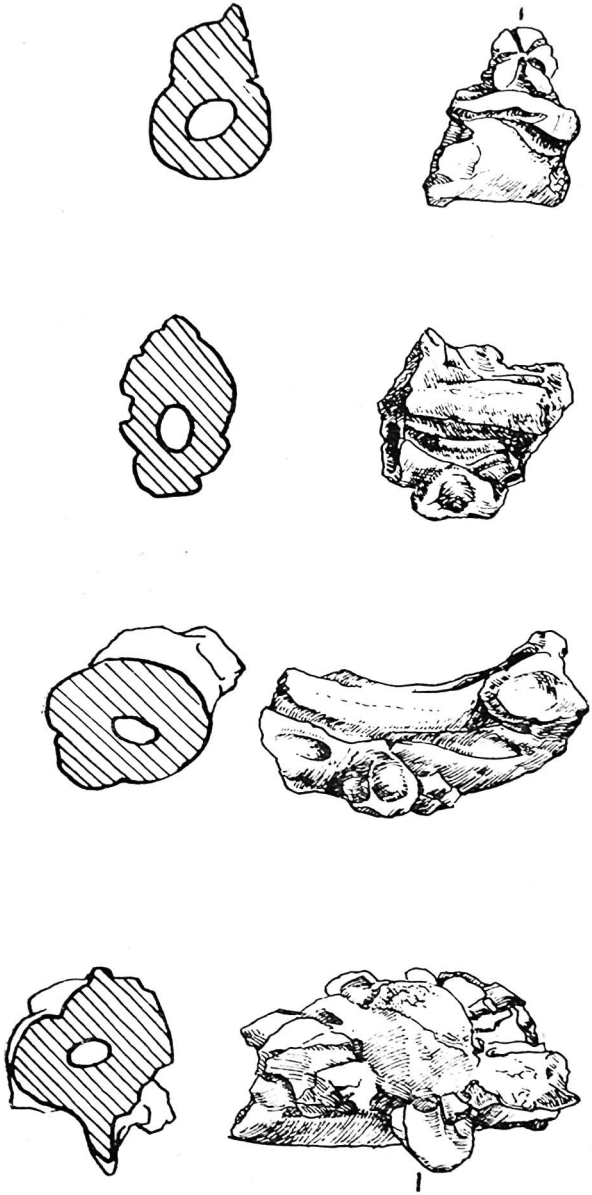


Рис. 13

Растительные мотивы встречены также на каком-то украшении, вылепленном из ганча; четыре куска этого украшения были найдены в 1968 г. на полу центральной части двора комплекса Б. Все они (табл. XIII) представляют собой часть скульптурного изображения стебля, обвитого растительным побегом с мелкими цветами. Их общая длина достигает 20 *см*, наибольший диаметр — 3 *см*. Внутри всех этих четырех обломков идет продольная полость (вероятно, от палочки, составлявшей основу этого скульптурного ганчевого украшения) (рис. 13).

Рельефам или архитектурным украшениям из мергелистого известняка принадлежали обломки небольших «консолей» с вертикальным пазом, разделявшим две выкрашенные в красный цвет боковые вертикальные выкружки (табл. XII) [26]. Таких обломков в скоплении битого мергеля во дворце найдено уже около десятка, а один фрагмент был подобран на поверхности соседнего с Кара-тепе холма Чингиз-тепе [27].

Изображения людей в находках 1965—1968 гг. представлены гораздо беднее, чем в материалах 1963—1964 гг.[28]. Фрагментов таких изображений найдено всего два (оба они происходят из скопления битого мергеля во дворе комплекса Б, а найдены они в 1968 г.). Это — головка, сколотая вертикально почти пополам (рис. 14а, табл. IX), так что трудно сказать, была ли она передана в фас или в три четверти (первое кажется более вероятным), и часть погрудного изображения человека в складчатой одежде — левое плечо и согнутая в локте левая рука (рис. 14б, табл. IX). Головка (высотой всего в 2,5 *см*) изображала безусого и безбородого человека с прямым носом, линия которого является продолжением линии лба, небольшим ртом, расположенным близко к носу, миндалевидными глазами с отмеченным глазным яблоком и прямыми прядями волос. Лицо было покрыто красной краской, волосы — черной. Фрагмент с изображением плеча и руки — крупнее: его размеры 5,5 × 5 *см*. Этот фрагмент относится к уже засвидетельствованным на Кара-тепе изображениям людей (возможно, Будды или бодхисатв) в длинных одеждах со схематично переданными складками [29]. На фрагменте, найденном в 1968 г., хорошо сохранилась

[26] Изображенные на этой табл. фрагменты найдены в 1967 г.

[27] Инв. номер А-1788. Летом 1968 г. подобные, но еще более мелкие по масштабу изображений находки были сделаны неподалеку от Кара-тепе при обследовании В. А. Козловским холма Фаяз-тепе в окрестностях Старого Термеза; по найденным на Фаяз-тепе фрагментам можно судить, что поверх «консолей» тянулся пояс с погрудными изображениями людей. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить В. А. Козловского за возможность ознакомиться с его материалами. Ср. также находку из Шам-кала (Haibak and Kashmir-Smast. Buddhist cave-tempels in Afghanistan and Pakistan serveyed in 1960, ed. by S. Mizuno, Kyoto, 1962, табл. 99).

[28] См. Кара-тепе, II, стр. 145—150.

[29] Там же

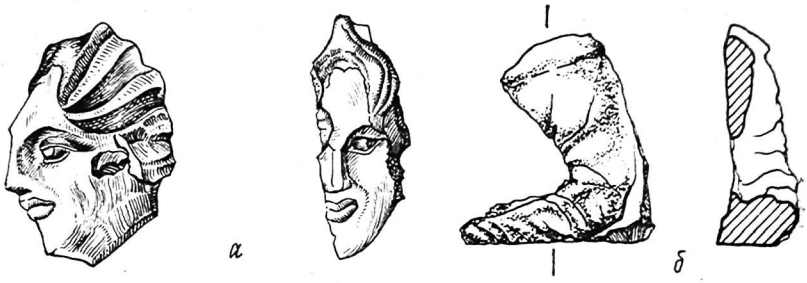


Рис. 14а, б

красная раскраска; справа от фигуры видны также следы синего фона.

Новую интересную группу скульптурных изображений представляют изображения быков, найденные также в скоплении битого мергелистого известняка во дворе комплекса Б. Наиболее полная находка такого рода была сделана в 1967 г., остальные — в 1968 г. Первая — это фрагмент угловой части каменного украшения или рельефа, на обеих (боковых) сторонах которого на синем фоне помещены рельефные изображения бычьих голов (табл. VIII). На головах хорошо видны следы красной раскраски, и на одной из них — слабые остатки позолоты (поверх красной раскраски). Величина фрагмента невелика ($6 \times 5 \times 4{,}5$ *см*), и неясно, часть ли это скульптурного изображения животных или только их голов. Среди находок 1968 г. обломки трех головок быков (рис. 15, табл. VIII) по стилю и характеру сходны с изображенными на фрагменте угловой части; все они несут следы красной краски (никаких остатков позолоты, правда, на них не сохранилось). В 1968 г. найдены также фрагменты с рельефными (со следами красной краски) изображениями горбов быков-зебу (рис. 15, табл. VII), аналогичных изображенным на уже упоминавшейся капители с двухпоясной композицией (из находок 1964 г.) [30]. Вполне вероятно, что и головки (во всяком случае, несколько из них) были не самостоятельными рельефами, а лишь фрагментами более полных рельефных изображений таких горбатых животных. Как это уже отмечалось в связи с разбором изображений на капители [31], зебу — частый персонаж рельефов древней Индии. Однако вряд ли следует изображения зебу на Кара-тепе обязательно связывать с влиянием древнеиндийского (в частности, гандхарского) искусства: зебувидная порода коров существует в Средней Азии по сей день, а на обитание таких

[30] Кара-тепе, II, стр. 159—165, рис. 38—39.
[31] Там же.

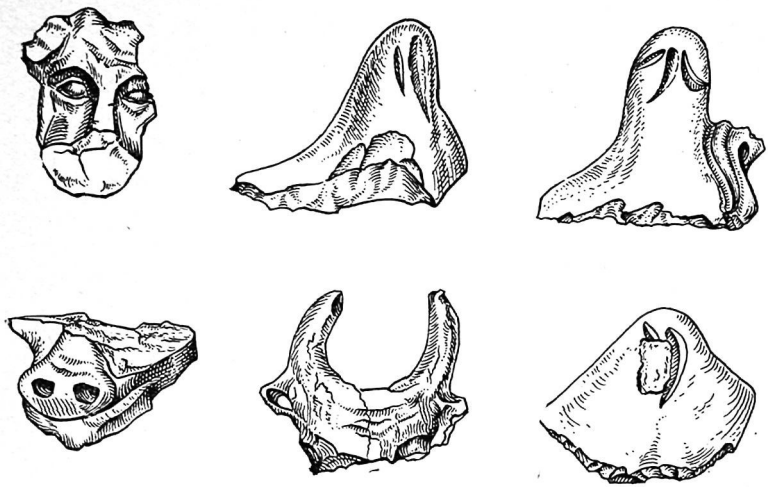


Рис. 15

животных в районе Термеза в древности может указывать помимо каменных рельефов и небольшая терракотовая фигурка, также найденная на Кара-тепе (табл. XVIII); во всяком случае, и в рельефах, и в терракотовой скульптуре зебу переданы столь натуралистично, что их вероятнее считать изображениями реальных, хорошо знакомых художникам, животных, чем простыми копиями индийских образцов.

К рассматриваемой группе находок относятся и два более крупных изделия из мергелистого известняка, найденных во дворе комплекса Б: каменный блок (с росписью и позолотой на лицевой стороне) и каменное профилированное навершие. Каменный блок лежал на поверхности пола во дворе лицевой стороной вниз. Найден он в ходе раскопочных работ 1967 г. Каменное навершие найдено в 1968 г. в яме, вырытой во дворе возле первой (с севера) ямки от ограды.

Каменный блок имел форму усеченной пирамиды, широкое основание которой служило лицевой поверхностью этого изделия (рис. 16). На лицевой поверхности сохранились участки белой поверхности и росписи красной и синей краской, а также остатки позолоты. По одному из краев (вероятнее всего — верхнему) видны красный полукруглый лепесток и часть еще одного такого же полукруга. Между ними прослеживаются более мелкие лепестки. Эти два ряда лепестков снизу были обрамлены синей полосой. Еще ниже сохранились следы красной краски и остатки позолоты, возможно, что от красной и золотой полос или же от позолоченной полосы на красном фоне. В общем, характер росписи нижней части блока

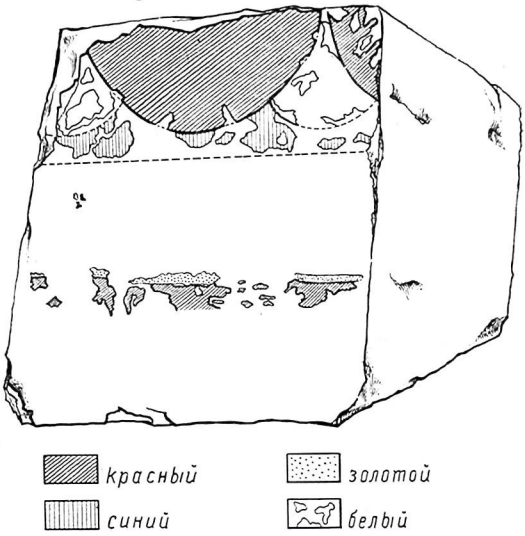


Рис. 16

остается все же недостаточно ясным. Верхняя же часть, как это определила уже в поле Т. В. Грек, представляет собой стилизованное изображение лепестков лотоса, характерное для постаментов статуй Будды и бодхисатв в средневековых буддийских росписях Центральной Азии. Украшение постаментов буддийских статуй подобными изображениями «перевернутого лотоса» практиковалось и в Гандхаре (наряду с реалистически переданным цветком лотоса и стилизованным, но обращенным не вниз, а вверх цветком) [32].

Близкую параллель изображению на каратепинском блоке можно видеть на рельефе бодхисатвы из Пешаварского музея, где постамент, украшенный рельефным изображением

---

[32] См., например: A. Foucher, L'art gréco-bouddhique du Gandhara. t. I, Paris, 1905, стр. 286, рис. 145 и H. Ingholt, Gandharan Art in Pakistan, New York, 1957, № 8 — рельеф ступы из Сикри в Лахорском музее (трон Будды оформлен в виде перевернутого цветка лотоса с двумя рядами лепестков); A. Foucher, L'art gréco-bouddhique, t. II, 1, Paris, 1918, стр. 209, рис. 407 — статуя Будды из Британского музея (трон оформлен рядами лепестков перевернутого цветка лотоса), стр. 215, рис. 411—412 — статуи Бхармы и Индры из Калькуттского и Пешаварского музеев (два ряда лепестков перевернутого цветка лотоса); там же, t. II, 2, Paris, 1922, стр. 511, рис. 485— рельеф из Тахти-Бахи в Пешаварском музее (основания у предстоящих перед Буддой слева и справа персонажей украшены изображением двух рядов лепестков перевернутого цветка лотоса). Ср.: H. Ingholt, Gandharan Art, № 227, 257—262, 317, 322.

плавающих в воде рыб, обрамлен по верху столь же условно трактованными лепестками лотоса (табл. XXIX) [33].

Все эти аналогии дают основание предполагать, что каратепинский блок мог быть частью составного постамента буддийской статуи, украшенного столь характерным изображением стилизованного цветка лотоса; лишь в отличие от приводимых для сравнения гандхарских статуй и рельефов здесь это изображение было выполнено не рельефом, а росписью.

Нижняя поверхность каменного навершия (табл. VIб) была обработана точно так же, как верхняя поверхность каменных баз колонн. Круглая в плане, с прямоугольным гнездом для скрепления с вертикальным столбом, эта поверхность навершия была даже принята нами первоначально (навершие было найдено лежащим этой поверхностью вверх) за верх каменной базы, сброшенной во двор с одного из айванов. Однако когда это изделие было выкопано полностью, его отличие от каменных баз колонн стало совершенно очевидным. Тщательная обработка поверхности и сложная профилировка изделия подчеркивают его декоративное назначение. Уплощенность верхней части указывает, что навершие могло одновременно служить и подставкой для какого-нибудь культового предмета. Учитывая место находки этого изделия — во дворе, возле ямки от столба ограды,— заманчиво видеть в нем именно декоративное навершие столба, возведенного неподалеку от центра двора, близ ступы (или иного культового сооружения) и служившего ее оградой и дополнением.

Со ступой следует, вероятно, связывать и находки обломков декоративных каменных (из мергелистого известняка) зонтиков, аналогичных уже встреченным на Кара-тепе ранее [34]. Четыре обломка таких зонтиков (табл. X) были найдены в 1967 г. в скоплении битого мергелистого известняка во дворе комплекса Б. На двух из них видны следы красной раскраски на внешней стороне, на двух — круглые сквозные отверстия для подвешивания украшений или колокольчиков (?). Еще один обломок такого же зонтика, раскрашенного снаружи красной краской, найден в том же скоплении кусков мергеля в 1968 г. Более четкое представление о том, как выглядели подобные декоративные зонтики, дают находки 1965 г. в пещерной монашеской келье комплекса Б. Это фрагментированные миниатюрные зонтики из мергелистого известняка (табл. XIV) [35], украшавшие, по-видимому, макет

---

[33] См. «Gandhara Sculpture in the National Museum of Pakistan», Karachi, 1956 (Каталог выставки в Карачи, приуроченной к 2500-летию со дня рождения Будды), стр. 21, 43 (№ 38).

[34] См. Кара-тепе, I, стр. 35—36, рис. 30.

[35] Инв. № А-1790.

ступы. Диаметр первого зонтика — 11 *см*, второго — 8,5 *см*. Снаружи оба зонтика были выкрашены в красный, с внутренней стороны — в синий цвет. Вместе с ними в 1965 г. в пещерной келье монаха были найдены обломки также вырезанных из мергелистого известняка миниатюрных изделий, возможно скульптурных изображений ступы (табл. XIV). Один из этих обломков (длиной 5 *см* и высотой 3 *см*) представляет часть ступенчатого основания (?), четыре других—круглую подставку (радиусом около 9 *см*). Ступенчатый обломок был раскрашен: на второй и третьей снизу ступеньках сохранились следы красной краски, на четвертой (верхней) сбоку — красная, а сверху — синяя раскраска. Остатки красной раскраски видны и на верхней выкружке фрагментов круглой подставки. Обломок ступенчатого основания (?) был найден в 1968 г. и в скоплении битого мергеля во дворе комплекса Б. Это такой же величины фрагмент с четырьмя ступеньками, из которых две средние сохранили следы красной краски, верхняя — синей, а нижняя — зеленой.

С декоративными зонтиками, украшавшими ступу (?), связана, возможно, и еще одна находка — часть высеченного из мергелистого известняка усеченного конуса с круглым вертикальным отверстием посредине (табл. VIa). Этот интересный предмет был найден в завале около выхода из святилища пещерного храма П-I комплекса А. Вполне вероятно, что это изделие могло служить опорой для стержня, на котором размещались декоративные зонтики.

3) Керамика

Керамике Кара-тепе будет посвящена специальная работа сотрудника экспедиции Н. С. Сычевой[36]. Поэтому здесь я остановлюсь лишь на некоторых находках и на художественной керамике. Обращают на себя внимание характерные кувшинчики с вертикальными ручками, покрытые красным ангобом с вертикальными полосками лощения. Кувшинчики этого типа были встречены еще в 1937 г. Е. Г. Пчелиной в пещерной келье храма П-I комплекса А[37]. Находка подобных кувшинчиков в пещерной келье храма П-II комплекса Б наводит на мысль, что такие сосуды были непременной принадлежностью монахов, обитателей келий Кара-тепе, составляя своеобразный «монашеский керамический сервиз». Находки аналогичных сосудов в других местах раскапываемых

---

[36] Работа Н. С. Сычевой готовится к печати. Материалы к ней см.: Н. С. Сычева, Сравнительный анализ керамики из комплексов А и Б Кара-тепе в Старом Термезе,— СГМИНВ, I, М., 1969, стр. 68—74; ее же, Керамика из кельи пещерного храма П-II,— СГМИНВ, II, М., 1969, стр. 89—106.

[37] См. Кара-тепе, I, стр. 93—94, рис. 37.

нами сооружений, в частности в центральном замкнутом святилище пещерного храма П-I комплекса А, не противоречат этому предположению.

Отдельную, также уже отмеченную ранее на Кара-тепе[38], группу керамических находок составляют крышки, украшенные изображением распустившегося цветка лотоса. Четыре такие крышки, найденные в 1965 г., заметно пополняют эту группу каратепинских находок, служивших, вероятно, крышками культовых коробочек или реликвариев[39]. Все каратепинские крышки — круглые в плане (табл. XV).

Фрагментированная и сильно оббитая крышка со следами красного ангоба (табл. XV) найдена во дворе комплекса А, в слое завала[40]. Она была толстой, плоской снизу и имела высокую ручку, оформленную в виде многолепесткового цветка, оттиснутого штампом по сырой глине. Диаметр крышки определить нельзя, высота ее сохранившейся части — 6,5 *см*.

Три остальные крышки найдены на полу пещерной кельи монаха в комплексе Б. Одна из них[41], диаметром 12 *см* и высотой (вместе с ручкой) 5,5 *см*, плоская снизу, по верху украшена штампованным рельефным изображением цветка лотоса, окружавшим простую цилиндрическую ручку. Цветок лотоса передан весьма условно: из-за восьми схематизированных распустившихся лепестков верхнего ряда выглядывают восемь таких же пышных лепестков. Внутри каждого лепестка угадывается выделенная контуром его центральная часть. Рельефное изображение лотоса и вся крышка вообще покрыты толстым коричневатым ангобом. Края крышки местами оббиты, но в целом она сохранилась хорошо.

Вторая крышка из этой же монашеской кельи[42] дошла до нас более поврежденной; примерно четвертая часть ее края и ручка отбиты. Как и предыдущие, эта крышка снизу была плоской, а сверху украшенной рельефным изображением распустившегося цветка, обрамлявшим вертикальную

---

[38] Там же, стр. 35, 36—38, рис. 29.

[39] Ср.: A. Foucher, L'art gréco-bouddhique, t. I, Paris, 1905, стр. 49. рис. 6; J. Marshall, Taxila, vol. III, Cambridge, 1951, табл. 35, 36, 49, 50, 80. Наиболее близкие аналогии крышкам из Кара-тепе, как уже отмечалось (см. Кара-тепе, I, стр. 38, прим. 63), дают находки во втором слое Беграма (см. F. Ghirshman, Begram,— MDAFA, t. XII, Cairo, 1946, стр. 58, 194; табл. XVI, 14 и XXXVI, 424).

[40] Полевой шифр $\frac{\text{КТ-65}}{\text{ІД-40}}$; инв. № А-1791.

[41] Полевой шифр $\frac{\text{КТ-65}}{\text{ІІК-39}}$; инв. № А-1777.

[42] Полевой шифр $\frac{\text{КТ-65}}{\text{ІІК-38}}$; инв. № А-1776.

(вероятно, цилиндрическую) ручку. Цветок здесь имел лишь один ряд лепестков. Лепестков было, по-видимому, девять, причем передача их была одновременно и схематизированной и усложненной: внутри каждого лепестка, заостренной геометризированной формы, углублениями выделяется центральная часть с продольной, также углубленной, прожилкой; по внешнему обводу нанесены еще вытянутые в ряд точечные углубления. И рельеф и углубления на этой крышке выполнены, по-видимому, от руки, и форма лепестков и углублений в разных частях рельефа явно различна.

Последняя, третья крышка из пещерной монашеской кельи комплекса Б[43] дошла до нас лишь в обломках, причем значительной части ее недостает. Судя по сохранившимся фрагментам, крышка достигала 19 *см* в диаметре. Толщина ее в дошедших до нас обломках не превышает 1,8 *см*. Покрывавший ее темно-красный ангоб сохранился лишь на небольших участках. По форме эта крышка была аналогична предыдущим: плоская снизу, на верхней стороне она имела столбовидную центральную ручку и вокруг ручки — рельефное изображение распустившегося цветка. Изображенный здесь цветок имел один ряд лепестков (всего таких лепестков было, по-видимому, восемь). Центральная часть каждого лепестка имела граненое углубление, передающее, вероятно, центральную прожилку. Каждый лепесток по краю был обрамлен рядом точечных углублений.

В целом, будучи безусловно близки друг к другу, все крышки, найденные в 1965 г., равно как и находки предыдущих раскопочных сезонов, ни разу не повторяют одна другую. Все это дает право говорить о разнообразии, а вернее, об индивидуальности изделий этого рода: каждую отдельную крышку культовой коробочки или реликвария изготавливали, очевидно, по-своему, не повторяя какой-то стандартный образец, а лишь сохраняя общую форму и характер украшения.

Раскопки 1965—1968 гг. также обогатили в общем небольшую каратепинскую коллекцию художественной посуды и терракот. В уже не раз упоминавшейся пещерной монашеской келье комплекса Б были найдены два фрагмента глиняных сосудов с художественными изображениями. Один из таких фрагментов представляет собой часть стенки сосуда с вертикальной ручкой, в основании которой помещен налеп со штампованным изображением человеческой головки (табл. XVIII)[44]. Оттиск головки высотой 3,5 *см* смазан, но

[43] Полевой шифр $\frac{\text{КТ-65}}{\text{ПК-35}}$; инв. № А-1792.

[44] Полевой шифр $\frac{\text{КТ-65}}{\text{ПК-14}}$, инв № А-1773.

все же хорошо различимо овальное безбородое и безусое лицо, изображенное в фас, с рельефно выдающимся носом, небольшим ртом с резко очерченными губами, помещенным близко к носу, и крупными глазами с отмеченными рельефом веками. Это вторая на Кара-тепе находка штампованного изображения человеческой головки, украшавшей керамический сосуд: впервые такое украшение было найдено в 1964 г. в песчаном заполнении восточного обходного коридора пещерного храма П-II комплекса Б; это был налеп под носиком сосуда, а само изображение передавало повернутое в три четверти лицо безбородого и безусого человека [45]. Новая находка показывает известное распространение в керамике Кара-тепе (и, видимо, Термеза кушанского периода вообще) налепов с изображением человеческих головок. В то же время новая находка очень интересна тем, что налеп с изображением головки человека помещен здесь под ручкой сосуда; эта особенность, восходящая к античным прототипам, сближает каратепинскую находку с керамикой Согда и Хотана [46].

Столь же интересен и в художественном, и в историко-культурном отношении второй черепок — часть стенки красноангобированного сосуда с налепной вертикальной ручкой в виде фигурки обезьяны (табл. XVIIа) [47]. Фигурка длиной 7 *см* передана весьма схематично, и лишь головка животного проработана детально. Головка повернута влево. Скульптурное ее изображение дополнено углублениями, отмечающими рот, глаза, волосы на макушке, уши. Круглым углублением переданы также зрачки.

Сходная с этой находкой ручка найдена в 1968 г. на поверхности холма Кара-тепе. Эта ручка (табл. XVIIб) длиной более 6 *см* также изображала, вероятно, обезьяну, повернувшую влево голову; головка, к сожалению, сильно оббита и из деталей изображения различимы лишь глаза и волосы на макушке животного.

Ручки в виде фигурки обезьянки, повернувшей голову в сторону, привлекают к себе внимание уже самим персонажем изображения, восходящим к Индии и ее искусству и в то же время перекликающимся с керамикой Хотана. Сам же прием изготовления ручки сосуда в виде скульптурной фигурки животного нельзя не связать с широко распространенным в первые века н. э. на севере Средней Азии, а в равной мере и у многих племен евразийских степей обычаем снабжать глиняные сосуды ручками такого рода со скульптурными изо-

---

[45] См. Кара-тепе, II, стр. 20 и рис. 8, в.
[46] См. ниже, стр. 58, 59.
[47] Полевой шифр $\frac{КТ\text{-}65}{IIК\text{-}12}$; инв. № А-1771.

бражениями, правда, иных, более известных на этих территориях животных[48].

Работы 1965 г. принесли также находку еще одной терракотовой фигурки. Это фигурка горбатой коровы-зебу (табл. XVIII) длиной 8 *см*, найденная в завале над центральной частью двора комплекса Б[49]. Фигурка оббита; красный ангоб, первоначально покрывавший ее, почти полностью отлетел. Однако общий характер фигурки ясен благодаря хорошо сохранившемуся горбу. Эта находка, перекликающаяся с изображениями зебу в каменных каратепинских рельефах, свидетельствует о распространении этого персонажа в разных видах изобразительного искусства кушанского Термеза.

Известный интерес представляют также находки черепков двух глиняных сосудов, на одном из которых черной тушью нанесено изображение цветка лотоса[50], на втором — выцарапаны свастика и какой-то неясный знак (табл. XIX)[51]. Оба изображения — лотос и свастика — широко распространены в орнаментации буддийских предметов, и их появление на керамике, которую использовали в буддийских комплексах Кара-тепе, вполне закономерно.

4) Надписи

Работы 1965—1968 гг. привели также к новым находкам разноязычных надписей. Как и ранее[52], это, во-первых, надписи черной тушью, нанесенные на тулова глиняных сосудов в период расцвета буддийских комплексов Кара-тепе; и, во-вторых, надписи-граффити, процарапанные посетителями на стенах покинутых помещений пещерного храма П-II комплекса Б.

Надписи на керамике (табл. XX—XXIII), найденные в 1965—1968 гг., существенно дополнили прежние находки: как это установила Т. В. Грек, некоторые из индийских надписей этих лет перекликаются с найденными еще в 1961—1962 гг., другие удалось подобрать к фрагментам из предыдущих рас-

---

[48] См. ниже, стр. 59—61. С этими изображениями на глиняных сосудах связана (по сюжету) и найденная возле цитадели Термеза и переданная нам тов. Сальниковым фрагментированная терракота или ручка крышки керамического сосуда (табл. XVIII).

[49] Полевой шифр $\frac{\text{КТ-65}}{\text{транш-13}}$; инв. № А-1772

[50] Склеен из трех кусков. Полевой шифр $\frac{\text{КТ-66}}{\text{А-1}}$; инв. № А-1816. Найден над полом святилища пещерного храма П-1 комплекса А.

[51] Склеен из двух кусков. Найден в 1967 г. над полом западного айвана двора комплекса Б.

[52] См. Кара-тепе, I, стр. 43—44, и Кара-тепе, II, стр. 33—126.

копок; а надпись билингва, собранная из черепков, найденных в 1965 г. в первой (верхней) камере монашеской пещерной кельи комплекса Б, оказалась первой полной двуязычной надписью (индийской — шрифтом брахми и бактрийской — кушанским письмом) не только на Кара-тепе, но и на всей территории кушанской Бактрии вообще. Находки 1965—1968 гг. позволили Т. В. Грек дополнить и уточнить чтения индийских надписей на керамике Кара-тепе[53], а В. А. Лившицу в соавторстве с той же Т. В. Грек — дать полный перевод и интересный филологический анализ двуязычной надписи[54]. Работы Т. В. Грек и В. А. Лившица позволяют конкретизировать наши представления об этом крупном буддийском культовом центре кушанского периода[55].

Пока что менее результативны итоги исследования в 1965—1968 гг. надписей-граффити: некоторые из таких индийских надписей (табл. XXIV—XXV), публикуемые Т. В. Грек[56], получили лишь предварительное объяснение, другие нуждаются еще в дополнительном камеральном изучении.

5) Монеты

Раскопки 1965—1969 гг. дали всего девять медных монет. Первая их них, происходящая из завала в юго-восточном углу южного обходного коридора пещерного храма П-II (комплекс Б), с фигурой царя в рост на аверсе и Шивой на фоне быка Нанди на реверсе, может быть определенно отнесена к монетам чекана Васудевы. Остальные, найденные среди костей в святилище пещерного храма П-I (комплекс А), определены В. Г. Лукониным как кушано-сасанидские, причем две из них — как чекан Варахрана I кушаншаха[57].

6) Прочие находки

Количество прочих находок из раскопок Кара-тепе 1965—1968 гг. невелико. К ним можно отнести небольшие кубики красной охры, служившей, по-видимому, краской для нанесения стенных росписей. Кубики эти (табл. XVI) не превышают 3 *см* по каждой из сторон. Среди находок в пещерной монашеской келье комплекса Б не находят пока окончательного функционального объяснения камень с просверленным

---

[53] См. статью Т. В. Грек ниже, стр. 114—117.
[54] См. статью Т. В. Грек и В. А. Лившица ниже, стр. 118—121.
[55] См. ниже, стр. 55—57.
[56] См. ниже, стр. 117.
[57] См.: Е. В. Зеймаль и В. Г. Луконин, Монеты из раскопок Кара-тепе 1961—1971 гг., ниже, стр. 101—103.

для подвешивания отверстием, вероятно подвесной амулет (табл. XVI)[58], куски кремня[59] и слюды[60], а также девять однотипных изделий из слабо обожженной глины, длиной до 10 *см* при диаметре до 3,7 *см* (табл. XVI)[61]. Пока неясно также назначение бронзовой обкладки, небольшой фрагмент которой (длиной 2,4 *см*) найден в 1967 г. в скоплении битого мергеля над центральной частью двора комплекса Б.

III. НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ УСТРОЙСТВЕ И ИСТОРИИ КАРА-ТЕПЕ

Работы 1965—1969 гг. привели к уточнению наших представлений об устройстве и истории Кара-тепе. Как уже отмечалось[62], в свете раскопочных работ нашей экспедиции стало возможным судить об общем характере построек на внешней дуге южной вершины холма Кара-тепе. Здесь в древности располагались примерно двадцать — двадцать пять комплексов, состоявших из пещерных и наземных помещений (табл. XXX). Восемь таких комплексов в той или иной степени затронуты работами наших предшественников и раскопками 1961—1964 гг.[63]. Все они условно были разбиты на два типа: к первому относились комплексы, которые включали пещерные храмы с центральным замкнутым святилищем и окружавшими его со всех сторон четырьмя длинными сводчатыми обходными коридорами; ко второму — комплексы, пещерная часть которых состояла из одного коридорообразного длинного сводчатого помещения с поворотом, камерой или камерами на конце. Оба каратепинские комплекса, А и Б, раскапываемые нами в 1965—1969 гг., принадлежат к первому типу сооружений, и, понятно, работы последних лет уточняют наши представления лишь об этом, первом типе комплексов Кара-тепе[64].

---

[58] Полевой шифр $\frac{\text{КТ-65}}{\text{ПК-51}}$; инв. № А-1812 (длина 6 *см*).

[59] Полевой шифр $\frac{\text{КТ-65}}{\text{ПК-52}}$; инв. № А-1813 (4,5×1,3 *см*).

[60] Полевой шифр $\frac{\text{КТ-65}}{\text{ПК-53}}$; инв. № А-1814 (3,2×1,13 *см*).

[61] Полевой шифр $\frac{\text{КТ-65}}{\text{ПК-37}}$, инв. № А-1794. Кроме того, в келье были найдены сгоревшая кожа (?), обугленный деревянный сосуд (?) и металлический шлак (?).

[62] См. Кара-тепе, II, стр. 29—30.

[63] См Кара-тепе, II, рис. 3.

[64] «Пещера № 2» не может быть отнесена к этому типу, а занимает как бы промежуточное положение между ним и пещерами с одним коридорообразным помещением.

В результате находки фрагмента стенной сюжетной росписи во дворе храмового комплекса Б мы можем теперь говорить, что убранство таких дворов было разнообразнее, чем это представлялось ранее. Находка 1969 г. заставляет вспомнить, что также на южной стене двора другого такого комплекса (А) в 1937 г. Е. Г. Пчелиной были отмечены (у входа в наземное святилище) остатки сюжетной росписи — изображение ступней ног и подолов одежды стоящих персонажей. Таким образом, наряду с красной сплошной раскраской панелей северной и западной стен двора, наряду с геометрическими узорами над панелями в нишах, дворы храмов на юге (где располагались наземные святилища) имели многоцветные сюжетные росписи с изображениями, по-видимому, буддистов-донаторов.

Раскопки 1965—1969 гг. показали, что пещерная часть комплекса А, как это предполагалось и ранее [65], действительно первоначально имела центральное замкнутое святилище, окруженное четырьмя обходными сводчатыми коридорами, т. е. в основном была по планировке и устройству сходна с пещерными частями комплекса Б и, вероятно, П-V, открытого нашей экспедицией в 1964 г. Наряду с несомненным сходством эти пещеры имели и заметные различия. Так, в пещерном храме П-I комплекса А в дальнем северо-западном углу помещалась камера-кладовая, а в дальнем юго-восточном углу комплекса П-V [66] расположены две нишевидные камеры, в то время как в пещерном храме П-II комплекса Б не было ни больших ниш, ни камер. В свете работ 1965—1969 гг. можно определенно говорить и о различной ориентировке входов в центральное святилище этих пещерных храмов: в пещерном храме П-II комплекса Б вход находился в северной стене святилища, а в пещерном храме П-I комплекса А и, вероятно, в пещерном храме П-V — в восточной стене. Еще более существенны различия в устройстве святилищ пещерных храмов: небольшое сводчатое помещение в храме П-II и большой, перекрытый, видимо, плоской кровлей, зал в храме П-I.

Нельзя не отметить и отличий в устройстве пещерных келий (однокамерная келья — у храма П-I и двухкамерная — возле храма II-II) и лестниц над ними (невысокая лестница, вскоре выводящая в какое-то помещение, в храме П-I и уходящая вверх, возможно к вершине холма, лестница в храме П-II).

Таким образом, мы вправе утверждать, что строители буддийских храмовых комплексов Кара-тепе отнюдь не придерживались каких-то прочно установленных, разработанных до деталей, планировочных правил, а в силу еще не всегда

[65] См. Кара-тепе, I, стр. 15—16 и 91; Кара-тепе, II, стр. 10—11.
[66] См. Кара-тепе, II, стр. 17—18, рис. 3.

ясных нам причин по-разному ориентировали храмы и их святилища и снабжали эти храмы вспомогательными нишами или камерами (разная ориентация храмов и их святилищ в данном случае объясняется, вероятно, местом расположения того или иного храма на внешней дуге подковообразной южной вершины холма Кара-тепе). Однако все эти различия не могут затемнить того, что в основу планировки этих каратепинских храмов положен все же один общий принцип: каждый из них состоял из замкнутого святилища, окруженного обходными коридорами.

Как мне уже приходилось отмечать, такая планировка, обычная для культовых зданий Средней Азии, Ирана и Ближнего Востока, в буддийской архитектуре получила распространение лишь в позднe- и послекушанское время, и Кара-тепе как раз может свидетельствовать о том, что это нововведение следует относить к кушанскому времени и, скорее всего, к кушанской Бактрии [67].

Нельзя не отметить, что в обоих известных сейчас случаях (в комплексах А и Б) строители Кара-тепе поместили пещерную монашескую келью у правого (в данных случаях — северного) входа в пещерный храм.

Однако то, что оба этих комплекса расположены на одном участке южной вершины Кара-тепе, а также то, что в наземном храме в комплексе А келья помещена слева от святилища и обходного коридора,— все это заставляет воздержаться от каких-либо заключений относительно закономерности (или случайности) в размещении каратепинских келий.

Раскопки 1967—1968 гг. выявили еще одну характерную деталь устройства каратепинских комплексов: центральная часть двора в комплексе Б оказалась лежащей на полметра ниже уровня окружавших двор айванов. Такое расположение двора и айванов по сей день сохраняется в народном зодчестве Средней Азии и, вполне вероятно, связано с древней местной традицией.

Наблюдения, сделанные в ходе раскопочных работ 1965—1968 гг., позволяют надеяться, что последующие раскопки принесут еще немало ценных в историко-культурном отношении данных по планировке и устройству каратепинских комплексов. Но уже сейчас мы вправе предполагать, что при их сооружении далеко не последнюю роль играли местные (не буддийские и не индийские) строительно-архитектурные принципы.

---

[67] См. Кара-тепе, I, стр. 56—57; Б. Я. Ставиский, Средняя Азия, Индия, Рим (К вопросу о международных связях в кушанский период),— «Индия в древности», М., 1964, стр. 174. Ср. его же, Некоторые вопросы истории буддизма в Средней Азии,— «Доклады по этнографии (Географическое общество СССР)», вып. 1 (4), Л., 1965, стр. 39.

В результате исследований 1965—1968 гг. еще более прояснилась также история жизни и гибели Кара-тепе, во всяком случае двух пока наиболее изученных его комплексов. Расцвет жизни здесь, как это было установлено еще в первые годы раскопок, приходится на период расцвета Кушанского царства, т. е. на время правления Канишки, Хувишки и Васудевы[68]. Посетительские надписи-граффити, открытые в 1963—1964 гг., позволили говорить, что запустение Кара-тепе относится ко времени царствования одного из Шапуров. Это либо Шапур I, если дата (60-й год) одной из среднеперсидских надписей дана по «общесасанидской эре» и означает, следовательно, 264-265 г. н. э., либо Шапур II, если рассматривать дату этой надписи как 369 г. н. э. — 60-й год царствования этого государя, единственного Сасанида, правившего столь долгий срок[69].

Новые открытия и наблюдения дают возможность предположить, что запустение Кара-тепе связано с восточным походом одного из Шапуров, непосредственно затронувшим кушанский Термез. Теперь, когда помимо среднеперсидских надписей-граффити на Кара-тепе открыт алтарь огня, сооруженный вместо выброшенной буддийской статуи, мы вправе объяснять упадок, а возможно, и разрушение буддийских храмовых комплексов Кара-тепе «деятельностью» отряда сасанидских войск.

Как показали раскопки последних лет, уже вскоре после возведения алтаря и нанесения надписей-граффити на стены пещерных помещений комплекса Б, и ниша с алтарем, и входы в пещерный храм П-II были заложены аккуратными стенками из кирпича-сырца. Вероятно, тогда же была замурована и монашеская пещерная келья этого комплекса. Думается, что все это произошло после ухода с Кара-тепе сасанидского воинского подразделения.

Открытие в святилище храма П-I комплекса А и в сбходном коридоре храма П-II комплекса Б сохранившихся там захоронений освещает последнее (в древности) использование этих храмов. Заброшенные, а возможно и разрушенные после захвата Термеза сасанидским отрядом, храмы П-I и П-II постепенно заполнялись надувным песком и глинистыми натеками, а довольно многочисленные посетители оставляли на стенах, особенно в храме П-II, рисунки и надписи-граффити. Но какое-то время спустя оба храма были использованы для захоронений, после чего входы в эти пещерные храмы были аккуратно заложены сырцовыми кладками. Находки монет кушано-сасанидского правителя Варахрана I позволяют датировать захоронения и окончательную гибель

[68] См. Кара-тепе, I, стр. 46—47.

[69] Подробнее об этих надписях и их датировке см. Кара-тепе, II, стр. 26—27, 41—47.

Кара-тепе примерно 384—388 гг., если следовать хронологии кушано-сасанидских монет, разработанной В. Г. Луконины[70], или временем лет на 25—30 раньше, если принять хронологию А. Д. Х. Бивара[71].

В течение многих веков после этого пещеры были изолированы от внешнего мира, и путь в них вновь был открыт лишь в XI—XII вв. или, возможно, немногим ранее. В это время сводчатый потолок северного обходного коридора пещерного храма П-I (в комплексе А) и южного обходного коридора пещерного храма П-II (в комплексе Б) неподалеку от входов в эти храмы обрушились или были проломлены. Вещественными свидетельствами посещения в это время былых пещерных храмов П-I и П-II служат находки в песчаном заполнении пещер черепков поливной посуды XI—XII вв. и одновременные с ними арабские надписи-граффити в глубине пещерных коридоров и в центральном замкнутом помещении — былом святилище пещерного храма П-II (входные части обоих храмов в это время были уже заполнены обвалившейся песчаниковой породой и надувным песком; именно поэтому-то арабские надписи здесь на стенах в отличие от более ранних граффити совершенно отсутствуют).

Посетителей Кара-тепе в XI—XII вв. было, вероятно, немало. Но после разрушения Старого Термеза ордами Чингиз-хана в 1220 г. и запустения всего его района посещения заброшенных каратепинских пещер, по-видимому, если и не прекращаются совсем, то становятся весьма редкими (за время многолетних раскопок здесь — кроме «пещеры № 2» — не найдено ни одного черепка или иного предмета, относящегося к монгольскому и последующим периодам). Летучие пески постепенно заполняют покинутые буддийские храмы и со временем полностью закрывают входы в них, сохранив их остатки до наших дней.

IV. КАРА-ТЕПЕ КАК ПАМЯТНИК КУЛЬТУРЫ КУШАНСКОЙ БАКТРИИ

Археологические исследования последних лет затронули значительное число памятников кушанского времени как в южной — левобережной, так и в северной — правобережной Бактрии. На территории одной лишь Сурхандарьинской области Узбекской ССР помимо Кара-тепе и Халчаяна[72] велись

---

[70] В. Г. Луконин, Кушано-сасанидские монеты,— ЭВ, XVIII, Л., 1967, стр. 25, 30, 31.

[71] См. Central Asia, ed. by C. Hambly, London, 1970, стр. 51—52.

[72] См.: Г. А. Пугаченкова, Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии, Ташкент, 1966; ее же, Скульптура Халчаяна, М., 1971.

раскопки городища Дальверзин-тепе и буддийского святилища возле этого городища [73], городища Айртам и айртамского могильника [74], городища Хатын-рабат [75], холма Фаяз-тепе неподалеку от Кара-тепе, за северной стеной городища Старого Термеза [76], и некоторых других памятников [77]. Кара-тепе, таким образом, как памятник культуры кушанской Бактрии, казалось бы, может теперь сравниваться с целым рядом других археологических объектов, близких ему и по времени и по их географическому расположению.

Специфика Кара-тепе — его ярко выраженный культовый характер — сразу сужает тот круг, к которому он может быть отнесен. Это, конечно, отнюдь не значит, что отдельные находки (керамика, например) или особенности архитектуры каратепинских комплексов нельзя сравнивать с находками и деталями светских памятников кушанского периода в Северной Бактрии; сравнительное изучение их, безусловно, не только возможно, но и необходимо. Однако по своему общему характеру Кара-тепе в первую очередь может теперь сопоставляться с буддийскими постройками Айртама, окрестностей Дальверзин-тепе, а также Фаяз-тепе. Подробных публикаций материалов раскопок этих памятников еще нет (в частности, не опубликованы пока что даже планы раскопанных там сооружений и помещений), что, естественно, затрудняет сравнение их с Кара-тепе.

Особенно приходится пожалеть о том, что все еще не изданы данные о буддийских постройках Айртама [78], изучение которых было начато еще в начале 30-х годов М. Е. Массоном. Судя же по кратким информациям о работах 1964—1966 гг., в Айртаме находились буддийские культовые комплексы, два из которых затронуты раскопками. Один из раскапываемых комплексов включал «святилище, ступа и подсобные помещения», а также «полуподвальное помещение из жженого

---

[73] Г. А. Пугаченкова, К изучению памятников северной Бактрии,— ОНУ, 1968, № 8, стр. 28, 32—36.

[74] Г. А. Пугаченкова, К изучению памятников, стр. 30; Б. А. Тургунов, Городище Айртам,— «Тезисы докладов и сообщений советских ученых (Международная Конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху)», М., 1968, стр. 60—62 (то же на англ. яз. в «Abstracts of Papers by Soviet Scholars», M., 1968, стр. 62—64); его же, Айртамский могильник,— ОНУ, 1968, № 8, стр. 50—53.

[75] Г. А. Пугаченкова, К изучению памятников, стр. 31—33.

[76] См. краткую информацию в газ. «Ленинский путь» (Термез) от 30 ноября 1968 г., стр. 4.

[77] Л. И. Альбаум, Т. Агзамходжаев, Позднекушанское погребальное сооружение под Термезом,— ОНУ, 1968, № 8, стр. 56—58; Г. А. Пугаченкова, К изучению памятников, стр. 29, 36.

[78] Исключение составляет ступа в восточной части городища Айртам. См.: Г. А. Пугаченкова, Два ступа на юге Узбекистана,— СА, 1967, № 3, стр. 261—262.

кирпича»[79], а второй — «остатки буддийского ступа и прилегающего к нему здания»[80]. Таким образом, именно в Айртаме находятся, вероятно, крупные буддийские комплексы, которые будет интересно сравнить с каратепинскими.

Святилище возле Дальверзин-тепе в отличие от Айртама и Кара-тепе представляло собой отдельную небольшую загородную постройку. В центре святилища находилась глинобитная платформа (возможно, основание ступы), с трех сторон ее окружали обводные коридоры. К святилищу примыкали небольшие комнатки «подсобно-хозяйственного назначения»[81]. И по размерам, и по планировке эта постройка заметно отличается от каратепинских комплексов. Следует лишь отметить, что украшавшая дальверзинское святилище замечательная гипсовая (ганчевая) скульптура по технике изготовления перекликается с каратепинской: она «выполнялась вначале в виде глиняной болванки с тонкими деревянными стержнями внутри, образуя черновой массив будущей статуи, а затем на сыроватую еще глину наносилась редкого плетения ткань, способствовавшая лучшей связи с гипсом, образующим внешнюю пластическую оболочку скульптуры»[82].

Немногое известно пока о Фаяз-тепе, изучение которого началось осенью 1968 г. Судя по микрорельефу, эта загородная постройка могла представлять собой буддийский небольшой монастырь, в убранстве которого были применены рельефы из мергелистого известняка, сходные с каратепинскими, но выполненные, очевидно, в меньшем масштабе (их куски, найденные в 1968 г., дошли до нас полнее и лучше, чем каратепинские)[83]. Перекличку между отдельными находками и строительными особенностями Фаяз-тепе и Каратепе мы вправе предполагать *a priori,* так как оба эти памятника связаны с одним поселением — кушанским Термезом и расположены в непосредственной близости друг от друга. Думается, однако, что общий характер этих памятников будет различным: крупный культовый центр, объединявший не менее 20—25 буддийских комплексов и расположенный на территории городища, под защитой городских стен (а имен-

---

[79] Б. А. Тургунов, Городище Айртам, стр. 61. Г. А. Пугаченкова, К изучению памятников, стр. 30, считает это полуподвальное помещение молельней и отмечает, что «вокруг этого комплекса сооружений возникает обведенный глинобитной стеной монастырь-сангарами».

[80] Б. А. Тургунов, Городище Айртам, стр. 61. Ср.: Г. А. Пугаченкова, К изучению памятников, стр. 30.

[81] См.: Г. А. Пугаченкова, К изучению памятников, стр. 32—33. Пользуюсь случаем выразить свою благодарность Г. А. Пугаченковой, любезно показавшей мне свой раскоп и материалы из него.

[82] Г. А. Пугаченкова, К изучению памятников, стр. 33. Ср. Кара-тепе, I, стр. 23—24.

[83] Фаяз-тепе и первые находки из его раскопок я смог осмотреть благодаря любезности В. А. Козловского.

но таким был Кара-тепе), не мог не отличаться от загородной, сравнительно небольшой постройки, общая площадь которой вряд ли превышала размеры двух-трех каратепинских комплексов.

От всех упомянутых выше буддийских памятников северной Бактрии Кара-тепе отличала и еще одна особенность — то, что многие из его помещений были пещерными, высеченными в песчаниковой породе крупного холма. Таким образом, даже если буддийские комплексы Айртама окажутся столь же крупными, как каратепинские, Кара-тепе по-прежнему останется в известной мере уникальным — единственным не только огромным по своим размерам, но и потребовавшим поистине огромных затрат труда (для выдалбливания пещер) буддийским культовым центром в северной Бактрии.

От всех остальных буддийских и небуддийских памятников южного Узбекистана Кара-тепе отличается еще одной особенностью — разнообразием материалов, которые дают его раскопки: Кара-тепе пока остается единственным археологическим памятником северной Бактрии, где наряду с наземными и пещерными помещениями, каменными деталями архитектуры, каменной и ганчевой скульптурой, стенными росписями, терракотами и глиняной посудой можно изучать и многочисленные разноязычные надписи. Эта особенность Кара-тепе объясняется, вероятно, помимо специфики самого памятника также тем, что работы здесь ведутся систематически, из года в год, вот уже девять лет подряд и преследуют цель максимально полно и всесторонне изучить весь памятник, не ограничиваясь отдельными, пусть сенсационными находками и открытиями.

Как бы то ни было, Кара-тепе остается одним из важных памятников культуры кушанской Бактрии, и более глубокое понимание его характера может пролить новый свет на историю и культуру этой области в кушанский период. Более того, выяснение некоторых особенностей Кара-тепе может оказаться небесполезным и для изучения характера буддизма, его институтов и атрибутов в Кушанском царстве в целом.

Работы 1965—1969 гг. на Кара-тепе помимо уточнения наших представлений об устройстве и истории каратепинских комплексов А и Б (о чем речь шла в предыдущем разделе) позволяют связать эти комплексы (или пещерные храмы этих комплексов) с определенными, ставшими известными нам по находкам на Кара-тепе, людьми. В свете находок последних лет становится более ясным характер если и не всех, то, во всяком случае, многих надписей на глиняных сосудах, которые использовались во время расцвета жизни Кара-тепе.

Анализ билингвы на глиняном сосуде из пещерной кельи комплекса Б, осуществленный Т. В. Грек и В. А. Лившицем,

и изучение Т. В. Грек надписей брахми и кхарошти, найденных при раскопках этого же комплекса (Б), дают возможность утверждать, что многие из них содержали один и тот же текст в расширенном или в сокращенном виде. Наиболее полный текст восстанавливается Т. В. Грек на основании четырех, собирающихся вместе черепков с надписью кхарошти: «Этот со[суд Анатха] пиндика Буддаши[ры], проповедующего (или говорящего) махадхарму»[84]. Слегка сокращенный, но зато сохранившийся практически полностью, вариант дает надпись-билингва из пещерной кельи; в индийской надписи (шрифтом брахми) — «Буддаширы, проповедующего (или говорящего) дхарму», в бактрийской (кушанским письмом) — то же самое, но с сокращением имени Буддаширы (ΒΟΔΔΟ) и бактрийским эквивалентом ΧΟΒΙ для термина дхарма[85]. Части этого же текста встречены на черепке из раскопок 1964 г. в том же пещерном храме; на нем сохранилось окончание индийской надписи (брахми) и начало бактрийской — ΒΟΔΔ[86], а также на трех черепках, найденных там же в 1961 и 1965 гг.; на двух из них, подбирающихся друг к другу по месту скола, видно начало индийского текста (шрифтом брахми) — «Этот сосуд Будда[ширы]...», на третьем (сходном с двумя предыдущими по характеру черепка, ангоба, обработки поверхности и, наконец, по почерку) — «проповедующего (или говорящего) махадхарму»[87].

В связи с этими надписями, упоминающими Буддаширу, следует вспомнить, что на черепках, найденных в комплексе А, это имя не зафиксировано, зато встречается имя (или прозвище) другого лица — Сангхамитра[88]. Таким образом, сосуды в каждом из этих комплексов были написаны от имени разных лиц: надписи на сосудах из комплекса А — от имени Сангхамитры, надписи на сосудах из комплекса Б — от имени Буддаширы, носившего еще, вероятно, прозвище Анатхапиндика. Как это убедительно показала Т. В. Грек, оба эти имени, распространенные в буддийской среде, могли носить, равно как и прозвище Анатхапиндика, и буддисты-миряне, и буддийские монахи. Мог ли мирянин быть «дхармакатхика» («проповедующим дхарму»),— мне лично не совсем ясно.

---

[84] См. статью Т. В. Грек ниже, стр. 114—116. Эти три черепка найдены в пещерном храме, четвертый во дворе комплекса Б.

[85] См. статью Т. В. Грек и В. А. Лившица, ниже, стр. 118—121. Крайне интересен и нуждается еще, видимо, в специальном изучении с точки зрения распространения религиозной терминологии тот факт, что слово «дхарма», заимствованное из санскрита и употреблявшееся в языках самых различных народов, принявших буддизм, в буддийской среде кушанской Бактрии, судя по этой находке, было заменено своим, местным термином.

[86] См. Кара-тепе, II, стр. 25—26, 38—40, 51, 76—77 и рис. 9б.

[87] См. статью Т. В. Грек ниже, стр. 116—117.

[88] См.: Т. В. Грек, Индийские надписи на керамике из Кара-тепе, Кара-тепе, I, стр. 66—68.

В силу этого пока еще не представляется возможным решить, кем были Сангхамитра и Буддашира и в чем заключалась их несомненная связь с каратепинскими комплексами (или их храмами). Пока возможны, очевидно, два решения.

Если предполагать вслед за Т. В. Грек и В. А. Лившицем, что в надписях на сосудах из Кара-тепе пропущено, как это встречается и в надписях такого характера в северо-западной Индии, слово «дар», то Сангхамитру и Буддаширу следует рассматривать как донаторов, первый из которых покровительствовал храму (или храмам) каратепинского комплекса А, а второй — пещерному храму комплекса Б; оба этих покровителя буддийских святынь Кара-тепе были в таком случае мирянами, скорее всего членами буддийской общины кушанского Термеза.

Если же предполагать, что слово «дар» в надписях на каратепинских сосудах не подразумевалось, то Сангхамитру и Буддаширу можно будет считать монахами, проживавшими в кельях каратепинских комплексов А и Б и пользовавшихся этими надписанными сосудами. Не скрою, что лично мне второе решение представляется и более вероятным, и, пожалуй, даже более привлекательным. Если принять его, то наши представления о Кара-тепе заметно конкретизируются: мы сможем говорить об его обитателях и, если признать термин «дхармакатхика» обозначением одной из должностей в буддийской общине [89], определить одного из них — Буддаширу — как большого знатока дхармы, т. е., по-видимому, как известного буддийского богослова.

Было бы также, конечно, заманчиво связать «махадхарму» каратепинских надписей с махаянизмом. Но вправе ли мы утверждать это — покажут дальнейшие находки надписей и их изучение. Новые находки и исследования позволят, надеюсь, окончательно решить также вопрос, кем все-таки были Сангхамитра и Буддашира,— донаторами или монахами. Но в любом случае их связь с каратепинскими комплексами А и Б уже сейчас представляется несомненной, а проживание в кушанском Термезе (на Кара-тепе или в самом городе) одного из буддийских богословов, знатока дхармы («дхармакатхика»), Буддаширы — установленным фактом.

Раскопочные работы на Кара-тепе 1965—1969 гг. и камеральная обработка добытых при раскопках материалов, в первую очередь керамики, позволяют также сделать некоторые новые заключения о связях Кара-тепе, кушанского Термеза и, по-видимому, кушанской Бактрии вообще с культурными традициями и течениями этой эпохи.

В предыдущих публикациях каратепинских материалов мне уже приходилось отмечать отраженные этими материала-

---

[89] См. ниже статью Т. В. Грек, стр. 115.

ми связи кушанской Бактрии с Индией и римским Средиземноморьем [90]. С античной средиземноморской традицией связаны и некоторые из керамических сосудов, представленные находками 1965—1968 гг. на Кара-тепе. Наиболее в этом отношении интересен фрагмент глиняного сосуда с налепной рельефной головкой под вертикальной ручкой (табл. XVIII). Подобный прием украшения посуды (и не только глиняной) был широко распространен в греко-римском мире, и наша находка свидетельствует об использовании этого античного приема гончарами кушанской Бактрии, знакомство которых и с античной керамикой вообще, и с сосудами с налепными головками под ручками ныне несомненно: вспомним, например, знаменитый сосуд — аск из Термеза, изготовленный «матрицами, эллинистически-римская основа которых бесспорна» [91], или каратепинские имитации римской посуды [92]. Новая находка ценна еще тем, что она увязывается с отдельными керамическими сосудами с подобными же украшениями в Согде [93] и довольно многочисленными образцами в керамике Хотана [94]. Найденные в Согде сосуды с налепными головками под ручкой несут явные следы античной традиции [95]. Находки в Хотане отстоят от античных средиземноморских образцов значительно дальше, но все то, что мы знаем об искусстве этого важного центральноазиатского оазиса, позволяет предполагать влияние, пусть даже заметно преломленное, античных прототипов и на хотанские сосуды. Согдийские сосуды с украшениями такого характера датируются временем не ранее конца III—IV вв. н. э.[96], хотанские находки — в пределах I—IV вв.[97]. Известных пока материалов еще недостаточно для далеко идущих заключений, но рассматриваемая находка на

---

[90] См. Кара-тепе, I, стр. 53—54; Кара-тепе, II, стр. 30—31. Ср.: Б. Я. Ставиский, Средняя Азия, Индия, Рим; его же, Средняя Азия и древняя Индия (Историко-культурные взаимовлияния и связи),— «Доклады ГО СССР», вып. 5, Л., 1968, стр. 190—193.

[91] Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель, История искусства Узбекистана, стр. 79.

[92] Кара-тепе, I, рис. 35.

[93] Г. В. Григорьев, Городище Тали-Барзу,— ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 92—93 и 95, рис. 68 на стр. 101 и табл. III, 1—2 (ср. В. А. Мешкерис, Терракоты Самаркандского музея, Л., 1962, стр. 29 и 74; табл. X, 112—113); Т. Н. Книпович, Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода,— КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 76.

[94] См., например, Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин, Хотанские древности, Л., 1960, стр. 11, 12, 13, 17, табл. 1—2, 6, 16—17.

[95] Показательно, например, что налепная головка под ручкой сочетается здесь с энохоевидной формой сосуда.

[96] Сосуды эти характерны для слоя ТБ-3 (см. выше, прим. 93), о дате которого, по новым данным, см.: Б. Я. Ставиский, О датировке ранних слоев Тали-Барзу,— СА, 1967, № 2, стр. 22—28.

[97] Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин, Хотанские древности, стр. 33—37 (особенно стр. 37).

Кара-тепе и отсутствие находок сосудов с налепными головками под ручкой в парфянских памятниках южной Туркмении (на юго-западе от Согда) и в Хорезме (на северо-западе от Согда) невольно наводят на мысль, что в эту центральную область Среднеазиатского междуречья античный по своему происхождению прием подобного украшения сосудов проник, скорее всего, из кушанской Бактрии. Отсюда же, как это справедливо отмечает Н. С. Сычева, проник в Согд и другой средиземноморский в своей основе прием украшения керамики мелким штампованным орнаментом, образцы которого также представлены рядом находок на Кара-тепе[98].

Наряду с находками, которые еще раз свидетельствуют о сохранении в культуре кушанской Бактрии античных традиций, а возможно, и о роли этой культуры в ретрансляции античных традиций далее — в глубь Средней Азии, раскопки Кара-тепе 1965—1969 гг. дали также вещественные свидетельства о проникновении в кушанскую Бактрию и совсем иных традиций, представлений или вкусов. Я имею в виду находки на Кара-тепе ручек глиняных сосудов в виде скульптурных фигурок животных. Одна такая ручка, изображавшая какое-то животное, была найдена ранее в заполнении пещерного коридора храма П-II комплекса Б[99]. В ходе работ последних лет найдены, как мы уже знаем, еще две ручки такого характера. Обе они (табл. XVII) заметно отличаются и от более ранней каратепинской находки, и от других опубликованных ручек в виде фигурок животных из северной Бактрии тем, что изображают обезьян, повернувших к тому же голову вбок, вдоль венчика сосуда, в то время как первая ручка из Кара-тепе и происходящие из других мест Бактрии изданные ручки воспроизводят иных (часто, правда, не поддающихся точному определению) животных, головки которых, продолжая линию тела, обращены вверх, к устью сосуда[100]. Обычай снабжать глиняные сосуды фигурными зооморфными

---

[98] Ср. Кара-тепе, I, стр. 40, рис. 31б; Кара-тепе, II, стр. 19, рис. 7б.

[99] См. Кара-тепе, II, стр. 21, рис. 7а.

[100] В. А. Шишкин, «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза,— ТАКЭ, т. II, Ташкент, 1945, стр. 125 и рис. 28, 1 на стр. 126 (находка датируется медной монетой — подражанием чекану Васудевы, т. е. III—IV вв. н. э.); М. М. Дьяконов, Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950—1951 гг.),— МИА, № 37, М.— Л., 1953, стр. 287 и рис. 22 (находка отнесена автором к слою К-III); Г. А. Пугаченкова, Халчаян, стр. 104 и рис. 70 (ручка найдена в одном комплексе с медной монетой Канишки). Неизданные еще зооморфные ручки с головками «быка, собаки и человека» найдены также на городище Яван в Таджикистане: головки на яванских ручках расположены «параллельно сосуду или под углом к нему» (см.: Б. А. Литвинский, Кангюйско-сарматский фарн, Душанбе, 1968, стр. 7; ср. его же, Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии,— ВДИ, 1967, № 4, стр. 134—135).

ручками, судя по ареалу находок такого рода, был распространен у массива степных племен Восточной Европы, Казахстана и северных районов Средней Азии, — от северного Причерноморья до берегов Сырдарьи [101]. У этих племен ручки в виде фигурок животных появились (во всяком случае, у сарматов Поволжья) еще во II—I вв. до н. э.[102]. В центральных районах Средней Азии — в Согде обычай снабжать глиняные сосуды зооморфными ручками зафиксирован для времени не ранее ТБ1 [103], т. е. конца II(?) — первой половины III в. н. э.[104]. Контактами со степными племенами С. С. Сорокин объясняет распространение такого же обычая в Хотане того же периода [105]. Думается, что тогда же этот обычай проник и в кушанскую Бактрию, причем здесь, как и в Хотане, представления, связанные с зооморфными ручками у степных племен, подверглись, очевидно, существенным изменениям [106]. Изменился характер изображений, обычные для степных племен фигурки баранов в ряде случаев сменились изображениями иных животных, появился совершенно неизвестный у степных племен поворот головки вбок, в сторону от устья (типичное для сарматской и присырдарьинской керамики положение головки животного не без оснований связывают [107] с охранительной функцией фигурки; будучи обращена головой к устью сосуда, она предохраняла, по верованиям скотоводческих племен Евразии, его содержимое от злой силы). Последние находки на Кара-тепе свидетельствуют и о влиянии северных традиций и представлений, и об их трансформации в Бактрии. Но кроме того, каратепинские находки интересны еще и тем, что их персонажи (обезьяны), роднящие их с хотанской керамикой (и в то же время и те и другие — с искусством Индии), в Бактрии ранее не встречались.

---

[101] См. последнюю работу о сосудах с такими ручками: Б. А. Литвинский, Кангюйско-сарматский фарн, особенно стр. 3—13.

[102] Б. А. Литвинский, Кангюйско-сарматский фарн, стр. 8. Ср.: М. П. Абрамова, Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э. (По материалам нижнего Поволжья, Сусловский этап),— СА, 1959, № 1, стр. 59.

[103] Находки на Афрасиабе в 1948 г. См.: А. И. Тереножкин, Раскопки на городище Афрасиабе,— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 140.

[104] Б. Я. Ставиский, О датировке ранних слоев Тали-Барзу, стр. 22—28. Там же (стр. 25—26) см. о других находках зооморфных ручек в Согде, в том числе и на Тали-Барзу.

[105] Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин, Хотанские древности, стр. 34—35.

[106] Ср.: Б. А. Литвинский, Кангюйско-сарматский фарн, стр. 7.

[107] К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода,— ТОИПК, т. I, Л., 1941, стр. 182—184, 215—217; Е. Г. Кастанаян, Сарматские сосуды из Тритаки с ручками в виде животных,— САр, XV, М.— Л., 1951, стр. 247—255; ее же, Художественные элементы в лепной керамике Боспора,— «Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории культуры», I, М.— Л., 1955, стр. 401—403. Ср.: Б. А. Литвинский, Кангюйско-сарматский фарн, стр. 9—13.

Вполне возможно, что изображения обезьян здесь, как и в Хотане, увязываются с буддийскими преданиями, и их находки в Бактрии на территории именно крупного буддийского культового центра, таким образом, отнюдь не случайны.

Об отражении в керамике Кара-тепе контактов кушанской Бактрии с более северными среднеазиатскими областями свидетельствуют также находки керамики с потеками ангоба [108]. В керамике Кара-тепе отмечена также перекличка с раннесасанидской (по времени) керамикой из южного Туркменистана: именно в это время, как это показал А. А. Марущенко [109], там получили распространение так называемые «хвостатые» ручки, встреченные на Кара-тепе [110].

---

[108] См.: Н. С. Сычева, Керамика из кельи пещерного храма П-II.— СГМИНВ, II, 1969, стр. 91, сл.

[109] А. А. Марущенко, Хосров-кала,— «Труды ИИА АН ТССР», т. II, Ашхабад, 1956, стр. 133—135.

[110] См.: Н. С. Сычева, Керамика из кельи пещерного храма П-II, стр. 101—103.

В. П. Николаев

ИССЛЕДОВАНИЕ ВНЕШНЕГО ВАЛА ГОРОДИЩА СТАРОГО ТЕРМЕЗА (1969 г.)

С северной стороны городище Старый Термез, как известно, ограничено валом, который, начинаясь от берега Амударьи, проходит вдоль северного склона холма Кара-тепе и тянется широкой дугой далее в восточном направлении, постепенно уклоняясь к югу (табл. XXX). Вал в древности охватывал обширную территорию, прилегающую к городищу, но в настоящее время он прослеживается отчетливо только на расстоянии до 2—2,5 *км* от реки.

Сохранность вала довольно плохая. Местами он расплылся, и высота его понижается до 1 *м*. В других же случаях, особенно там, где можно предполагать остатки башен, высота вала повышается до 2—2,5 *м*. Соответственно колеблется и ширина вала от 6 до 15 *м* у подошвы.

Возвышенные участки на валу расположены регулярно на расстоянии 40—50 *м* один от другого. Ясно различимый проход-ворота через вал находится вблизи от Кара-тепе. Проход, очевидно, был фланкирован башнями, остатки которых отмечены высокими оплывшими холмами лесса по сторонам.

Вал теперь в нескольких местах перерезан грунтовыми дорогами и шоссе Термез — Самарканд. Различные ямы и траншеи местами также значительно попортили его поверхность.

Для разведочной траншеи-разреза вала был выбран участок, примыкающий к предполагаемой башне с ее западной стороны. Раскоп находится примерно в 650 *м* от Кара-тепе. Направление траншеи раскопа — север — юг, поперек вала. Траншея имеет длину 12 *м* при ширине 1,5 *м* (рис. 17). Отсчет высоты производился от высшей точки восточной стороны траншеи, условно принятой за ноль.

В выбранном для раскопок месте высота вала от подножия с внешней (северной) стороны была 1,33 *м*, а с внутренней (южной) стороны составляла 1,43 *м*. Южный склон — более крутой, чем северный.

Задернован вал слабо, верх вообще свободен от растительности. Сверху вал перекрывает слой рыхлого лесса с обломками пахсы. Толщина слоя 0,2—0,3 *м*. Под ним находит-

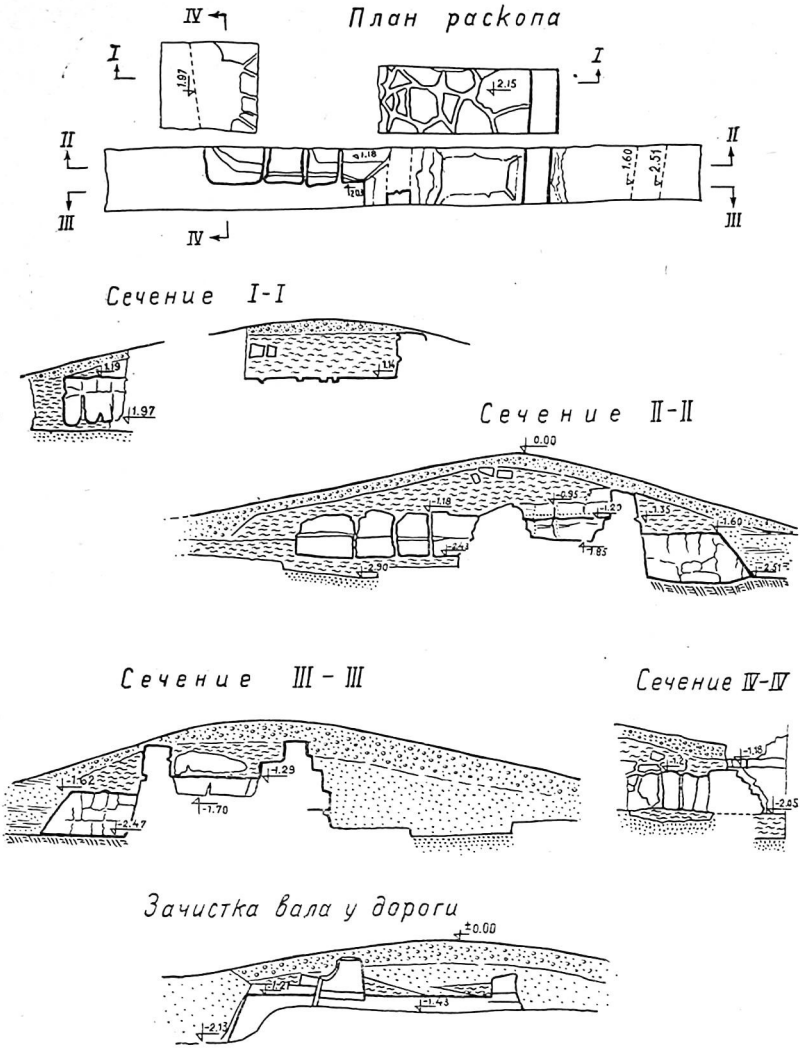

План раскопа
IV
I
II
III
1.97
2.15
1.18
1.60
2.51
Сечение I-I
1.19
1.14
1.97
Сечение II-II
0.00
1.18
0.95
1.29
1.35
1.60
2.41
1.85
2.90
2.51
Сечение III - III
1.62
1.29
1.70
2.47
Сечение IV-IV
1.18
2.05
Зачистка вала у дороги
±0.00
1.27
1.43
2.13
материк
пахса
лесок
плотный завал пахсы
Рыхлый слой пахсы лесса и песка

Рис. 17

ся более плотный слой — завал из лесса и пахсы, очевидно образованный разрушившимися стенами. Останцы двух параллельных стенок, возведенных на пахсовых платформах, были найдены при разборе завала. Сохранившаяся лучше стенка с южной стороны имеет ширину 0,5 *м*, высота сохранившейся части — 0,53 *м*. Стена с северной стороны сохранилась хуже, только ближе к западной стороне раскопа удалось проследить останец стенки шириной 0,5 *м* при высоте сохранившейся части 0,65 *м*. Стены сложены из комков пахсы размером 0,12 × 0,07 *м*. Расстояние между стенами составляет 2,25 *м*. Все внутреннее пространство заполнено более рыхлым слоем завала, чем внешний слой завала у стен. Завал состоял из обломков пахсы, более крупных у стен, перемешанных с песком и лессом красноватого цвета. Ближе к основанию стен куски пахсы становились крупнее. Они лежали на плотном верхнем основании платформы, составляющей основу оборонительной стены.

Эта основная платформа была возведена на плотном «материковом» песке, который перед строительством был застлан слоем желтой глины (если только этот слой не образовался при разрушении под действием грунтовых вод основных блоков). Платформа образована из нескольких рядов крупных пахсовых блоков. В поперечном разрезе она имеет близкую к трапеции форму. Ширина нижнего основания — 3,8 *м*, верхнего — 3,23 *м*. Высота платформы равна 1,1—1,2 *м*.

С южной (внутренней) стороны к основной платформе была пристроена дополнительная платформа, состоящая также из крупных пахсовых блоков, сложенных в два ряда. Ширина верхнего основания — 1,62 *м*, нижнего — 2,2 *м*, высота платформы — 1 *м*. По отношению к основной платформе пристроенная заглублена на 0,5 *м* в подстилающий песок.

Кроме строения вала внешней стены городища удалось исследовать край башни, которая вошла в раскоп западной стороной основания. Основание башни, пристроенной к валу с внешней (северной) стороны, образовано из двух рядов пахсовых блоков. Блоки имеют ширину от 0,75 до 1,1 *м* при высоте 0,5 *м*. Высота основания — 1 *м*, длина от платформы вала — 3,5 *м*.

Чтобы проследить конструкцию основания башни более полно, были прирезаны три квадрата (2 × 2 *м*) к восточной стороне разведочной траншеи: два по центру вала и один у северного края основания башни.

Заполнение двух центральных квадратов повторяет рыхлое заполнение внутристенного пространства в основном раскопе. На глубине 1,15 *м* найдено твердое основание пахсовой платформы вала. С южной стороны прослежена возведенная на платформе стенка высотой 0,5 *м* в сохранившейся части. Стенка с северной стороны не выявлена. Из-за разрушений

стенки северной стороны остался невыясненным вопрос о характере прилегания стены к башне.

В квадрате у северного края основания башни был прослежен ряд пахсовых блоков, образующих платформу основания.

Находки: 3 стенки толстостенных сосудов (мелкие фрагменты), часть ручки сосуда и венчик сосуда с красным ангобом происходят из завала пахсы и лесса за пределами вала с северной стороны. Еще один фрагмент керамики — ножка кубка с красной ангобированной поверхностью — был найден в дополнительном квадрате, в заполнении межстенного пространства. Итак, найдено всего 6 фрагментов керамики, из них особенно характерным является находка ножки ангобированного кубка кушанского времени.

Кроме разведочного раскопа была сделана зачистка участка внешней стены, прорезанного грунтовой дорогой в 250 *м* к востоку от раскопа. Дорога пересекла стену под углом около 30° к перпендикулярному сечению вала.

При зачистке были обнаружены остатки стенок, идущих параллельно друг другу по верху основной платформы. Высота останца с северной стороны — 0,55 *м* при ширине 0,5 *м*; стенка с южной стороны сохранилась на высоту 0,65 *м*, имеет ширину 0,7 *м*. Внутристенное пространство имеет ширину 2,5 *м*. Ширина верхнего края основной платформы — 4 *м*.

С внутренней (южной) стороны к оборонительной стене и здесь была пристроена дополнительная платформа, прослеженная в разведочной траншее. Ширина ее верхнего основания равняется 1,4 *м*, высота платформы — 0,92 *м*.

Таким образом, последовательность строительства внешней оборонительной стены городища Старого Термеза после раскопок и зачистки представляется следующей:

1) вначале была сооружена пахсовая платформа основания, возведенная на лессовой подстилке из нескольких рядов сырцовых блоков. С внешней (северной) стороны через 40—50 *м* платформа имела выступы для сооружения, вероятно на этой основе, башен. Ширина платформы около 4 *м*, высота около 1 *м*. Выступ основания башни отходит на 3,5 *м*;

2) на основной платформе были возведены стенки, сложенные из комков пахсы. Сохранившиеся останцы имеют ширину 0,5—0,7 *м* при высоте 0,53—0,65 *м*;

3) с внутренней южной стороны к основной платформе была пристроена дополнительная платформа из крупных пахсовых блоков. Ее поверхность расположена ниже верхней площадки начальной платформы на 0,35—0,4 *м*, а основание углублено по отношению к основной платформе на 0,4—0,5 *м*. Ширина платформы около 2 *м*, высота — 1 *м*.

Для датировки этой оборонительной стены помимо конструктивных особенностей определенное значение имеет на-

ходка в междустенном заполнении ножки красноангобированного кубка, а также находка крупной медной монеты в поздней траншее, проведенной по валу (монета была найдена при обследовании вала в 300 *м* от Кара-тепе). Монета эта принадлежит, по определению Е. В. Зеймаля, чекану кушанского царя Хувишки.

Б. Я. Ставиский

РАБОТЫ НА КАРА-ТЕПЕ в 1970—1971 гг.

(ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

В 1970—1971 гг. совместная экспедиция Государственного Эрмитажа, ГМИНВ, ВЦНИЛКР и ИВ АН СССР продолжила изучение Кара-тепе. В 1970 г. раскопки велись осенью, в сентябре и первой половине октября, в 1971 г. весной, в конце марта и апреле [1].

Раскопочные работы в эти сезоны велись, как и ранее, на южной вершине Кара-тепе, в комплексах А и Б, а также на участке к северо-западу от последнего из этих комплексов (рис. 1); здесь более чем в 10 *м* от первой группы помещений, как можно обозначить помещения комплексов А и Б, первоначально связанных между собой (см. ниже, стр. 81 и сл.), в 1971 г. начаты раскопки новой — второй группы помещений. Между этими группами помещений находился естественный склон песчаникового холма, куда в древности выбрасывали битую глиняную посуду и другой мусор.

---

[1] *В работах по раскопкам и изучению Кара-тепе в 1970 г. принимали* участие: Б. Я. Ставиский, ст. научный сотрудник ГМИНВ В. Л. Сычев, мл. научный сотрудник ИВ АН СССР В. П. Николаев, палеопатолог З. Б. Альтман, архитектор В. Г. Дончик, архитектор-реставратор И. А. Мачерет, художники-реставраторы ВЦНИЛКР И. Я. Соколов и С. В. Филатов, мл. научный сотрудник Научно-методического совета по охране памятников Министерства культуры СССР В. В. Дворниченко, аспирант кафедры археологии МГУ Н. Н. Бусятская, студенты-практиканты Т. М. Игнатьева (МГУ) и З. В. Белова (Урал.ГУ), аспирант МГУ Ю. В. Чернов, сотрудники научно-исследовательских бюро Е. Г. Стрельченко и Ю. В. Торшин (Москва).

В 1971 г. в экспедиции на Кара-тепе участвовали: Б. Я. Ставиский, В. Л. Сычев, И. А. Мачерет, И. Я. Соколов, С. В. Филатов, археолог Б. И. Вайнберг, художник-реставратор ВЦНИЛКР Ю. М. Егоров, сотрудники Государственных центральных художественных научно-реставрационных мастерских им. И. Э. Грабаря (Москва) С. М. Анненская и Т. А. Раевская, аспирант МГУ О. Н. Щеголев, лаборанты В. И. Зернов и Ю. Н. Полев (Москва).

I. РАСКОПКИ ПЕРВОЙ ГРУППЫ ПОМЕЩЕНИЙ

1) Комплекс А

В комплексе А в 1970 г. были осуществлены расчистка и изучение на месте, в центральном помещении (святилище) пещерного храма П-I, костных останков людей, а также полная зачистка пола этого помещения.

Костные останки людей были обнаружены в святилище пещерного храма П-I комплекса А еще в ходе раскопок 1969 г., но тогда из-за отсутствия в составе экспедиции антрополога или палеопатолога их изучение на месте не могло быть осуществлено и мы вынуждены были в основном ограничиться их фиксацией; лежащие отдельно от костяков два черепа и нижняя челюсть были закреплены, извлечены из земли и переданы на изучение антропологу Т. П. Кияткиной, остальные же костные останки законсервированы — закрыты ватой и папиросной бумагой и засыпаны землей. Всего с учетом лежащих отдельно от основного скопления костей 2 черепов и нижней челюсти здесь были выявлены костные останки 15 человек (рис. 18).

В полевой сезон 1970 г. все выявленные ранее костные останки были зачищены вновь. Сохранность их, очень плохая еще в 1969 г., заметно не ухудшилась, что позволило палеопатологу З. Б. Альтману провести их изучение на месте, а отдельные наиболее характерные кости подвергнуть рентгенографированию в Сурхандарьинской больнице в г. Термезе. Под его наблюдением была проведена и дальнейшая расчистка скопления костей, в ходе которой удалось выявить, зачистить и изучить костные останки еще нескольких человек. По определению З. Б. Альтмана, все костные останки, обнаруженные в центральном помещении (святилище) пещерного храма П-I, принадлежали людям разного пола и возраста (женщинам и мужчинам, детям и взрослым) [2], трупы которых были аккуратно уложены здесь на спину, рядом и одни поверх других — без соблюдения строгой ориентации, т. е. головами в разные стороны. Как это было установлено еще в 1969 г., трупы были уложены в одежде, с украшениями и мелкими медными монетами. Работы 1970 г. полностью подтвердили это, так как вместе с костями вновь были найдены следы разложившихся тканей, две бронзовые поясные пряжки с мелкими железными гвоздиками, оловянное (?) кольцо (на фаланге пальца), железный браслет (на кости руки), железная пряжка и 17 мелких медных монет. Рядом с костями, как и в 1969 г., были найдены также целые, собирающиеся полностью или же фрагментированные глиняные сосуды, в том числе мисочка с узорным лощением, одноручные кувшин-

[2] Заметку З. Б. Альтмана см. ниже, стр. 104—110.

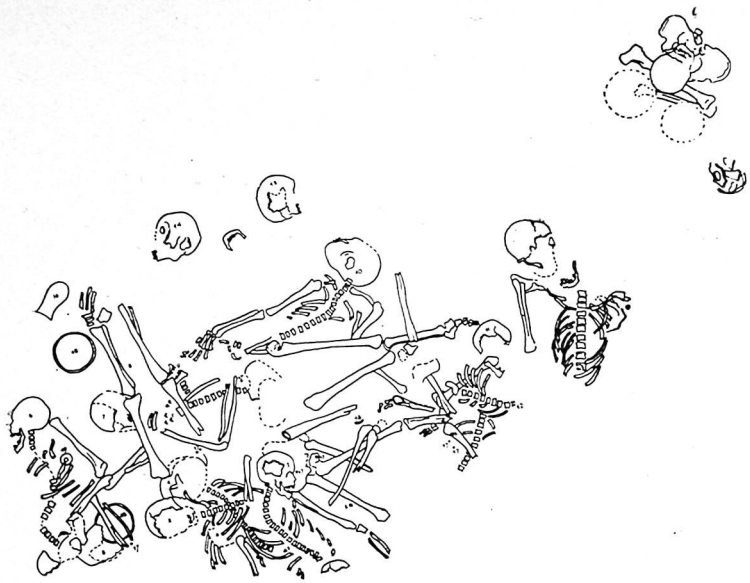


Рис. 18

чики (один с красноватым, другой с коричневатым ангобом) и двуручный кувшин со штампованным орнаментом.

Наблюдения, сделанные в 1970 г., подтвердили намеченное ранее определение напластований над полом святилища. Поверх глиняной обмазки песчаникового пола, достигавшей толщины 3 *см*, в святилище лежал горелый слой (толщиною до 2 *см*), а над ним — слой песка и суглинка (толщиною от 5 до 40 *см*), увеличивающийся к стенам и утончающийся к центру помещения. На последнем слое и лежали костные останки.

2) Комплекс Б

Основные работы экспедиции в 1970 и 1971 гг. велись в комплексе Б. Здесь раскапывались пещерный храм П-II, храмовый двор и, к северу от него, еще одно большое помещение — «северный двор».

а) Раскопки в пещерном храме П-II

В пещерном храме П-II в 1970 и 1971 гг. продолжалась расчистка до пола южного и западного обходных коридоров. Южный коридор в 1969 г. был расчищен до пола лишь в его восточной части, примыкавшей к южному входу в храм с востока со стороны храмового двора. При этом здесь были

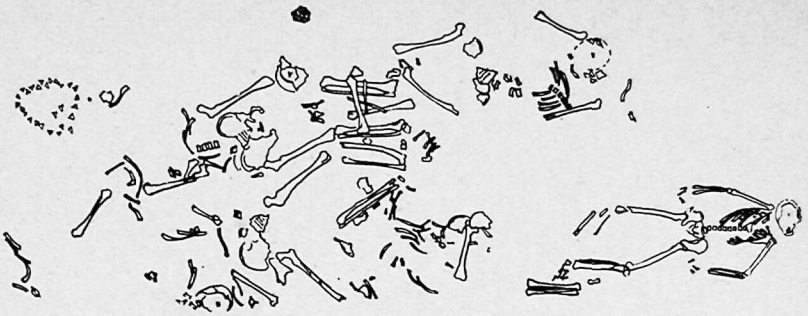


Рис. 19

выявлены остатки двух костяков, один из которых, лежавший возле южной стены головой на восток и ногами на запад, был законсервирован — прикрыт папиросной бумагой с ватой и засыпан землей.

В ходе работ 1970—1971 гг. южный обходной коридор пещерного храма П-II расчищен до пола полностью. В заполнении коридора, состоявшем из надувного песка, глиняных натеков и упавших сверху кусков песчаника, зачищена слабо различимая в грунте, но четко отмеченная глинистой линией натека на стенах помещения, поверхность, на которую были в древности, до замуровки входа в храм, уложены трупы не менее чем десяти человек (рис. 19). Останки этих захоронений в 1970 г. были обследованы З. Б. Альтманом, который смог определить пол и возраст шести погребенных, среди которых оказались три женщины (одна пожилая, две — юные), двое молодых мужчин и один ребенок 6—10 лет. При расчистке костей здесь были найдены бронзовая серьга, сердоликовая шаровидная бусина, фрагменты железных предметов и две медные монеты.

Бронзовая серьга с утолщением посредине и припаянным к этому утолщению стерженьком для бусины совершенно идентична найденной в 1969 г. рядом с плохо сохранившимся костяком в восточной части коридора к югу от скелета I, который был законсервирован и расчищался вновь в текущем сезоне. Серьга, найденная в 1970 г., обнаружена в отвале земли при зачистке скелета I и, таким образом, могла относиться как к этому скелету, так и к костяку, открытому в 1969 г., или какому-либо разрушившемуся скелету, остатки которых встречались в течение всех сезонов раскопок юго-восточной части пещерного храма П-II. В любом случае связь этой серьги с захоронениями в южном и восточном коридорах храма вряд ли может вызывать какие-либо сомнения. Серьги такого типа в нашей науке известны уже давно: в подъемном

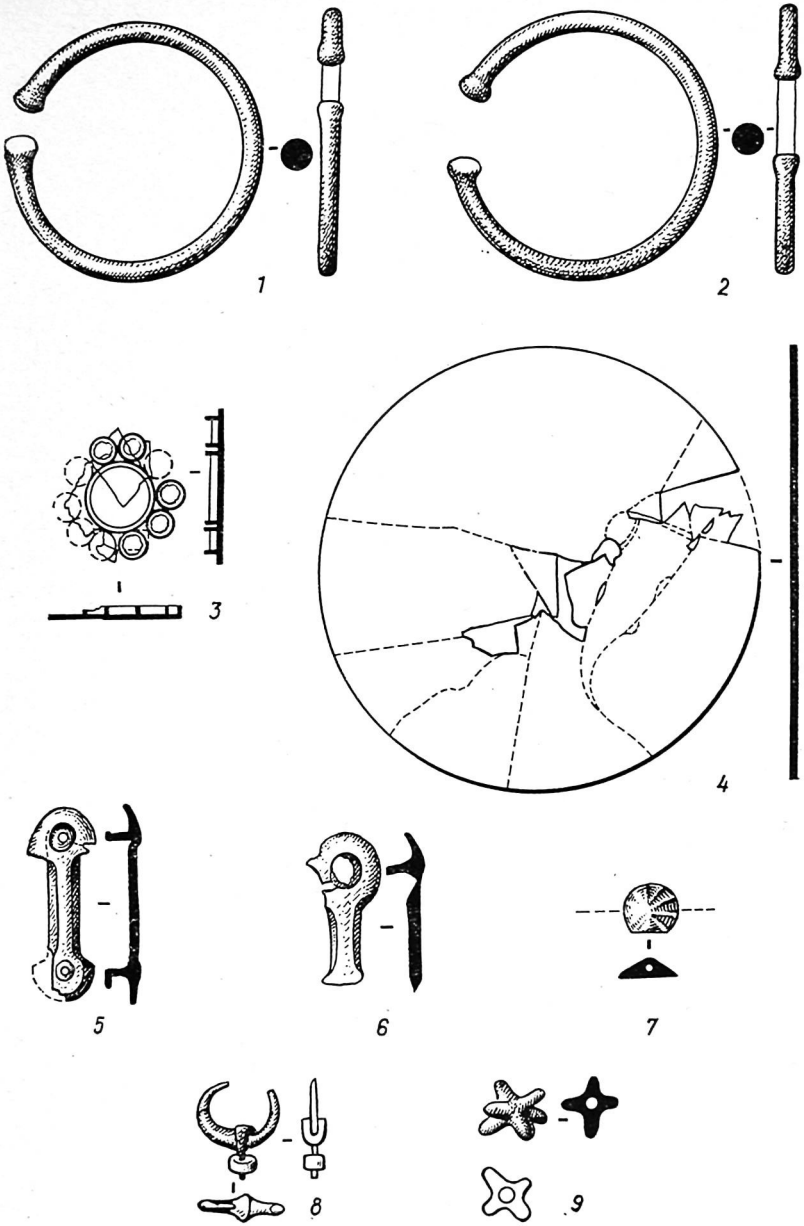


Рис. 20

материале из Хорезма[3], на Северном Кавказе и в Крыму, где они относятся к IV—VI вв., причем установлено, что они не были парными, а носились по одной штуке в правом ухе[4]; позднее их варианты встречены и в Пенджикенте, в комплексах VII—VIII вв.[5].

Одна из монет, найденных в южном коридоре в 1970 г., обнаружена возле стопы скелета II. По определению Е. В. Зеймаля, это подражание монетам Васудевы, т. е. одна из местных поздне- или послекушанских монет Бактрии-Тохаристана IV—V вв. Вторая монета, найденная в отвале (возможно, от скелета IV), относится к монетам малоизученного еще местного чекана послекушанского времени.

Работами 1970 г. установлено, что уровень поверхности, на которой были совершены захоронения, поднимался у входа в храм до 60 *см* выше пола и постепенно понижался в глубь храма (на запад — в южном обходном коридоре и на север — в западном обходном коридоре). Эта поверхность была образована одним из глиняных натеков поверх надувного песка, который попадал внутрь храма через южный входной проем в то время, когда сводчатый потолок в восточной части южного коридора, позднее обрушившийся или проломленный, был еще цел. Провал или пролом в потолке появился здесь, скорее всего, уже в мусульманские времена, так как со следующим глинистым натеком могут быть связаны арабские надписи-граффити X—XII вв. В заполнении коридора над этими натеками в 1970 г. были найдены два фрагмента поливных средневековых сосудов и кусочек стеклянного сосуда, а в 1971 г.— еще несколько средневековых черепков. В западном коридоре завал включал лишь средневековые материалы.

б) Храмовый двор

Во дворе храма П-II комплекса Б в 1970 и 1971 гг. раскапывались западный, северный и южный айваны, а также пониженная центральная часть двора; восточный айван лишь частично затронут раскопками 1971 г. (в его северной части).

Западный айван храмового двора комплекса Б раскопан полностью в 1970 г. Его длина с севера на юг примерно 12,5 *м*, ширина от восточного края до западной стены около 3,5 *м*.

Вдоль восточного края айвана, с юга на север, в ряд располагались семь колонн, поддерживавших перекрытие. Три

[3] См.: С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, рис. 73, стр. 129.

[4] См.: Н. В. Пятышева, Ювелирные изделия Херсонеса. Конец IV в. до н. э.— IV в. н. э., М., 1956, стр. 46 и табл. VII, 1, 2 и 5.

[5] В. И. Распопова, Бронзовые серьги Пенджикента,— КСИА, вып. 120, М., 1969, стр. 55, рис. 16, 8—10.

профилированные аттического типа каменные базы трех северных колонн были найдены *in situ* еще в 1966 г.[6]. Для их укрепления на месте каждая база и участок пола возле нее обмазывались ганчевым раствором. Таким образом, в тех случаях, когда базы уже в древности были взяты с их первоначального местоположения, здесь оставалась ганчевая «лепешка» с четким отпечатком от основания базы. Во время раскопок 1966—1968 гг. были зачищены в центральной части айвана два таких отпечатка, а в 1970 г. еще два — от двух южных баз колонн. Одна из них (шестая с севера), размером 32 × 31 *см*, находилась в 1,05 *м* от пятой колонны. Другая (размером 34 × 32 *см*), самая южная в западном айване, в 1,2 *м* от предыдущей. Судя по размещению северных колонн, казалось, что всего на западном айване должно быть восемь колонн, однако их оказалось всего семь, так как три южные колонны были раздвинуты больше, чем северные.

Конструктивной основой пола айвана служил горизонтально срезанный песчаниковый материк холма. Поверх него была нанесена глиняная обмазка, неоднократно обновлявшаяся путем дополнительных подмазок. Уже первая такая обмазка перекрывала ганчевые «лепешки» вокруг баз колонн.

В 1970 г. западный айван практически зачищался до пола в южной его части, где он сливается с южным айваном. При этом в надпольном слое были найдены несколько черепков, в том числе черепок с остатками индийской надписи, а в натеке над полом (на высоте 3—4 *см*) в 1 *м* от южного края западной стены и 0,5 *м* от этой стены — небольшое игловидное бронзовое изделие (в фрагментах).

Центральная часть двора, начатая раскопками еще в 1967—1968 гг., в 1970—1971 гг. оконтурена полностью (пол ее еще не зачищен, работы остановлены примерно в 5—10 *см* выше его поверхности). Эта часть двора, размером около 7×7 *м*, углублена ниже уровня западного, южного, северного и восточного (еще нераскопанного) айванов на 0,5—0,6 *м*. Края этой углубленной части двора неоднократно обмазывались глиной и ганчем.

Из этой пониженной части двора на окружавшие ее айваны вели две небольшие лестницы. Двухступенчатая — на северный и трехступенчатая — на южный айван. Располагались обе эти лестницы друг против друга, но не по центральной оси углубленной части двора, а несколько ближе к ее восточному краю: так, ось южной лестницы находилась примерно в 2,7 *м* от восточного и 4,3 *м* от западного края пониженной части двора. При расчистке южной лестницы по сторонам от ее ступенек обнаружены остатки невысокого парапета, со-

---

[6] См. выше, стр. 25—27.

оруженного из кирпича-сырца (размером 34—35 × 34—35 *см*) и плотной глиняной обмазки. Глинобитные ступеньки лестницы были обложены сверху жженными прямоугольными кирпичами: размеры нижней плитки 60 × 28 × 4 *см*, средней — 60 × 28—30 × 3 *см* (верхняя плитка не сохранилась). Высота первой ступеньки — 14 *см*, второй — 12 *см*.

Вдоль южного края углубленной части двора, близ ее юго-восточного угла, тянулась суфа длиною (с запада на восток) 1,2 *м* и шириною около 0,6 *м* при высоте не менее 20—30 *см* (точные размеры не определены в связи с плохой сохранностью и с тем, что зачистка пола здесь еще не произведена). Суфа эта была сложена довольно небрежно: ее внешний северный обвод составляли положенные в ряд сырцовые кирпичи, внутри она была заполнена кусками сырца, пахсы(?) и песчаника, а в юго-восточном углу суфы внутри нее лежала фрагментированная жженая кирпичная плитка. Верхняя глинобитная обмазка суфы не сохранилась.

Между суфой и восточным парапетом лестницы располагался небольшой, видимо потайной, ящичек, замаскированный под еще одну лестницу. Сложенный из кусков жженых кирпичных плиток (их размеры 28 × ? × 3,5 *см;* ?×15×4 *см*), поставленных на ребро или уложенных горизонтально, этот тайничок глубиною до 45 *см*, шириною 35 *см* при высоте 11 *см* сверху был на 20 *см* прикрыт сырцовой кладкой и лежавшей поверх нее ложной ступенькой из жженых кирпичных плиток (размером 30 × 15 × 3,5 *см* и 27 × 14 × 4 *см*), уложенных горизонтально в ряд. Нижнюю ложную ступеньку образовывали также две плитки (размером 15 × 10 × 3,5 *см* и 18 × 12 × 3 *см*).

В заполнении, состоявшем из надувного песка и кусков сырца и пахсы(?), поверх суфы в юго-восточной части двора были найдены куски мергелистого известняка, в том числе фрагменты декоративных зонтиков (раскрашенных снаружи в красный, внутри в синий цвет, а по краю покрытых позолотой), части рельефов с изображением Будды под веткой (рис. 21а) и решетчатого парапета с зубцами наверху (рис. 21б). Здесь же найден кусок лотосовидной каменной капители и глиняный светильник. В тайнике обнаружена зола и в ней несколько черепков. Западнее лестницы вдоль южного края углубленной части двора тянулись полосой куски керамики (в том числе 3 черепка с остатками индийских букв) и мелкие фрагменты мергеля, в том числе и фрагменты рельефов.

При раскопках участка у южного края центральной пониженной части двора и северного края южного айвана в 1970 г. была срезана стоявшая здесь ранее бровка, идущая с запада на восток и фиксирующая характер заполнения. На срезе бровки (рис. 10) четко видно два скопления нахо-

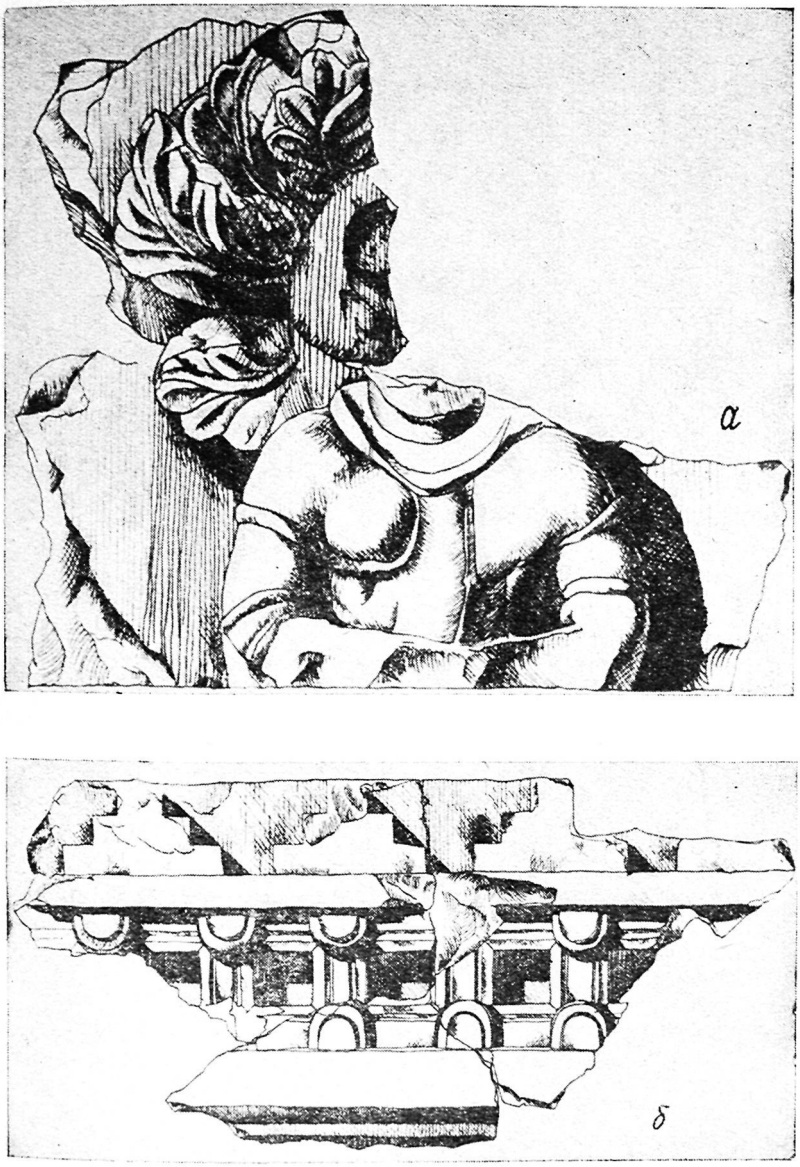


Рис. 21а, б

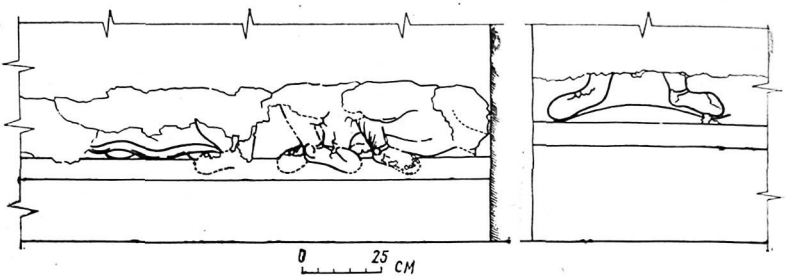


Рис. 22

док мергелистого известняка от рельефов и архитектурных деталей: один — над суфой в юго-восточной части двора, второй (в виде кучи) — над центром двора и западным его краем, более чем в полуметре выше пола.

При разборке бровки найдена часть бронзовой пластины, кубик красной краски, черепок с индийскими буквами, глиняная крышка, украшенная изображением цветка лотоса (сходна с неоднократно находимыми нами ранее — в 1961—1969 гг.), закопченный глиняный горшочек и т. п.

Южный айван двора комплекса Б раскопан в 1970 и 1971 гг. в его западной, прилегающей к южному входу в пещерный храм П-II части. Южная стена его прослежена от входной южной ниши храма П-II до прохода в наземное святилище. Ширина айвана от южной стены до северного края около 3,3 *м*. На участке от входной ниши в храм П-II до лестницы, ведущей из этого айвана в центральную, пониженную часть двора, обнаружены и зачищены следы четырех каменных баз колонн (включая общую с западным айваном — угловую базу). Вторая (с запада) база находилась в 1,06 *м* от угловой, третья — в 1,07 *м* от второй, четвертая — в 1 *м* от третьей. Размеры этих баз, судя по отпечаткам на ганчевых «лепешках», таковы: второй (с запада) базы — 32 × 31 *см*; третьей — 33 × 31 *см*; четвертой — 31 × 30 *см*.

Пол айвана образовывала глиняная обмазка (поверх выровненной конструктивной песчаниковой естественной породы холма). Местами на полу сохранилась сплошная окраска в черный цвет, а поверх нее остатки еще одного (или двух) слоев новой глиняной обмазки. Остатки трех последовательных глиняных обмазок пола со следами черной раскраски каждого из них выявлены и при зачистке южной входной ниши пещерного храма П-II; причем поверхность пола здесь испорчена в центре и хорошо сохранилась по сторонам, у стен. Вдоль южной стены — и в нише, и в айване — по полу тянулась кайма белого цвета, шириною 5—8 *см*.

Южная стена айвана в западной части — целиком песчаниковая. К востоку, по мере понижения естественного холма,

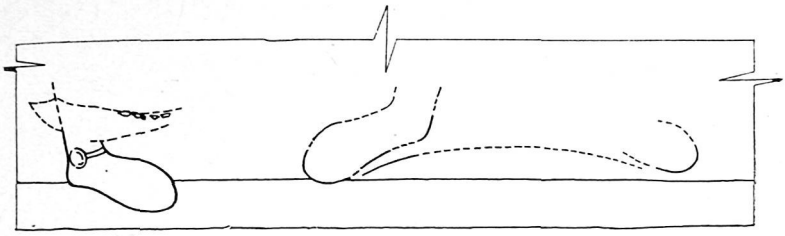


Рис. 23

песчаниковая основа стены постепенно понижается, а поверх нее появляется надстроенная из кладок кирпича-сырца верхняя часть. Поверхность стены — как в песчаниковой, так и в сырцовой ее части — покрывала глиняная штукатурка. На ней сохранились остатки многоцветной росписи по белой ганчевой подгрунтовке. К сожалению, остатки росписи сохранились лишь в нижней части стены (не считая упавших со стены и найденных в завале кусков).

Однако общий характер росписи в результате работ 1970—1971 гг. начинает проясняться. По нижнему краю стены почти на всем раскопанном участке (от южной входной ниши до входа в наземное святилище в 7,5 *м* к западу от нее) четко прослеживается бордюр, состоящий из белой полосы (она смыкалась с белой каймой пола айвана) и красной, обрамлявшей ее сверху линией шириной до 7 *см*. Эта красная линия служила одновременно нижним краем многофигурной композиции, от которой на стене сохранились изображения 13 ног (рис. 22—23). Одна из них непарная, остальные относились к шести персонажам: четырем мужчинам и двум женщинам. Изображениям мужчин принадлежали расставленные носками врозь ноги, обутые в мягкие сапожки с пряжкой-застежкой сбоку. С изображениями женщин следует связывать два волнистых подола с торчащими из-под них ступнями.

Рядом с южной стеной айвана еще в 1969 г. был найден в завале кусок штукатурки с росписью — профильным изображением головы старого человека (табл. V). В 1970—1971 гг. отдельные кусочки с росписью были встречены и в южной входной нише храма П-II, и в южном айване. Эти кусочки упавшей со стены штукатурки с росписью попадались и в промазках пола (возле прохода на юг в наземное святилище), и на полу, и в айване над полом (обычно неподалеку от южной стены). Особенно много кусков штукатурки с остатками росписи было найдено в южной входной нише храма П-II и у прохода на юг в наземное святилище. Здесь же перед проходом в святилище вниз лицом лежал в завале (в 30 *см* выше поверхности самого позднего пола айвана) большой кусок росписи.

Этот кусок был в 1970 г. распилен на две части. Тогда же правая (западная) его часть, размером 70 × 40 *см*, была зачищена с обратной стороны, закреплена, перевернута и расчищена с лицевой стороны И. Я. Соколовым и С. В. Филатовым. Вторая (восточная) часть упавшего вниз лицом куска росписи была обработана и закреплена на месте весной 1971 г. И. Я. Соколовым и Ю. М. Егоровым. В целом на этом куске была изображена, вероятно, сцена проповеди: справа (на западной части) находилось изображение Будды (рис. 24, табл. IV), слева (на восточной части)—монахи под сенью деревьев.

Северный айван храмового двора комплекса Б в 1970—1971 гг. раскапывался к востоку от выявленной ранее четвертой (с запада) ганчевой «лепешки» (от базы колонны) и лесенки, ведущей из этого айвана в центральную пониженную часть двора. При этом в 1,04 *м* от отпечатка четвертой базы колонны был зачищен след базы пятой колонны (в ганчевой «лепешке»). Размер этой базы понизу — 31 × 30 *см*. Характер пола и завала в северном айване сходен с теми, которые мы уже отмечали в западном айване. Северная стена айвана аналогична южной стене южного айвана: ее основу составляет срезанный вертикально песчаник, причем песчаниковая часть стены с запада на восток понижается (по мере понижения склона холма) и сверху над нею появляются сырцовые кладки надстройки. Стена была покрыта толстой глиняной штукатуркой и красной раскраской (поверх тонкой ганчевой подгрунтовки). Следы краски сохранились на высоте менее 0,6 *м*, и, таким образом, мы не можем определить, была ли стена северного айвана снизу доверху раскрашена в ровный красный цвет или же имела лишь высокую красную панель.

В северной стене в 3,75 *м* восточнее нижней ступеньки лестницы, ведущей из северного айвана вверх, в сторону вершины холма, при раскопках 1970 г. был открыт проход на север, в обнаруженное также при раскопках 1970 г. новое большое помещение, получившее обозначение «северного двора», а в 1971 г. в 4,5 *м* восточнее прохода — северо-восточный угол храмового двора (точнее — северного и восточного айванов этого двора).

В сырцовой северной стене айвана, в 1,6 *м* к востоку от прохода, ведущего на север в «северный двор», открыт замазанный паз от первоначально стоявшего здесь вертикального деревянного столба. Такие же пазы ранее были открыты в западной части стены этого же северного айвана и против него, на линии баз колонн западного айвана, в южной стене двора (т. е. южного айвана); эти столбы явно должны были служить опорами для несущей основной балки деревянного перекрытия западного айвана, опиравшейся также на ряд

Рис. 24

колонн. Паз, открытый в ходе раскопок 1971 г. в восточной части северного айвана, предназначался, очевидно, для опорного столба балки перекрытия восточного айвана и располагался на линии баз его (этого айвана) колонн. Но находка этого паза оказалась особенно интересной потому, что здесь под столб была установлена сохранившаяся *in situ* профилированная полубаза, высеченная в блоке мергелистого известняка. Блок этот при перестройке айвана (а возможно, и всего двора) был замурован на месте: его покрыли глиняной штукатуркой, которую закрасили в ровный красный цвет. Столб в это время либо сгнил, либо был изъят, и паз от него заполнили глиной. К этому времени относится, скорее всего, найденная в трещине наверху мергелистой полубазы медная позднекушанская монета (возможно, чекан Васудевы).

На полу северного айвана возле дверного проема, ведущего в «северный двор», валялись куски жженых кирпичных плиток и фрагменты крупных толстостенных сосудов (в том числе куски венчиков и плечиков хумов). Фрагменты керамики, куски жженых кирпичных плиток и крупные обломки каменных (из мергелистого известняка) декоративных зонтиков лежали и на полу прохода из северного айвана в «северный двор», а также в самом «северном дворе» около этого дверного проема.

Дверной проем, служивший для прохода из северного айвана в «северный двор», имел ширину 0,75 *м*. Поскольку уровень пола в «северном дворе» был на 20 *см* выше, чем в северном айване, проход начинался не с пола айвана, а со ступеньки. На полу прохода четко прослежены отпечатки от четырех лежавших здесь жженых кирпичных плиток размером 33 × 30, 31 × 30, 33 × 31 и 32 × 32 *см*, а на северном краю прохода, в его полу, зачищено углубление — след от деревянного порога, заходившего в глубь кладок западного и восточного срезов дверного проема. Общая длина порога — 1,33 *м*, ширина — 0,16—0,2 *м*. В полу в срезах дверного проема прослежены следы пазов крепления дверной рамы.

Восточный айван храмового двора раскапывался в 1971 г., в основном в его северной, общей с северным айваном, части, где был обнаружен северо-восточный угол двора. В этой части восточного айвана раскоп углублен до уровня примерно 20—30 *см* выше пола. При этом на протяжении 3 *м* к югу от северо-восточного угла прослежены остатки восточной стены айвана (и всего двора). Стена эта, сложенная из кирпича-сырца и покрытая глиняной штукатуркой с красной раскраской, сохранилась на высоту всего лишь 25—30 *см*, выше шел уже дерновый слой, поверх которого скопился массив отвалов из раскопа 1961—1970 гг. Вверху отвала в самом начале работ 1971 г. была найдена медная (кушано-сасанидская) монета, выброшенная, скорее всего, из

слоя с костями из южного обходного коридора пещерного храма П-II. Под дерном завал восточного айвана представлял собой слежавшийся массив сырцовых кирпичей, глины и песка, Вдоль стены завал был более рыхлым, отступая же от нее примерно на полметра,— очень плотным. В завале изредка встречалась фрагментированная керамика.

в) Наземное святилище

В 1971 г. были произведены также раскопки небольшого наземного святилища, располагавшегося между храмовыми дворами комплексов А и Б. Вход в святилище наметился еще в 1970 г. В начале раскопок 1971 г. стало ясно, что вход этот в древности был заложен сырцовыми кирпичами, и, рассчитывая более тщательно изучить в дальнейшем наслоения над полом прохода и их соотношение с закладкой входа, мы, не разбирая закладки, приступили к раскопкам самого святилища, к югу от входного проема [7].

Святилище это небольшая комната, квадратная в плане, размером около 3,5 × 3,5 *м*. Стены ее сохранились на высоту до 1,6 *м* (максимально — северная и западная стены; до 1,5 *м* — южная и до 1,1 *м* — восточная стена). Западная и северная стены в северо-западном углу до высоты 45 *см* выше уровня пола высечены в естественном песчанике холма (к югу в западной стене уровень песчаниковой ее части понижается, в северной стене песчаник до прохода во двор комплекса Б тянется примерно горизонтально). На песчанике здесь четко видны следы орудия типа кирки. Южная и, видимо, восточная (на ней не снята штукатурка и вдоль нее сохранилась вымостка пола) стены покоятся на выровненной поверхности песчаника. Основная часть западной и северной стен, а восточная и южная стены полностью — сырцовые, сложенные из кирпича-сырца размером 32—34 × 32—34 × 12—15 *см*, на глиняном растворе.

Первоначально святилище имело два выхода: посредине северной стены — во двор комплекса Б и посредине южной стены — во двор комплекса А.

Конструктивный пол святилища — углубление в песчанике (на глубину 10—12 *см*) — был приготовлен для вымостки по периметру комнаты плитами мергелистого известняка. Вымостка из гладких сверху плит разного размера и формы была уложена на раствор ганча с галькой и битым мергелем; последний использовался и как подсыпка, особенно в ямках. Раствор ганча прикреплял плиты вымостки также и к стенам, а местами тонким слоем покрывал их сверху.

---

[7] Раскопки наземного святилища в 1971 г. вела Б. И. Вайнберг.

Вымостка пола *in situ* сохранилась вдоль всей восточной стены и почти вдоль всей северной стены (здесь только недостает одной, видимо, плиты в северо-западном углу комнаты). Кроме того, на месте сохранились две плиты пола у западной стены, примерно у ее второй четверти с юга (табл. II). Первоначально же вымостка не только шла по периметру комнаты, но покрывала также конструктивный пол в проходе во двор комплекса А и, по-видимому, в нерасчищенном еще проходе во двор комплекса Б.

В центре комнаты была оставлена квадратная площадка песчаника, высотой в вымостку пола, т. е. в 10—12 *см*. На ней была сооружена платформа для ступы (или буддийской статуи). Платформа была составлена из разных по величине блоков мергелистого известняка. До нас дошли лишь два нижних ряда блоков этой платформы. Низ ее имел сложный профиль, повторенный на всех составляющих нижний ряд блоках. На месте *in situ* сохранились угловой северо-восточный блок, два блока от восточной и один блок от северной сторон. Блоки второго ряда имели гладкую лицевую поверхность. От этого ряда *in situ* сохранились два блока (один — длинный, второй более короткий) на северной стороне платформы, близ ее северо-восточного угла (табл. II). Блоки по большей части имели треугольную или подтреугольную в плане форму и изнутри платформы скреплялись раствором ганча с глиной и битым мергелем, т. е. разновидностью древнего «бетона»[8].

В ходе раскопок помимо сохранившихся *in situ* были найдены отдельно (и поставлены на место) три угловых и восемь серединных блоков нижнего ряда, шесть длинных и три коротких серединных блока второго ряда, а также один короткий (возможно, угловой) блок того же ряда (табл. II). При раскопках выяснилось, что второй ряд в северо-восточном углу платформы был сложен из кусков сырцовых кирпичей (по-видимому, ремонт платформы в поздний период существования святилища).

В западной стене, посредине ее (выше песчаниковой нижней части стены) находилась большая выбоина (длиною с юга на север до 1,2 *м*, глубиной (в глубь стены) до 70 *см* и высотою до 80 *см*). Выбоина эта какое-то время стояла открытой, так как на дне ее лежал слой натека. В северо-западном углу комнаты поверхность стен также оказалась сколотой. На всех остальных участках стен сохранилась глиняная штукатурка (толщиной до 3—4 *см*) с остатками росписей по белой ганчевой подгрунтовке. Понизу, судя по следам розовой краски, тянулся, возможно, бордюр высотою до 12 *см*. Выше, до полуметра от уровня пола, шла, по-видимо-

[8] Ср. Кара-тепе, II, стр. 20—21.

му, белая панель с узором в виде гирлянды поверху; гирлянду составляли полосы (листья?) и овалы (цветы?) черного и розового цветов. Над панелью же размещалась, вероятно, сюжетная живопись с преобладанием красно-розовой гаммы, куски от нее были найдены в завале, а часть, еще не зачищенная, лежит на полу святилища. В завале обнаружены также обломки карнизов одно- и двухступенчатых, раскрашенные в синий, черный, красный и зеленый цвета, и возле прохода на юг куски дугообразной тяги (возможно, от арки прохода) с покраской плоскостей в белый и красный цвета.

Проходы — на юг, во двор комплекса А и на север, во двор комплекса Б — были широкими (шириною в 1 *м*), а срезы их покрывала роспись. Следы ее хорошо сохранились на западном срезе южного выхода. Проход на север в какой-то момент был сужен за счет возведенных по бокам сырцовых стенок (шириной до 20 *см* каждая). При этом одновременно со стенками были сооружены две сырцовые ступени, частично перекрывшие плиты пола. Стенки нового суженного прохода не были оштукатурены. Позднее проход был окончательно заложен кладкой из сырцовых кирпичей. Закладка осуществлялась со стороны двора комплекса Б: изнутри помещения она велась с поверхности второй ступеньки, а снаружи, в сторону двора комплекса Б, выходила на надувной (и, возможно, завальный) слой толщиною до 25 *см,* лежащий в 40 *см* выше первоначального пола южного айвана этого двора. Сырцовые кладки частично вывалились внутрь помещения.

Выход из святилища на юг, во двор комплекса А, также был заложен, причем с юга, со стороны двора, сырцовая кладка была покрыта глиняной штукатуркой и закрашена в красный цвет. Закладка этого прохода была произведена после разрушения платформы и вымостки пола в южной части святилища, так как плиты пола и блоки нижнего ряда платформы составили часть этой закладки: они были уложены один на другой с северной (внутренней) стороны закладки и частично заходили под сырцовые кирпичи южной (внешней) ее стороны. Каменные детали были уложены, видимо, без раствора и часть их была найдена сползшей внутрь помещения. Сырцовая же часть закладки представляла собой аккуратную стенку, сложенную на глиняном связующем растворе из обломанных (внизу стенки) и целых квадратных (со стороной 30—35 *см*) кирпичей (вверху). Нижние кирпичи лежали непосредственно на песчанике, верхние же заходили в срезы прохода, разрушившиеся или специально разобранные для этой цели. Была ли закладка южного прохода одновременна с закладкой выхода на север, пока неясно; ответ на этот вопрос дадут, вероятно, дальнейшие раскопки.

Завал в разных частях святилища был различным. Возле

северного выхода и в северо-западном углу комнаты над полом лежал слой рыхлого натека, на котором обнаружены кусочки упавшей расписной штукатурки. Выше залегал массив слежавшегося песка и упавших сырцовых кирпичей и кусков кладок с линзами плотных натеков. Еще выше шел плотный завал с включением ганча и мелких фрагментов мергелистого известняка; в верхней части завала (примерно до 0,5 *м* от поверхности холма) в северо-западном углу святилища мергеля не было совсем. В завале в этой части комнаты упавшая со стен расписная штукатурка встречалась лишь в виде мелких кусочков.

В заполнении выбоины (в западной стене) было много крупных фрагментов мергеля от плит пола и от платформы, два длинных и несколько более мелких каменных блоков второго ряда кладки платформы, две базы от столбов (аналогичных базе, открытой в северной стене северного айвана двора комплекса Б) и куски застывшего ганчевого раствора с гладкой поверхностью (возможно, от верхней поверхности платформы).

Вдоль восточной стены плотный сырцовый завал шел от пола почти до самого дернового слоя. В юго-восточном углу вверху он включал горизонтальную прослойку песка. Мергеля здесь почти не было, но именно в этой части завала встречено больше всего фрагментов росписей. Посредине восточной стены штукатурка на ее поверхности выпучилась и вывалилась, так что куски ее попали и на пол, и в нижнюю часть завала, причем нередко росписи здесь переломились и легли в два слоя, лицом к лицу. В юго-восточном углу куски штукатурки с росписью в основном лежат вверх лицом, вдоль северной стены — сползли вертикально. Среди найденных здесь кусков стенной живописи пока что наиболее интересны два: один с изображением обнаженной ноги, второй с частью бородатого лица. В завале у восточной стены обнаружены также остатки костяка: череп и верхняя часть костяка в юго-восточном углу, несколько фрагментов длинных костей, мелкие кости и один позвонок вдоль стены, вплоть до северо-восточного угла. Костяк попал в помещение вместе с завалом, так что, скорее всего, он упал с крыши или верха стен.

Завал в центре помещения почти до самой платформы состоял из песка с прослойками плотных глинистых натеков. В южном проходе верх завала также представлял собой массив песка, но здесь он включал еще щебенку. Линза песка со щебенкой толщиной до 40 *см* заходила также на стены в юго-западном углу святилища, выклиниваясь на север. Ниже этого массива песка в проходе лежали плиты от пола и блоки платформы, составлявшие часть закладки. У входа, над полом найдены сползшие туда три угловых блока ниж-

него ряда кладок платформы и еще одна база от столба (рис. 25а, б), аналогичная трем упоминавшимся ранее.

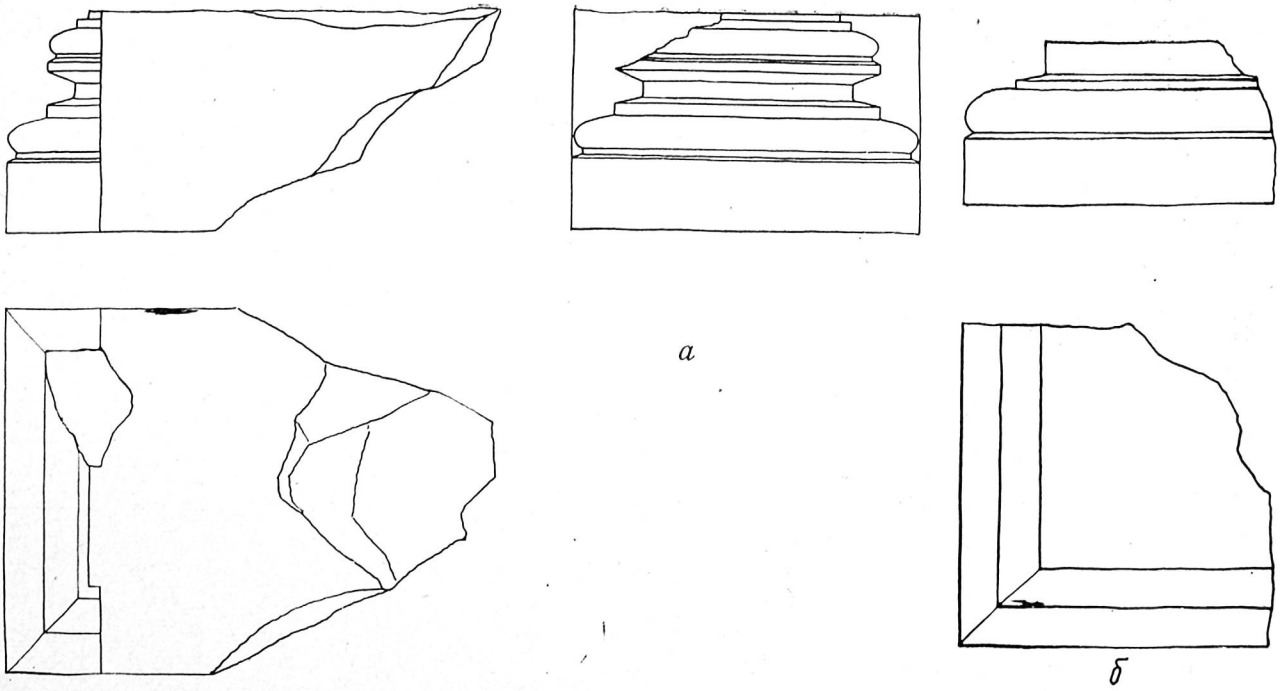
г). «Северный двор»

Большое помещение, располагавшееся к северу от храмового двора комплекса Б и соединявшееся с ним широким проходом со следами деревянной двери, было обнаружено еще в ходе раскопок 1970 г. Тогда же была раскопана его юго-западная часть и прослежена вплоть до северо-западного угла западная стена. В 1971 г. это помещение, получившее обозначение «северный двор», практически раскопано полностью.

«Северный двор» — большое, не имевшее перекрытия помещение, вытянутое с запада на восток на 12 *м* и с севера на юг почти на 11 *м*. На юге этот двор соединялся с северным айваном храмового двора комплекса Б, на севере имел выход наружу, за пределы первой группы помещения (рис. 26, табл. III).

В центре «северного двора» находилась ступа, сохранившаяся в виде квадратного в плане, но бесформенного по краям и сверху, основания и сырцового массива над ним. План ступы выявляется достаточно четко, так как для основания ее было предварительно сделано углубление в песчаниковом конструктивном полу.

Эта углубленная площадка для основания ступы по периметру оказалась заполненной сырцовыми кирпичами, раствором ганча и кусками мергеля. С севера, где к ступе подходит дорожка, идущая от входа (в северной стене), в массив ступы уложены три мергелистых блока (шириною 38—42 *см* каждый); четвертый такой же блок (размером 37 × 25 × 22 *см*) с двумя гладкими поверхностями был найден на полу двора неподалеку от северо-западного угла ступы. Были ли эти три блока остатками первоначального основания ступы, сохранившимися *in situ,* или же они попали на это место в результате перестройки (или ремонта), пока неясно. Неясно также, связаны ли с первоначальной ступой или же с перестройкой открытые при раскопках поверх основания ступы (с западной ее стороны) уложенные наклонно жженые кирпичные плитки, равно как и остатки сырцовых вертикальных кладок, обнаруженные над основанием ступы на северо-востоке. В 1971 г. остатки ступы были оконтурены со всех сторон, однако разбор этих остатков еще впереди и, возможно, в результате его мы сможем лучше понять ее устройство и характер. Пока же приходится констатировать, что материалами для реконструкции общего вида этой ступы мы еще не располагаем. Ясно лишь, что ступа была квадратной в плане со сторонами, равными 4,4 *м* каждая, и что сверху ее



а

б

Рис. 25а, б

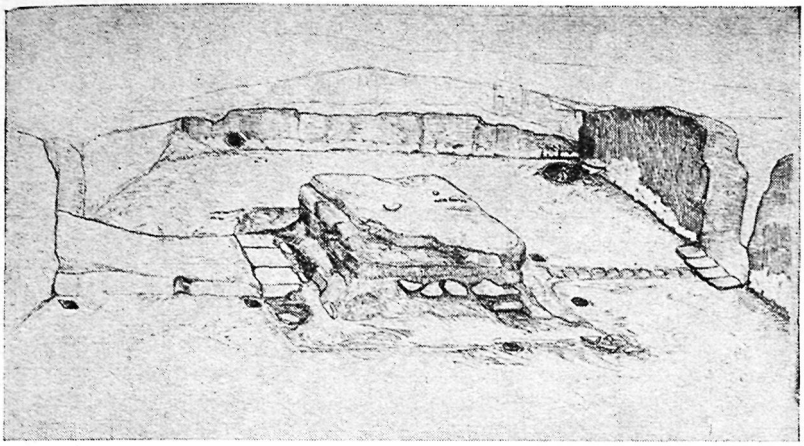


Рис. 26

венчал шест с семью зонтиками, высеченными из мергелистого известняка и раскрашенными в красный (снаружи) и синий (внутри) цвета, а по краю покрытыми позолотой. Обломки этих зонтиков, позволившие определить технику их изготовления, а также их диаметр и высоту[9], были найдены возле ступы на полу и в надпольном слое, в основном около дорожки, ведущей от ступы на север, к выходу из «северного двора», равно как и у южного выхода (во двор комплекса Б). Зонтики имели диаметры от 1,16 *м* (нижний) до 28 *см* (верхний) при высоте 35 и 10 *см*. В центре были втулки для насадки на деревянный шест. Судя по отверстиям на краях, к некоторым (а возможно, и ко всем) зонтикам подвешивались кисти, колокольчики или какие-либо иные украшения.

К югу от ступы к входу в храмовый двор комплекса Б вела неширокая (скорее всего, символическая) дорожка, образованная одним рядом утопленных в пол жженых кирпичных плиток. Большинство плиток до нас не дошло, но их отпечатки сохранились достаточно четко и позволяют замерить размеры плиток: квадратных, со сторонами в 31—33 *см*.

В юго-западном углу «северного двора», в западной стене находилась ниша шириной 2,6 *м* и глубиной 80 *см*. Стены ее первоначально были обмазаны ганчем; позднее же здесь была сооружена суфа (высотой до 40 *см*), сложенная из сырцовых кирпичей (в основном из их обломков).

[9] Изучение обломков зонтиков было начато в полевой сезон 1971 г. С. М. Анненской при содействии В. И. Зернова. Результаты этой работы будут опубликованы в следующем выпуске Материалов экспедиции на Кара-тепе.

Конструктивный пол «северного двора» был образован выровненным естественным песчаником. Его поверхность многократно обмазывалась глиной, а в углах и у стен нередко и ганчем. Пол таким образом постоянно ремонтировался и подновлялся. Строители «северного двора» приняли также меры от размывания его ливневыми дождями. В северо-восточном углу, в восточной стене найдена керамическая труба-кубур, служившая, видимо, для вывода воды с поверхности пола, а возле ступы, примерно посредине ее западной стороны и западнее вымостки, идущей на юг, обнаружены вкопанные под пол верхние части сосудов, предназначавшиеся, очевидно, для поглощения воды, скапливающейся у основания ступы.

Помимо углублений для поглощения воды в полу двора были зачищены пять прямоугольных гнезд: по обеим сторонам от дорожки, ведущей от ступы на север к выходу из двора (у выхода и у ступы), и к востоку от вымостки, идущей от ступы на юг, к входу в храмовый двор комплекса Б (возле ступы). Гнезда эти, скорее всего, остались от каких-то вертикальных шестов. К юго-западу от ступы, в 1 *м* от южной и 2,2 *м* от западной стен двора, в полу раскопана ямка (диаметром 45 *см* при глубине 15 *см*), заполненная золою и угольками; на дне ее лежала жженая кирпичная плитка (размером 30 × 30 × 4—5 *см*) и невыразительный фрагмент глиняного сосуда. Связана ли эта ямка с функционированием двора со ступой или выкопана уже после того, как этот двор был заброшен, выяснить не удалось. Более определенно можно говорить о назначении хума, вкопанного под пол в юго-восточном углу двора; в него сметали, очевидно, накапливавшийся здесь мусор. При раскопках в хуме на дне его лежала светло-серая зола, над нею несколько угольков, два глиняных светильника в виде плошки (один целый, второй — фрагментированный), керамический кружок (пуговица?) и несколько черепков. Выше шли натеки плотной глины, на них кусочек зонтика из мергеля, еще выше — перемежающиеся песок и натечная глина с фрагментами керамики, косточками и, наконец, обломанные куски от венчика самого хума.

Над полом «северного двора» почти повсеместно четко выявляются поверхности нескольких натеков — плотные, ровные, покрытые мелкими трещинами. Выше обычно шел чистый слой надувного песка, перекрытый массивом рухнувших сырцовых кладок, а на самом верху завала, под дерновым слоем еще один слой надувного песка. Только у восточной и северной стен плотный слой сырца лежал прямо на натеках, будучи перекрыт массивом песка с включениями кусков сырцовых кирпичей.

В завале попадались куски мергеля, фрагменты керамики, в том числе черепок с индийской надписью (найден в 1970 г.), а также кубик охристой краски.

д) Участок к северо-западу от «северного двора»

В полевой сезон 1970 г. были начаты также раскопки к северу от «северного двора». В 1971 г. они были продолжены в западном (вслед за поворотом склона холма) направлении. Здесь к северо-западу от «северного двора» выявился незастроенный участок склона. Под дерном и надувным песком на этом участке мы всюду наталкивались на естественную песчаниковую породу. Слой же песка и, частично, дерновый слой были насыщены черепками, в том числе и с нанесенными черной тушью надписями. В 1970 г. здесь найдены черепок с индийской и черепок с бактрийской надписями, в 1971 г.— два черепка с бактрийскими и восемь черепков с остатками индийских надписей, а также фрагмент стенки сосуда с процарапанной тамгой. Здесь же, в слое песка и керамики, лежала медная позднекушанская монета (чекана Васудевы?).

Судя по характеру наслоений и находок, здесь, на северном склоне холма, за пределами первой группы помещений, в древности находилась свалка битой керамики, сходная с той, которая была открыта к югу от помещений этой группы в самом начале работ нашей экспедиции на Кара-тепе [10].

II. РАСКОПКИ ВТОРОЙ ГРУППЫ ПОМЕЩЕНИЙ

В 1971 г. начаты раскопки второй группы помещений на южной вершине Кара-тепе. Помещения этой группы располагались на северном склоне, к северо-западу от помещений первой группы.

Расширяя на запад раскоп на участке к северо-западу от первой группы помещений, примерно в 20 *м* от выхода из «северного двора» мы наткнулись на верхушки сырцовых стен нового комплекса, обозначенного нами как комплекс В. При углублении раскопа вдоль этих стен выяснилось, что перед нами новая — вторая группа помещений, которая, судя по рельефу местности, могла включать также несколько пещер и какую-то крупную наземную постройку, располагавшуюся к северу от южной вершины Кара-тепе, неподалеку от обнаруженной ранее пещеры П-III [11].

В результате работ 1971 г. в комплексе В [12] выявляется наземное помещение с высокой нишей (ширина ее — 2,4 *м*),

---

[10] См. Кара-тепе, I, стр. 14.
[11] См. Кара-тепе, II, рис. 3.
[12] В 1971 г. раскопки комплекса В вели В. Л. Сычев и В. И. Зернов

в глубине которой находился вход в пещерное помещение (или несколько пещерных помещений). Вход этот в какой-то период был заложен, причем закладка была покрыта глиняной штукатуркой и ганчем. Перестроено было и наземное помещение: восточная стена ниши была продлена на север. К западу от этой ниши за мощным сырцовым пилоном выявляется еще одна входная ниша, ведущая на юг. На стенах восточной входной ниши и в завале найдены куски штукатурки с росписью (в том числе происходящий из завала фрагмент живописи с частью человеческого лица) и мелкие кусочки ганчевых статуй. Здесь же найден черепок с индийской надписью.

Перегородка, закрывавшая вход в пещеру комплекса В, сверху обвалилась (или была проломлена). За нею сейчас идет сплошной массив надувного песка с включением сырцовых кирпичей (из перегородки) и кусков песчаника (от сводчатого потолка).

* * *

Материалы раскопок 1970—1971 гг. находятся еще в процессе камеральной обработки. Поэтому пока целесообразно после описания результатов раскопок не приводить, как это делалось в моих предыдущих более полных отчетах, обзор находок этих сезонов, а перейти непосредственно к тем выводам, которые можно сделать уже на нынешней стадии изучения добытых материалов.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Данные, полученные в ходе работ 1970—1971 гг., позволяют заметно уточнить наши представления об устройстве, планировке и убранстве первой группы помещений Кара-тепе и проливают новый свет на вопросы истории культуры и искусства кушанской Бактрии.

В результате работ 1971 г. можно, наконец, считать установленными размеры первой группы помещений Кара-тепе, ограниченной и с юга и с севера участками необработанной (и незастроенной) естественной поверхности склона песчаникового холма. Северную часть ограниченной таким образом площади составлял «северный двор» с входом (с севера), ступой (посредине) и проходом на юг, в центральную часть: в нее входили храмовый двор и пещерный храм П-II (т. е. комплекс Б) (рис. 1, 27). Южная часть включала храмовый двор и пещерный храм П-I, которые ранее воспринимались как отдельный комплекс А; этот комплекс, как показали раскопки наземного святилища в 1971 г., первоначально соединял-

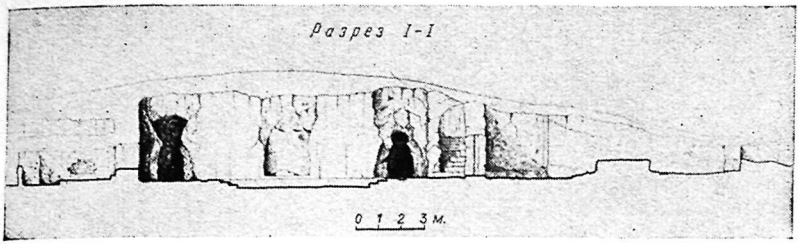


Рис. 27

ся с остальной частью первой группы помещений. Таким образом, застройка южной вершины Кара-тепе состояла, вероятно, не из примыкавших друг к другу комплексов, а из более крупных групп помещений, располагавшихся на некотором расстоянии одна от другой.

Наименее ясны пока планировка и устройство южной части первой группы помещений, так как здесь не только не докопаны обходные коридоры пещерного храма П-I, но и большая часть храмового двора комплекса А.

В «северном дворе», планировка которого в результате работ 1970 и 1971 гг. обрисовывается достаточно определенно, предстоит еще, разобрав остатки ступы, попытаться определить ее устройство и общий вид.

Более полны сейчас наши представления об устройстве помещений, которые в предыдущих отчетах обозначались как комплекс Б. Пещерная часть этого комплекса раскопана полностью, что и позволило архитекторам экспедиции В. Г. Дончику и И. А. Мачерет дать убедительные графические реконструкции общего вида обходных коридоров пещерного храма П-II и верхней камеры пещерной кельи этого храма. Реконструкции эти (рис. 8, 28, 29) основаны на сохранившихся архитектурных деталях—стенах, лестницах, остатках сводчатых перекрытий (ср. рис. 4—7) и, как мне кажется, не вызывают сомнений, тем более что они отражают лишь архитектурный облик этих помещений; живописное их убранство на реконструкциях не обозначено. Несколько сложнее было дать графическую реконструкцию храмового двора, точнее его западной, примыкавшей к пещерному храму П-II части. Работа над такой реконструкцией была начата И. А. Мачерет и В. Г. Дончиком в полевой сезон 1970 г. и завершилась созданием варианта, представленного И. А. Мачерет после сезона 1971 г. (рис. 30). В целом мы впервые получили возможность представить себе в графических реконструкциях облик пещерного буддийского храма и примыкавшего к нему двора, относящихся к кушанскому периоду истории Средней Азии.

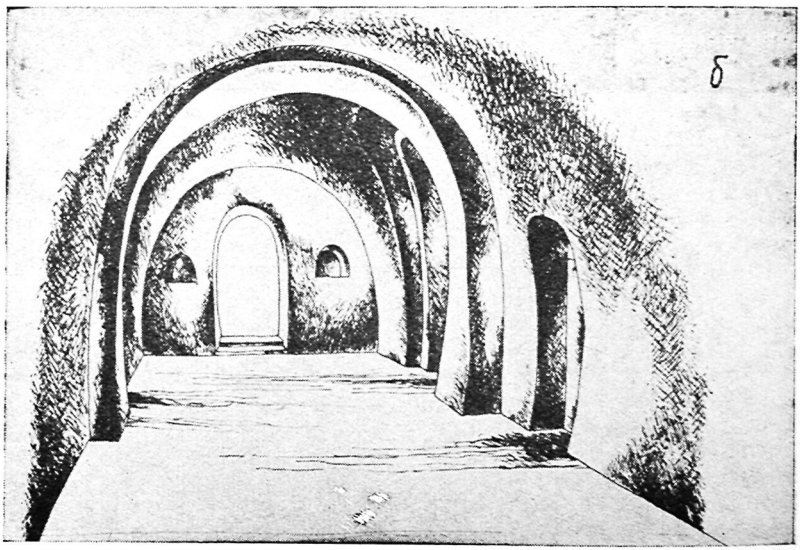


Рис. 28а, б

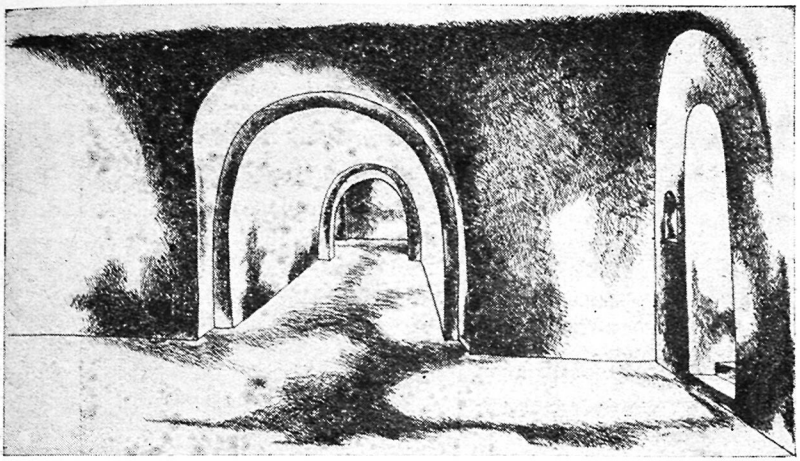


Рис. 29

Подробный историко-архитектурный анализ храмового комплекса Б и всей первой группы помещений Кара-тепе еще впереди. Однако уже сейчас можно отметить некоторые характерные особенности, и прежде всего отражение в планировке и устройстве пещерных храмов П-II и П-I и примыкавших к ним дворов различных культурных традиций. Пещерные храмы П-II и П-I, как мне уже приходилось отмечать [13], по своей планировке восходят не к буддийской архитектуре Индии, а к древней ближневосточно-среднеазиатской традиции возведения храмов с центральной замкнутой целлой — святилищем, окруженным обходными коридорами. В то же время обычай сооружений культовых построек в виде пещерных помещений для Средней Азии предшествующей (да и раннекушанской) поры не был характерен и должен, по всей видимости, рассматриваться как результат освоения индийских традиций. Показательно, что архитектурно-планировочный прием размещения целлы внутри обвода из коридоров (правда, лишь с трех сторон) использован и в наземных храмах кушанской Бактрии — в наземном храме на южной стороне двора комплекса А Кара-тепе и в «храме Канишки» в Сурх-Котале [14], т. е. как в северной (правобережной), так и в южной (левобережной) частях этой древней области. Причем этот прием использован здесь в храмах, различных по их культовой принадлежности: буддийском — в Кара-тепе и небуддийском — в Сурх-Котале. В то

[13] Ср. Кара-тепе, I, стр. 51, 56—57.

[14] См., например, D. Schlumberger, L'Orient hellénisé, Paris, 1970, стр. 60—66 и рис. 26.

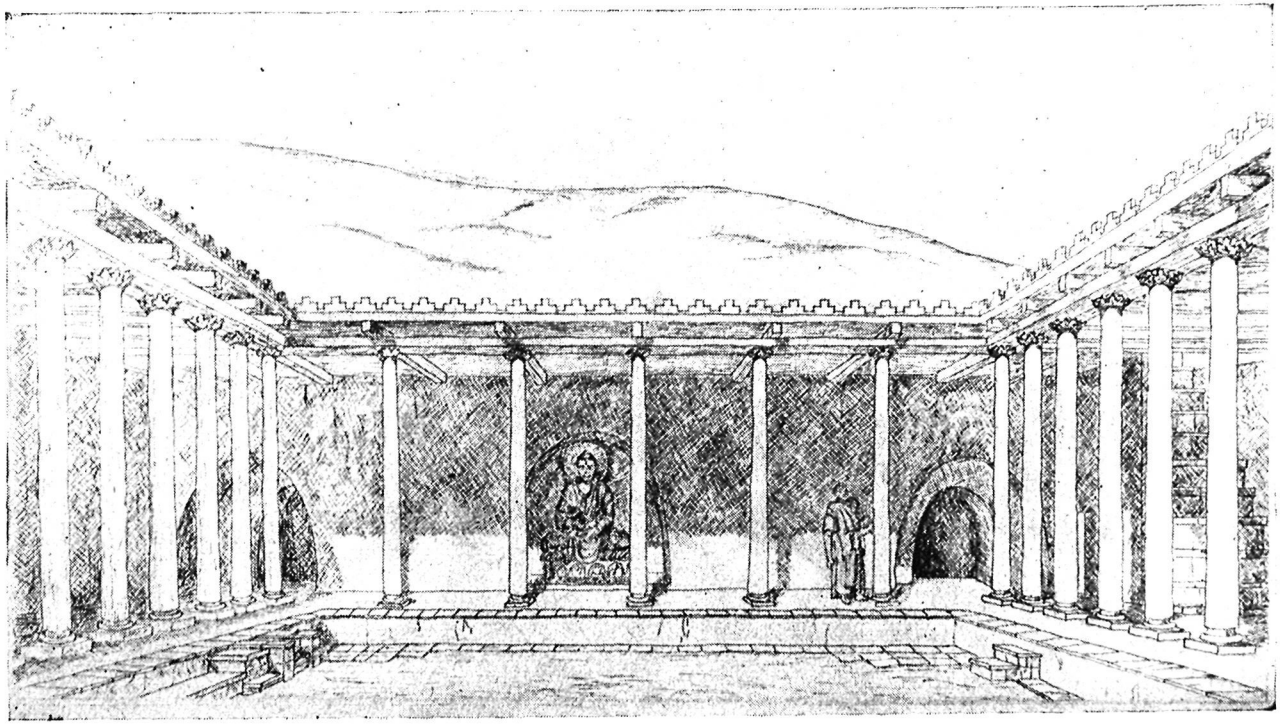


Рис. 30

же время нельзя не заметить, что в других известных сейчас буддийских пещерных сооружениях Бактрии и близ ее южной границы — Гиндукуша [15] этот планировочный прием распространения не получил в силу, вероятно, более сильного воздействия на их строителей индийских традиций.

В планировке и устройстве храмового двора комплекса Б (как, вероятно, и недокопанного еще двора комплекса А) четко видно знакомство их строителей с античной эллинистической традицией. Устройство каратепинского храмового двора с четырьмя колонными портиками по сторонам и с главенствующей ролью южного айвана заставляет вспомнить не только внутренний двор царской сокровищницы (так называемый «квадратный дом») Старой Нисы, но и общественное здание Ай-Ханума, не говоря уже о повторявшей, видимо, планировку этого здания постройке в Саксан-Охуре.

Внутренний двор «квадратного дома» парфянского городища Старая Ниса первоначально, т. е. во II в. до н. э., был окружен четырьмя айванами, причем южный имел не один, как все остальные, а два ряда колонн [16]. В свете открытия греко-бактрийского городища Ай-Ханум (где раскапывается крупное общественное здание, двор которого, окруженный колонными портиками, на юге смыкается с открывавшимся в него восемнадцатиколонным залом [17]) двор «квадратного дома» и постройки в Саксан-Охуре [18] находят себе то же объяснение, что и айханумский: как убедительно показал П. Бернар, такие дворы характерны для греко-эллинистической архитектуры и широко известны под названием «родосских» [19].

Правда, выделение южного айвана в Кара-тепе осуществляется иначе, чем в Старой Нисе, Ай-Хануме и Саксан-Охуре,— этот айван отличается от остальных сюжетной стенной живописью,— но принцип подчеркивания особой значимости одного (южного) айвана здесь сохранен, и мы вправе возводить его к освоенной в Бактрии еще в период греческого владычества эллинистической традиции. Следует, однако, указать на еще одну отличительную черту каратепинского двора — заглубление его центральной части более чем на полметра по отношению к окружавшим его айванам; эта

---

[15] См.: A. et J. Godard, J. Hackin, Les Antiquités Bouddhiques de Bâmiyân,— MDAFA, t. II, Paris, 1928; J. Hackin, Nouvelles Recherches Archéologiques a Bâmiyân,— MDAFA, t. III, Paris, 1933; Haibak and Kashmir-Smast, ed. by S. Mizuno, Kyoto, 1962; Hazar-sum and Fil-Khâna, ed. by S. Mizuno, Kyoto, 1967.

[16] Г. А. Пугаченкова, Искусство Туркменистана, М., 1967, стр. 35.

[17] См.: P. Bernard, Troisième campagne de fouilles à Aï Khanoum en Bactriane,— CRAIBL, 1968, стр. 264, сл.

[18] Б. А. Литвинский, Х. Мухитдинов, Античное городище Саксанохур (южный Таджикистан),— СА, 1969, № 2, стр. 163—164.

[19] P. Bernard, Aï Khanum on the Oxusi a Hellenistic City in Central Asia,— «Proceedings of the British Academy», vol. LIII, 1967, стр. 78—80.

особенность сохраняется в Средней Азии в течение тысячелетий, о чем свидетельствуют не только тронный зал во дворце бухарского эмира, но и многочисленные дворы в жилых домах современных таджиков и узбеков.

* * *

Работы 1969—1971 гг. привели к обнаружению сюжетных росписей, украшавших южный айван храмового двора комплекса Б. Дошедшие до нас и открытые в 1969—1971 гг. фрагменты этих росписей все еще находятся в стадии камеральной обработки. Более того, в юго-восточном углу двора (в восточной части его южного айвана) лежат упавшие вниз лицом еще не исследованные (мы предполагаем открыть и изучить их в 1972 г.) куски росписей. Таким образом, окончательные заключения о живописном убранстве южного айвана станут возможны лишь позднее. Однако некоторые предварительные выводы можно сделать уже сейчас. Так, мы можем уже судить о сюжете живописи южного айвана. В свете работ 1970—1971 гг. мы вправе предполагать, что в западной части айвана выше нижнего бордюра, т. е. начиная с высоты 20—25 *см* над полом, была изображена группа людей. Изображенные на синем фоне, в половину натуральной величины, мужчины и женщины стоят в ряд, слегка заслоняя друг друга (рис. 22). Художник или художники подчеркнули фронтальный характер изображений (все персонажи стоят, расставив ноги носками в разные стороны) и обратили внимание на тщательную передачу деталей одежды, от которых на дошедших до нас фрагментах сохранились лишь обувь и нижний край женских платьев.

Детали этих изображений, равно как и вся композиция в целом, находят себе и аналогии, и объяснение в художественных памятниках Кушанского царства.

Расставленные в разные стороны ноги в мягких, вероятно кожаных, сапожках обычны для изображений кушанских царей, князей и знатных донаторов. Сходная постановка ног и аналогичная обувь запечатлены на монетах кушанских царей, начиная с Вимы Кадфиза и кончая Васудевой[20], на знаменитой статуе Канишки из Матхуры[21], скульптурном изо-

[20] См., например, J. Rosenfield, The Dynastic Arts of the Kushans, Berkeley, 1967, табл. II, 19—27, 29—38; табл. III, 50—60; табл. IV, 61, 63, 65—66; табл. V, 84—91, 93—97, 99—102; табл. VI, 103—112, 113—123; табл. VII, 124—135, 143; табл. VIII, 155—156, 158—159, 163—164; табл. IX, 167—181, 185, 187; табл. X, 188—196, 199, 203, 205—208; табл. XI, 209—229; табл. XII, 230—246 (изображения божеств и царей). Ср. также изображение «македонского воина» на монетах Кудзулы, а также изображение божества огня (Фарро) на печати Харобалаго: Rosenfield, The Dynastic Arts, рис. 13 на стр. 97.

[21] J. Rosenfield, The Dynastic Arts, рис. 20. Следует отметить, что здесь, как и в росписях Кара-тепе, сбоку помещена пряжка, скрепляющая ремешки, которые перевязывали сапог.

бражении кушанского князя из Сурх-Котала[22], фигурах на пьедесталах буддийских статуй и каменных архитектурных деталях из Матхуры[23], на реликварии Канишки[24], на рельефах из Шоторака[25]. На рельефах из Матхуры и Шоторака персонажи в таких сапожках, как и на Кара-тепе, стоят в ряд. Обычно в отличие от каратепинских росписей они изображены стоящими в одну шеренгу, однако иногда[26] некоторые фигуры частично перекрывают другие персонажи.

Изображения длинных подолов одежды с волнистым нижним краем, из-под которого выступают ступни ног, также часты в искусстве Кушанского царства. Мы находим их на монетах[27] и печатях[28], в скульптурах Матхуры[29], Санчи[30], Шоторака[31] и Гандхары[32], обычно рядом или в паре с изображениями мужских божеств и знатных донаторов в кожаных сапожках. Это всегда женские изображения — богини или супруги знатных донаторов.

Исследователи, говоря об этих изображениях в памятниках Кушанского царства, указывают, что одежда мужских персонажей — кушанская (или индо-скифская), а женских — эллинистическая (или находящаяся под эллинистическим влиянием)[33]. По-видимому, происхождение интересующих нас мужских сапожек вернее будет считать степным — кочевническим, т. е. скифским в широком понимании этого слова, так как близкие сапожки, судя по парфянским рельефам, были характерны и для знати Парфии[34], которая была связана с миром среднеазиатских кочевников, но отнюдь не с индо-скифами и тем более кушанами. Женские же одежды эллинистического типа, засвидетельствованные в росписях Каратепе, равно как и в других памятниках Кушанского царства, действительно сходны с эллинскими, в том числе и греко-бактрийскими[35], и эллинистическими, изображенными в

[22] Там же, рис. 20.

[23] Там же, рис. 28—39.

[24] Там же, рис. 609.

[25] Там же, рис. 98, 98a, 104, 108, 109, 112; J. Auboyer, Afghanistan und seine Kunst, Prague, 1968, Abb. 46.

[26] Там же, рис. 33—34.

[27] См., например, J. Rosenfield, The Dynastic Arts, стр. 114, рис. 14; табл. II, 32, 36; табл. III, 46, 48, 49.

[28] Там же, стр. 84, рис. 10; стр. 97, рис. 13.

[29] Там же, рис. 28, 32, 35—37.

[30] Там же, рис. 34.

[31] Там же, рис. 98, 98a, 104.

[32] Там же, рис. 78; T. T. Rice, Ancient Arts of Central Asia, London, 1965, стр. 149, рис. 133.

[33] J. Auboyer, Afghanistan und seine Kunst, стр. 50—51; T. T. Rice, Ancient Arts, стр. 149.

[34] См., например, вотивные статуи из Хатры, на сапожках которых изображены даже перевязки и пряжки, близкие каратепинским и матхурским: D. Schlumberger, L'Orient hellénisé, рис. 21—22.

[35] Например, изображение Афины на монете греко-бактрийского царя Деметрия (J. Rosenfield, The Dynastic Arts, табл. XIX, 264).

скульптурах Пальмиры[36] и Хатры[37]. В то же время есть основания считать эти одежды характерными и для знатных кушанских женщин.

Рассмотренные нами аналогии каратепинским росписям в искусстве Кушанского царства, в первую очередь групповые изображения в буддийских скульптурах, позволяют объяснить эти росписи как сцену с буддийскими донаторами из среды кушанской знати. В целом композиция со стоящей на ровном («абстрактном») фоне, фронтально в ряд, группой людей, запечатленная на стене южного айвана храмового двора Кара-тепе, довольно обычна не только для искусства Кушанского царства, но и для искусства Ближнего и Среднего Востока той эпохи вообще.

Сходные композиции мы находим в рельефах Пальмиры и Хатры I — начала III в. н. э.[38], в скальном рельефе второй половины II в. н. э. в Танги-Сарваке[39], в стенных росписях середины III в. в Дура-Европосе[40]. Последние близки каратепинской росписи также тем, что фигуры в них располагаются не в одну аккуратную шеренгу, а в ряде случаев заходят одна за другую, создавая, в частности, сходную с каратепинской картину перекрещивающихся ног. В то же время в отличие от всех этих и большинства аналогичных индийских композиций в росписях каратепинского храма фронтальный характер фигур сочетается с профильной передачей головы, как об этом свидетельствует фрагмент с изображением головы донатора-старца (табл. V). Такое сочетание в искусстве кушанской Бактрии явление не случайное, ибо оно обычно для большинства изображений на кушанских монетах, в частности для передачи фигуры царя, стоящего в полный рост перед алтарем[41].

Насколько можно сейчас судить, голова старика-донатора (и вероятно, остальных персонажей росписей западной части айвана) была повернута в сторону Будды, изображение которого находилось возле входа в наземное святилище (скорее всего, над входом в святилище). Это изображение (табл. IV) — пока древнейшее в живописи Средней Азии, а возможно (наряду с росписями Бамиана)[42] и в стенной рос-

[36] См., например: D. Schlumberger, L'Orient hellénisé, рис. 62, на стр. 200.

[37] Там же, рис. 49 на стр. 136, табл. на стр. 140, илл. 20; J. Rosenfield, The Dynastic Arts, рис. 141 и 146.

[38] D. Schlumberger, L'Orient hellénisé, стр. 89, цвет. табл.; стр. 200, рис. 62; стр. 136, рис. 48.

[39] Там же, стр. 153, цвет. табл.

[40] Там же, стр. 109, цвет. табл.

[41] См., например: J. Rosenfield, The Dynastic Arts, рис. 2, на стр. 25.

[42] См., например: T. T. Rice, Ancient Arts, стр. 165, рис. 150; стр. 167, рис. 152. К сожалению, датировка росписей Бамиана все еще остается гипотетичной.

писи вообще. Тем более интересно, что в отличие от скульптурных и рельефных изображений Будды кушанского периода не только в индийских областях, но и на Кара-тепе (ср., например, рис. 21а), Будда в росписи южного айвана помимо ушниши, урны и удлиненных мочек ушей наделен не только нимбом, но и овальным ореолом вокруг туловища — мандорлой (рис. 24). Еще А. Грюнведель высказал предположение, что и нимб и особенно ореол в буддийской скульптуре, скорее всего, являлись прямой имитацией живописных изображений [43]. Каратепинская стенная роспись, относящаяся ко времени, близкому (если не совпадающему) с царствованием Канишки, когда на монетах этого царя впервые зафиксирован иконографический тип Будды с нимбом и овальным ореолом [44], подтверждает предположение А. Грюнведеля. Вместе с тем каратепинская находка заставляет поставить вопрос — не в кушанской ли Бактрии возник этот иконографический тип Будды, крайне редкий в искусстве Гандхары и довольно широко распространенный в более поздних буддийских памятниках, особенно в Центральной и Восточной Азии, на что также указывал уже А. Грюнведель (и вслед за ним А. Фуше) [45].

Работы 1970—1971 гг. подтвердили сделанные в 1969 г. заключения о трагическом последнем периоде использования пещерных храмов П-I и П-II в древности [46]. Осуществленный палеопатологом З. Б. Альтманом анализ костных останков людей, обнаруженных в святилище храма П-I и в южном обходном коридоре храма П-II [47], позволяет предполагать, что это остатки единовременного (или очень близкого по времени) захоронения людей разного пола и возраста, мужчин и женщин, стариков и детей, которые стали жертвами, скорее всего, какого-то эпидемического заболевания. Учитывая, что помимо этих сохранившихся останков, при раскопках Каратепе многократно отмечались находки человеческих костей, по-видимому остатков разрушенных захоронений, можно полагать, что в заброшенных к тому времени помещениях Каратепе были погребены многие десятки, а возможно, и сотни умерших. Память об этом сохранилась у местного населения в течение полутора тысячелетий, и именно ей Кара-тепе обязан, вероятно, своим странным названием: еще в 30-х годах нашего века, по словам Е. Г. Пчелиной, местные жители объясняли, что обозначение этого светло-желтого по внешнему виду холма как «Кара» следует понимать не как «черный»

[43] A. Grünwedel, Buddhistische Kunst in Indien, Berlin — Leipzig, 1920, стр. 83.

[44] См., например: J. Rosenfield, The Dynastic Arts, табл. V, рис. 88.

[45] A. Grünwedel, Buddhistische Kunst, стр. 83; A. Foucher, L'Art greco-bouddhique du Gandhâra, t. II, 1, Paris, 1918, стр. 370.

[46] См. выше, стр. 51—52.

[47] См. ниже, стр. 104—110.

по цвету, а как «страшный» или «зловещий» по связанным с ним воспоминаниям, так как здесь некогда «погибло мучительной смертью множество людей»[48].

Находки в полевой сезон 1970 г. в слое захоронений (в святилище пещерного храма П-I) вдобавок к найденным ранее 9 еще 17 медных монет, все определимые экземпляры которых (два из раскопок 1968—1969 гг. и восемь из раскопок 1970 г.)[49] оказались чеканом сасанидского кушаншаха Варахрана I, закрепляют сделанный ранее вывод о времени погребений — 80-х (по хронологии В. Г. Луконина) или 60-х (по хронологии А. Д. Х. Бивара) годах IV в. н. э.[50]. Если принять предположение об эпидемическом заболевании погребенных в пещерных храмах П-I и П-II людей, то датировка этих захоронений позволит определить время аналогичных групповых погребений в районе Термеза[51] и, вероятно, на более широкой территории.

Определение времени захоронений в пещерных храмах Кара-тепе представляет также возможность более определенно датировать надписи и рисунки, найденные на стенах южного обходного коридора храма П-II. Значительная часть этих надписей и рисунков, расположенных у входа в храм, была процарапана до того, как в храме были совершены захоронения, и, таким образом, может датироваться временем ранее 60—80-х годов IV в. Это заключение относится как к ряду надписей «кушанским письмом» и индийскими алфавитами, так и к отдельным рисункам, в том числе к погрудному изображению мужчины, сходному с портретами на хионито-эфталитских монетах и печатях[52]; сцене с хищным зверем, терзающим козла[53], и тамгообразному знаку (табл. XXVI).

---

[48] Кара-тепе, I, стр. 85.

[49] См. ниже: Е. В. Зеймаль и В. Г. Луконин, Монеты из раскопок Кара-тепе 1961—1971 гг., стр. 101—103.

[50] См выше, стр. 52.

[51] См.: Л. И. Альбаум, Т. Агзамходжаев, Позднекушанское погребальное сооружение под Термезом,—ОНУ, 1968, № 8, стр. 56—58; ср. рец. А. М. Мандельштама,— СА, 1970, № 4, стр. 258.

[52] Кара-тепе, II, стр. 22—23, рис. 5б.

[53] Кара-тепе, II, стр. 22, рис. 5г.

Е. В. Зеймаль,
В. Г. Луконин

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК КАРА-ТЕПЕ 1961—1971 гг.

(КРАТКАЯ СПРАВКА)

В ходе раскопочных работ Кара-тепе 1961—1971 гг. было найдено 39 монет. Все монеты медные, сильноокисленные. Точному определению пока поддаются 22 монеты [1].

№ п/п	Место находки	Шифр	Определение
1	К югу от комплекса А	1961, КТ, № 1	Судя по крупному размеру кружка, весу и толщине, Вима Кадфиз (Кадфиз II)[2]
2	Комплекс А, храм П-I, боковое помещение (кладовая), на первоначальном полу	1961, КТ, № 2	Л. ст. Сидящий (?) царь, обращенный лицом вправо Об. ст. Михр, обращенный лицом влево. Хувишка[3]
3	Внешний вал городища Старого Термеза, к северу от Кара-тепе	1964, КТ, № 2	То же
4	Комплекс А, храм П-I, боковое помещение (кладовая), на первоначальном полу (вместе с № 2)	1961, КТ, № 3	Л. ст. Фигура царя в рост. Об. ст. Шива на фоне быка Нанди — Васудева[4]
5	Там же, но в надпольном слое	1961, КТ, № 4	То же

[1] Из 17 не вошедших в приводимый ниже список монет одна, происходящая из отвала (комплекс Б, храм П-II, южный коридор), может быть отнесена к пока слабо изученным местным монетам IV—V вв., остальные 16, по размеру и весу сходные с монетами № 11—22, следует, по всей видимости, считать кушано-сасанидскими. Более полная публикация и исследование монет Кара-тепе готовится к печати. Определения кушанских монет сделаны Е. В. Зеймалем, кушано-сасанидских — В. Г. Лукониным

[2] Е. В. Зеймаль, Монеты Великих Кушан в Государственном Эрмитаже,— Труды ГЭ, т. IX, Л., 1967, стр. 63, рис. 4, 5.

[3] Ср.: Е. В. Зеймаль, там же, стр. 82—83.

[4] См. там же, стр. 83—86.

№ п/п	Место находки	Шифр	Определение
6	Комплекс А, двор, завал	1961, КТ, № 5	То же
7	Комплекс Б, храм П-II, южный обходной коридор, завал	1964, КТ, № 1	То же
8	Комплекс Б, храм П-II, южный обходной коридор, в слое захоронений, с костями скелета 2	1970, КТ,	Подражание чекану Васудевы (схематизация изображений монет 4—7)
9[5]	На участке к северо-западу от «северного двора», в свалке	1971, КТ, № 2	То же
10[6]	Комплекс Б, двор, в трещине каменной базы от столба, в стене северного айвана	1971, КТ, № 3	То же
11	Комплекс А, двор, южный айван, завал	1961, КТ, № 7	Судя по об. ст., сасанидо-кушанская (по А. Бивару, класс III)[7], но неопределима
12	Комплекс А, храм П-I, святилище, в слое захоронений	1968, КТ, № 1	Л. ст. По короне Вараxран I кушаншах, легенда испорчена (см. А. Бивар, класс III, № 30, 30а). Об. ст.—легенда неразличима, по сохранившимся остаткам стандартен для этой группы монет
13	Там же	1969, КТ, № 4	То же
14	Там же	1969, КТ, № 5	Л. ст. — то же, но не показаны ленты, отходящие от шара короны (точное совпадение с № 30 у А. Бивара). Об. ст. неопределима

[5] Предварительное определение.
[6] Предварительное определение.
[7] A. D. H. Bivar, The Kushano-Sassanian Coin Series,— «Journal of the Numismatic Society of India», XVIII, 1, 1956, стр. 13—42, табл. I—V; см. также: В. Г. Луконин, Кушано-сасанидские монеты,— ЭВ, XVIII. 1967, стр. 16—23; его же, Культура сасанидского Ирана в III—V вв. М., 1969, стр. 130 и сл.

№ п/п	Место находки	Шифр	Определение
15	Там же	1970, КТ, № 1	Л. ст. неразличима. Судя по об. ст., которая смещена влево, сасанидо-кушанская (класс III по А. Бивару)
16	Там же	1970, КТ, № 3	То же, что предыдущая, л. ст. также неразличима
17	Там же	1970, КТ, № 4	То же
18	Там же	1970, КТ, № 10	Л. ст. Корона неразличима, в поле слева остатки легенды MP... Об. ст.—обычная, возможно 6 тип (по классификации В. Г. Луконина)
19	Там же	1970, КТ, № 12	Л. ст. Корона Варахрана I кушаншаха, но в варианте, который ближе всего к скифатным монетам из клада в Тепе-Мараджан, серебряным монетам с легендой kdywrhr'n и надчеканом на об. ст. Kirada (или Kidara) (см.: А. Бивар, № 15, 40 и 43) Об. ст. — обычная для этого класса монет
20	Там же	1970, КТ, № 13	Судя по об. ст., сасанидо-кушанская
21	Там же	1970, КТ, № 16	То же
22	Комплекс Б, отвал (видимо, из слоя захоронений в южном обходном коридоре храма П-II)	1971, КТ, № 4	То же

З. Б. Альтман

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСТАНКОВ ЛЮДЕЙ В ПЕЩЕРАХ КАРА-ТЕПЕ

В конце полевого сезона 1969 г. в двух помещениях комплексов Кара-тепе были обнаружены останки людей. Взять черепа и кости для антропологического исследования не представилось возможным из-за плохой сохранности скелетов. В связи с этим обстоятельством возникла необходимость возможные антропологические и палеопатологические исследования провести на месте в очередном полевом сезоне 1970 г.

Изложение фактического материала начинается с находок в южном обходном коридоре пещерного храма комплекса Б, в порядке очередности раскопок 1970 г. (рис. 19).

Скелет I. Сохранность костей плохая. Скелет лежит на спине, головой к востоку, анатомический порядок выдержан.

Череп разрушен, исследовать его не представляется возможным. Относительно хорошо сохранились только некоторые зубы, в том числе большие коренные зубы верхней и нижней челюсти. Коронки зубов имеют выраженную стертость. На одном из больших коренных зубов определяется шеечный кариес с проникновением в пульповую камеру зуба.

Кости таза целиком не сохранились. На фрагментах безымянных костей удалось проследить седалищную вырезку. Она широкая, мелкая, имеет большой радиус искривления, что характерно для женского таза.

На большинстве сохранившихся суставных поверхностей в костях конечностей имеются признаки умеренно выраженных дегенеративно-дистрофических изменений, укладывающихся в картину физиологического строения. Только в правом лучезапястном и коленном суставах выраженность изменений позволяет говорить о патологическом старении. Головка правой локтевой кости резко деформирована краевыми костными разрастаниями. На суставной поверхности ее видна отчетливая сточенность, что могло быть только при полном разрушении суставного хряща задолго до смерти. Подобный

участок стертости суставной поверхности меньших размеров определяется на правом надколеннике.

Позвоночник искривлен, выпуклость искривления обращена в левую сторону. Высота тел нескольких последних грудных позвонков неравномерно снижена, особенно в передних отделах, на вогнутой стороне искривления. Наиболее резко деформированы 11-й и 12-й грудные позвонки (Th XI, Th XII). Высота тела Th XII спереди в два раза ниже, чем сзади, что никогда не наблюдается в норме. Верхняя часть тела Th как бы смята, а краниальная поверхность деформирована центральным хрящевым узлом больших размеров. Резко выражено окостенение передней продольной и желтых связок.

Грубая деформация позвоночника без торсии (скручивания) позвонков позволяет исключить сколиоз, обусловленный врожденной неполноценностью. Изменений, характеризующих воспалительный процесс, не выявлено. Опухолевая природа деформации исключается из-за давности процесса, о чем свидетельствует окостенение связок. По всей вероятности, в основе искривления позвоночника лежит тяжелая травма с компрессионным переломом одного-двух позвонков, которая имела место за много лет или десятков лет до смерти. Можно предполагать, что изменение осанки обусловило перегрузку правой нижней конечности, и женщина много лет была вынуждена при ходьбе пользоваться палкой, которую держала в правой руке. Тогда становится понятным патологическое старение правого лучезапястного и коленного суставов.

Возраст определяется по совокупности признаков. Отчетливая стертость коронок зубов, распространенное старение суставов — все это, безусловно, указывает на возраст старше 40—45 лет. Вместе с тем сам факт наличия коренных зубов, умеренная выраженность старения суставов (кроме правого лучезапястного и коленного) ограничивает возраст 55—60 годами.

Скелет II. Полный скелет ребенка очень плохой сохранности лежит на спине головой к западу.

Череп практически не сохранился. Обнаружено несколько до конца не сформировавшихся зубов.

Кости таза без признаков синостозирования. Дужки позвонков слились с телами. В одной концевой фаланге кисти имеются начальные признаки синостозирования основания. На нескольких фалангах видны псевдоэпифизы.

Все это позволяет сделать вывод, что к моменту смерти ребенку было не менее 6—7 и не более 10—11 лет.

Скелет III. Скелет полный, плохой сохранности, лежит на спине головой к востоку, анатомическая последовательность костей сохранена.

Череп для исследования не пригоден. Прорезывались или

только прорезались последние нижние большие коренные зубы $\frac{8}{8}$.

Кости сравнительно мелких размеров, тонкие. Крестец короткий, широкий. Седалищная вырезка безымянной кости характерна для женщины.

Заканчивается синостозирование краев позвонков, апофизов крыла подвздошной кости и седалищного бугра. Эпифизы и апофизы длинных трубчатых костей синостозированы полностью.

Таким образом, состояние зубов и дифференцировка скелета дает возможность определить возраст погребенной 18—20 лет.

Скелет IV. Скелет полный, плохой сохранности, лежит на спине ногами к востоку. Анатомическая последовательность сохранена, за исключением черепа, который лежит в области левого коленного сустава. Основание черепа без особенностей, вблизи черепа не обнаружено ни одного шейного позвонка. Эти данные позволяют считать, что череп переместился случайно при обвалах штукатурки потолка (следы ее обнаружены при расчистке) после того, как разрушились мягкие ткани трупа.

Череп фрагментирован. Форма глазниц приближается к прямоугольной, лоб покатый, хорошо выражены надбровные дуги. Черепные швы свободны, признаков синостозирования их не определяется. Полностью прорезались последние верхние большие коренные зубы $\frac{8}{8}$. Коронки зубов стерты незначительно.

Кости скелета крупные, полностью сформированы. Суставные поверхности без признаков старения. Только на уровне нескольких сегментов имеется обызвествление передней продольной связки — деформирующий спондилоз.

По размерам костей, черепу, седалищной вырезке погребен мужчина. Отсутствие признаков старения сосуставов, полная сохранность во всех отделах швов черепа позволяет определить его возраст: 30—35 лет.

Скелет V. Скелет полный, очень плохой сохранности, лежит на спине головой на запад. Кости больших размеров, полностью сформированы, признаков старения не определяется. Седалищная вырезка соответствует мужскому типу таза. Возраст погребенного 25—35 лет.

Под скелетами IV—V обнаружены отдельные кости, располагающиеся без определенной анатомической последовательности. Череп раздроблен на мельчайшие фрагменты. В окружности его встречаются отдельные зубы, по корням которых можно говорить о молодом, заканчивающем рост организме. Относительно удовлетворительно сохранилась нижняя челюсть. Полностью прорезались вторые моляры, третьи моляры находятся глубоко в ткани челюсти. Поверхность коронок зу-

бов не имеет признаков стертости. В корнях зубов широкие отверстия для входа сосудисто-нервного пучка. Угол нижней челюсти отклонен внутрь, что больше характерно для женщин. При тщательном изучении останков обнаружены фрагменты почти всех длинных трубчатых костей. Отдельные сохранившиеся суставные концы сформированы. Области апофизов, к сожалению, обнаружить не удалось.

Таким образом, погребена, вероятно, женщина 15—18 лет.

Другая группа захоронений обнаружена в центральном святилище пещерного храма комплекса А. Скелеты находятся в середине помещения. Сохранность костяков настолько плохая, что большинство костей рассыпалось в прах, едва до них дотрагивались. Многие кости только угадывались при расчистке по пустотам в слежавшейся земле и по цвету костной пыли. Естественно, что такая сохранность затрудняла, а иногда делала невозможным четкое определение пола и возраста.

Скелет I (рис. 18, № 6). Скелет практически полный, лежит головой к северу. Расположен на краю захоронения, возможно поэтому оказался единственным из всех, лежащим на правом боку.

Коронки зубов отчетливо стерты. Размеры костей большие. На позвонках и некоторых прослеживающихся суставных поверхностях признаков старения не определяется. Ориентировочно можно считать, что захоронен мужчина, которому было больше 30, но меньше 40—45 лет.

Скелет II (рис. 18, № 5). Обнаружены фрагменты черепа ребенка не старше 3—4 лет. Размеры костей малые, толщина их в области свода черепа не превышала 1,5—2 *мм*.

Скелет III (рис. 18, № 2). Скелет полный, лежит на спине головой к западу. Размеры костей большие. Сохранившиеся суставные поверхности гладкие, ровные. Все это свидетельствует о захоронении взрослого человека без признаков старения, вероятно мужчины.

Скелет IV (рис. 18, № 1). Скелет лежит на спине головой к северу. Анатомический порядок сохранен. Каудальные отделы, начиная от поясничных позвонков, повреждены при раскопках и отсутствуют. Нижняя челюсть массивная, коронки зубов отчетливо стерты. На определяющихся суставных поверхностях признаков старения не выявлено. Каких-либо четких опорных пунктов для определения пола получить не удалось. Можно только предполагать, что захоронен мужчина.

Скелет V (рис. 18, № 7). Скелет лежит на спине головой к западу, анатомическая последовательность сохранена. Несмотря на очень плохую сохранность, удалось определить, что апофизы в локтевом суставе и эпифизы в лучезапястном суставе не синостозированы. Не закончилось пол-

ностью формирование лимбов на телах позвонков. Все это указывает на то, что захоронен подросток в возрасте 12—15 лет.

Скелет VI (рис. 18, № 10). Полный скелет взрослого человека обнаружен под скелетом V. Лежит на спине головой к востоку, анатомическая последовательность сохранена. Седалищная вырезка безымянной кости характерна для женского таза. Зубы сильно стерты. Суставные поверхности без отчетливых признаков старения. На некоторых позвонках слабо выражено окостенение передней продольной связки — деформирующий спондилоз. Полученные данные позволяют возраст погребенной считать около 40 лет.

Скелет VII (рис. 18, № 11). Скелет лежит на спине головой к северу. Таз и нижние конечности отсутствуют, так как повреждены при раскопках предыдущего года. Пол определить не удается. Коронки зубов сильно стерты. Некоторые зубы выпали за многие годы до смерти. Об этом свидетельствует полное отсутствие зубных альвеол и атрофия края челюсти в области выпавших зубов. Такое состояние челюсти зубов позволяет предположить возраст погребенного человека старше 40 лет.

Скелет VIII (рис. 18, № 8). Сохранились кости только обеих нижних конечностей. По положению костей можно сказать, что скелет лежал на спине головой к югу. Кости полностью сформировавшиеся — человек взрослый. На сохранившихся отдельных участках суставных поверхностей признаков старения не обнаружено. Полученных данных недостаточно для определения пола и возраста.

Скелет IX (рис. 19, № 9). Полный скелет взрослого человека, лежит на спине головой к северо-западу под скелетами III, IV, V, VIII. Удалось проследить глубокую и узкую седалищную вырезку безымянной кости, что позволяет определить мужской пол погребенного. Кости черепа массивные, зубы отчетливо стертые. На позвонках и сохранившихся участках суставных поверхностей признаков старения не установлено.

Скелет X. Под скелетами III, IV обнаружен еще один скелет, лежащий на спине головой к северо-западу. Таз и нижние конечности отсутствуют, так как разрушены при раскопках. Пол погребенного определить не удается. Правая ключица несколько укорочена и деформирована вследствие старого сросшегося перелома. На позвоночнике резко выражено окостенение передней продольной связки, приведшее к блоку нескольких позвонков,— деформирующий спондилоз. Коронки зубов сильно стерты. Указанные данные позволяют возраст погребенного человека определить старше 60 лет.

После снятия описанных костяков при расчистке раскопа удавалось проследить еще отдельные кости, по всей вероят-

ности, разных людей. Сохранность их была, как правило, настолько плохой, что какие-либо определения были невозможны, за исключением одного, о котором будет небезынтересно упомянуть. Был обнаружен предмет, сделанный из железа, который оказался браслетом, надетым в области правого лучезапястного сустава. Малые размеры костей свидетельствуют о женской руке. Встречались также другие железные и бронзовые изделия, являющиеся элементами одежды и украшениями. Кроме того, обнаружено около двух десятков бронзовых монет. Монеты находились в разных участках раскопа и только в одном месте несколько монет лежало рядом.

Таким образом, изучение останков людей, обнаруженных при раскопках Кара-тепе, показали, что захоронения были групповыми. Захоронены вместе люди разного пола и возраста, начиная от раннего детского и кончая глубокими стариками. Нет никаких признаков боевой травмы и насильственной смерти от губящего оружия и стрел. Отмеченные у двух людей деформации костей, обусловленные переломами, являются частыми вариантами бытовой травмы.

Обращают на себя внимание следующие моменты:

1) все скелеты лежат на спине (кроме одного, что могло произойти случайно);

2) скелеты лежат в несколько рядов, один непосредственно над другим, без прослойки земли;

3) сохранен анатомический порядок костей.

Это значит, во-первых, что в помещения храма вносились и аккуратно укладывались уже трупы. Хочется подчеркнуть, что именно укладывались, а не бросались. Во-вторых, погребение происходило либо одновременно, либо с коротким интервалом.

На наш взгляд, наиболее подходящая ситуация могла возникнуть во время вспышки какого-либо инфекционного заболевания, т. е. в период эпидемии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список определения пола и возраста скелетов, найденных в комплексах Кара-тепе в 1969—1970 гг.

Комплекс Б. Южный обходной коридор храма П-II

Скелет I	женщина	45 — 60 лет
Скелет II	ребенок	6 — 11 лет
Скелет III	женщина	18 — 20 лет
Скелет IV	мужчина	30 — 35 лет
Скелет V	мужчина	25 — 35 лет
Скелет VI	женщина	15 — 18 лет

Комплекс А. Святилище храма П-I

Скелет I	мужчина	30 — 45 лет
Скелет II	ребенок	до 3 — 4 лет
Скелет III	мужчина	взрослый
Скелет IV	мужчина (?)	взрослый
Скелет V	подросток	12 — 15 лет
Скелет VI	женщина	около 40 лет
Скелет VII	?	старше 40 лет
Скелет VIII	?	взрослый
Скелет IX	мужчина	взрослый
Скелет X	?	старше 60 лет

Т. И. Берлин,
З. М. Желнинская

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КРАСОК ИЗ КАРА-ТЕПЕ [1]

1) *Раскраска каменных рельефов*

Исследование красок, снятых с фрагментов каменных (из мергелистого известняка) рельефов Кара-тепе, было осуществлено во Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей Министерства культуры СССР (ВЦНИЛКР) в начале 1969 г. Исследовались находки 1968 г. из скопления кусков битого мергелистого известняка в центральной части двора комплекса Б.

Спектральный анализ выполнен на спектрографе средней дисперсии ИСП-28. Растертые в порошок пробы сжигались в дуговом режиме в кратере угольного электрода при силе тока в 6—7 *а*. Съемка спектрограмм производилась на фотографических пластинках типа II, чувствительностью в 90 ед. по ГОСТу [2]. Химический анализ проводился по методике, разработанной во ВЦНИЛКР [3].

Спектральный анализ красной краски показал, что ее основной элемент — ртуть (Hg). Краска содержала также титан (Ti), магний (Mg), железо (Fe), олово (Su), кадмий (Cd), медь (Cu), марганец (Mn), свинец (Pb), алюминий (Al). Другие элементы, такие, как натрий (Na), кальций (Ca), калий (K) и т. п., могли быть как в составе краски, так и попасть в нее из основы (камня), на которую она была нанесена.

В результате исследования состава краски она была определена как ртутная киноварь (HgS) [4]. Химический анализ краски, проведенный вне зависимости от спектрального, позволил также определить ее как ртутную киноварь.

---

[1] Спектральный анализ осуществлен Т. И. Берлин, химический — З. М. Желнинской.

[2] Об этой методике см.: Т. И. Берлин, Применение спектрального анализа для исследования пигментов и красок живописи,— Сообщ. ВЦНИЛКР, № 24—25, М., 1969, стр. 65—77.

[3] См.: З. М. Желнинская, Химический качественный анализ минеральных пигментов, используемых в масляной, темперной и фресковой живописи (методика),— Сообщ. ВЦНИЛКР, № 17—18, М., 1966, стр. 37—71.

[4] Сера (S) при данной методике спектрального анализа не выявляется.

Спектральный анализ синей краски показал, что она содержит в качестве основного элемента медь (Cu), а в виде примесей титан (Ti), кадмий (Cd), свинец (Pb), магний (Mg), железо (Fe), кремний (Si). Такой состав указывает, казалось бы, на азуритовую синюю краску $2CuCO_3Cu(OA)_2$. Химический же анализ этой краски позволил определить ее как лазуритовую; при этом обнаружилось также наличие меди. Впредь до дальнейших исследований эту краску следует, таким образом, рассматривать либо как смесь азуритовой синей с лазуритом, либо как изготовленную из специфической разновидности лазурита, содержащего медь.

Зеленая краска, по данным спектрального анализа, представляет собой соединение меди (Cu) с примесями титана (Ti), алюминия (Al), свинца (Pb), магния (Mg), кремния (Si), железа (Fe) и кальция (Ca). Скорее всего, это — хризоколла ($CuSiO_3 \cdot nH_2O$).

В составе золотого покрытия, как показал спектральный анализ, основным компонентом было золото (Au) с примесями ниобия (Nb), железа (Fe), магния (Mg) и следами свинца (Pb).

Таким образом, для раскраски каменных рельефов Карателе использовались ртутная киноварь, азуритовая синяя и лазурит (или разновидность лазурита, содержащего медь), хризоколла и золото.

Химическое исследование не выявило никаких следов связующего, в силу чего остается предполагать, что раскраска наносилась на мергелистый известняк без связующего, скорее всего путем втирания краски.

2) *Краски стенной живописи*

В начале 1971 г. во ВЦНИЛКР был проведен химический анализ образцов стенных росписей (из раскопок 1970 г.) с красной и синей красками. Всего было отобрано шесть образцов: два — с красной и четыре — с синей краской. Красный пигмент оказался охрой, синий — лазуритом. Связующим всех образцов был, вероятно, белок, т. е. какой-либо белковый клей; углеводов ни в одном из образцов обнаружено не было[5].

Результаты спектрального и химического исследования красок Кара-тепе было бы интересно сравнить с данными о составе красок других археологических памятников Средней Азии. К сожалению, такие данные опубликованы пока лишь для трех памятников — Пенджикента, согдийского города бо-

[5] З. М. Желнинская, Приспособление тонкослойной хроматографии для анализа белковых и углеводсодержащих связующих, используемых в живописи,— «Сообщения ВЦНИЛКР, № 26, М., 1970, стр. 1—22.

лее позднего периода (VII—VIII вв.) [6]; Халчаяна, постройки кушанского времени в северной (правобережной) Бактрии [7] и Мансур-депе, парфянского святилища, примерно II—I вв. до н. э. [8]. Этих данных, конечно, еще слишком мало для каких-либо заключений. Однако нельзя не отметить, что выявленная на Кара-тепе киноварь использовалась в скульптуре и росписях Халчаяна и отсутствовала в живописи Мансур-депе и Пенджикента. Характерно, видимо, что киноварь на Кара-тепе применялась только для раскраски каменных рельефов, в то время как в стенных росписях использовалась не киноварь, а охра.

---

[6] П. И. Костров, Техника живописи и консервация росписей древнего Пянджикента,— «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 162—163.

[7] Г. А. Пугаченкова, Халчаян. К проблеме художественной культуры северной Бактрии, Ташкент, 1966, стр. 145 и 154.

[8] Т. И. Берлин, Л. А. Лелеков, Ю. А. Рузавин, Особенности стенописей Мансур-депе,— «Каракумские древности», вып. II, Ашхабад, 1968, стр. 48—49.

Т. В. Грек

НОВЫЕ ИНДИЙСКИЕ НАДПИСИ ИЗ РАСКОПОК КАРА-ТЕПЕ

1) Надписи на керамике

В 1965—1967 гг. при продолжении работ на Кара-тепе были найдены еще несколько фрагментов глиняных сосудов с надписями кхарошти и брахми. Некоторые из них перекликаются по содержанию с надписями из находок предыдущих лет, другие принадлежат даже тем же сосудам.

Надписи кхарошти

Три вновь найденных фрагмента керамических сосудов $\frac{\text{КТ-65}}{\text{кор-5}}$, $\frac{\text{КТ-65}}{\text{кор-6}}$, $\frac{\text{КТ-66}}{\text{Б-3}}$ безусловно являются частями того же сосуда, черепок которого, имеющий шифр $\frac{\text{КТ-61}}{\text{Щ-3н}}$, был опубликован в первом сборнике материалов археологической экспедициии на Кара-тепе[1].

Таким образом уже четыре фрагмента от одного сосуда позволяют судить о содержании надписей кхарошти на керамике из Кара-тепе. Хотя это и самая большая из сохранившихся надписей кхарошти на керамике, тем не менее и она не представляет формулы надписи целиком.

Вновь найденные части надписи (табл. XX) позволяют несколько уточнить текст на первом черепке (находка 1961 г.), где содержалось слово *ayam*, а далее шла акшара, которую можно было толковать и как *ku*, и как *ри*[2]. Теперь совершенно ясно, что эта акшара может представлять лишь *ри*, так как далее, уже на вновь найденных частях, зафиксирована совершенно определенно иная форма акшары «ka». Следует отметить, что резкое различие формы одной и той же акшары в одной и той же надписи не встречается.

На четырех упомянутых фрагментах сохранилось следующее: *ayam ри...piṇḍika buddhaśi...ka mahadharma kathi...* Как видно, надпись состояла из указательного местоимения *ayam*

[1] Кара-тепе, I, стр. 62, рис. 42а.
[2] Кара-тепе, I, стр. 64.

(«этот») и названия сосуда, начинающегося со слога *pu*. Здесь возможны варианты, например: *put*—«сосуд, кувшин» или, если предположить, что подписной знак под акшарой «*pa*» обозначает не *u*, а *a*, то название сосуда могло быть *patra*. Далее, по-видимому, шло прозвище и имя донатора; от него сохранилась лишь последняя часть *piṇḍika*, что может означать «дающий подаяние» (в виде пищи). Это слово встречается в качестве составного элемента среди имен буддийского круга. Так, например, оно является частью имени-прозвища *Anathapiṇḍika*, принадлежащего купцу, личное имя которого было Судатта[3]. Сохранившиеся на каратепинских черепках перед *piṇḍika* остатки акшар могут быть восстановлены как *anatha*. Это позволяет предположить, что именно прозвище или имя Анатхапиндика упомянуто и в этой каратепинской надписи. Интересно, что на рельефе ступы в Бхархуте Анатхапиндика изображен совершающим ритуальное возлияние, с сосудом в руках, в знак принесения в дар монастырю сада[4].

Далее следует *buddhaśi*, что, возможно, является частью имени Буддашира. Это имя часто встречается в индийских эпиграфических памятниках. Затем опять отсутствует часть сосуда около 4 *см*, после чего видны остатки двух акшар и четко написанное «*ka*», к которому примыкает *mahadharma kathi*, где вероятнее всего предполагать окончание *kasya*.

Термин *dharmakathika* встречается и в индийской эпиграфике, и в канонической литературе. Правда, эпиграфические памятники дают в некоторых случаях несколько иную форму, но смысл термина, по-видимому, остается тем же — «проповедующий (или говорящий) дхарму». В эпиграфических текстах этот термин обычно выступает в сочетании с именем, причем падежное окончание определяет и собственное имя[5].

То, что термин *dharmakathika* является обозначением одной из должностей в буддийской общине, вытекает из данных буддийской канонической литературы. Так, в *Махавагге* упоминается эпизод, в котором участвуют «дхаммакатхики», рассуждающие о дхамме (дхарме)[6]. Термин состоит из двух частей: *dharma*, что означает «закон» или «учение», и *kathika* — «говорящий», «обсуждающий». Следует отметить, что *kathā* употребляется в значении «дискуссия», «дебаты»[7]. Такие *kathā* или рассуждения об учении — дхарме играли большую роль в системе буддийского обучения.

---

[3] Vinaya-pitaka, II, 154—159. *Anathapiṇḍika* означает «дающий подаяние обездоленным».

[4] A. Cunningham, The Stupa at Bharhut, стр. 84—87, 135; табл. XXVIII.

[5] См., например, CII, табл. LXXIII.

[6] Vinaya-pitaka, IV, 15, 4.

[7] Ср., например, Kattha-vatthu.

В надписи на сосуде из Кара-тепе упоминается не просто *dharma*, а *mahadharma* — великая дхарма. Не может ли это определение дхармы указывать на то, что в Кара-тепе была распространена махаяна? *Mahadharmakathika* упоминается в надписях на ступе в Амаравати, а ведь именно здесь начинал свою проповедническую деятельность Нагарджуна.

Возвращаясь к надписи на фрагментах сосуда из Кара-тепе, следует упомянуть, что Анатхапиндика был, по-видимому, большим знатоком дхармы[8], что подкрепляет возможность использования этого прозвища в составе имени монаха Буддаширы, проповедующего дхарму.

Приблизительный перевод всей сохранившейся части надписи следующий: «Этот сосуд (дар) Буддаширы Анатхапиндики, проповедующего дхарму».

Фрагмент $\frac{\text{КТ-65}}{\text{Iк-3}}$ (табл. XXI, а) дает шесть акшар. Три первые плохо видны (как будто бы прослеживается *thaya*), затем четкое *bhavatu* — форма, часто встречающаяся в вотивных надписях.

В течение сезонов 1965—1966 гг. было найдено еще три фрагмента со следами кхарошти $\frac{\text{КТ-65}}{\text{Iк-2}}$, $\frac{\text{КТ-65}}{\text{Iк-4}}$, $\frac{\text{КТ-66}}{\text{Б-2}}$, где соответственно прослеживаются следующие акшары: *vatuga*, *buddhas* и *bani* (табл. XXI, б, в, г).

Одной из отличительных особенностей надписей кхарошти из Кара-тепе является отсутствие единообразия в написании одних и тех же акшар на разных сосудах. В данном случае различия в написании определяются индивидуальными особенностями почерка писавших, а также тем, что можно предполагать довольно длительное существование обычая нанесения таких надписей на керамические сосуды в Кара-тепе.

Надписи брахми

В 1965—1966 гг. были найдены такие четыре фрагмента с надписями брахми (не считая билингвы)[9].

Один из них $\frac{\text{КТ-65}}{\text{кор-7}}$ (табл. XXI, д) совпадает по излому с фрагментом, найденным в 1961 г., где сохранилось слово *ayam*[10]. Оба фрагмента вместе содержат следующее: *tika-kuṇḍik buddha* — «это сосуд для питья Будда[ширы?]».

Судя по характеру глиняной массы, ангоба, обработки

---

[8] Mahavagga, 1, 36, 12; 25, 20; V. S. Agravala, Indian Art, Varanasi, 1965, стр. 285.

[9] О билингве см. ниже, стр. 118—121.

[10] Кара-тепе, I, стр. 78—79 и рис. 46г (полевой номер $\frac{\text{КТ-61}}{\text{III-2н}}$).

внутренней поверхности и особенно почерка, можно предположить, что этому же сосуду принадлежит еще один фрагмент, найденный в 1965 г. (табл. XXII); на нем читается *mahadharmakathikasya*.

Надпись на этом сосуде, по-видимому, очень похожа на рассмотренную выше надпись кхарошти на четырех черепках.

2) *Надписи граффити*

На стенах пещерных помещений комплекса Б на Кара-тепе имеется ряд процарапанных надписей; среди них некоторые выполнены алфавитами брахми и кхарошти.

На южной стене южного пещерного обходного коридора слева от входа помещается надпись брахми длиной 20 *см* с высотой акшар около 3 *см*. Она гласит: *maheśvara dharmasya* (табл. XXIV). Надпись сделана небрежно, но все же форма акшар, особенно *ma*, *va* и *sa*, позволяет отнести ее к IV—V вв. н. э.

Внимание привлекает необычное по отношению к слову *dharma* определение *maheśvara*, являющееся одним из имен Шивы.

Слово *dharma* с тем же падежным окончанием *sya*, что и в предыдущем случае, процарапано неподалеку на этой же стене. Характер почерка тот же (табл. XXV).

Две из надписей граффити написаны шрифтом кхарошти. Одна, очень краткая,— *cedi* помещена около рисунка профиля человека, на северной стене этого же коридора.

К сожалению, лишь остатки нескольких акшар сохранились от длинной надписи на этой же (северной) стене южного коридора. Среди них можно предположить наличие *maha*, несколько раз встречается *di*.

Т. В. Грек,
В. А. Лившиц

ДВУЯЗЫЧНАЯ НАДПИСЬ ИЗ КАРА-ТЕПЕ[1]

Во время раскопок в 1965 г. первой (верхней) камеры пещерной монашеской кельи комплекса Б на Кара-тепе были найдены пятнадцать фрагментов тулова тонкостенного глиняного сосуда с надписью, нанесенной на поверхность сосуда черной тушью. Надпись оказалась двуязычной: на санскрите (письмом брахми) и на бактрийском языке (письмом греческого происхождения).

Санскритская надпись составилась из пяти обломков (табл. XXIIIa)[2], бактрийская — также из пяти (табл. XXIIIб)[3]. Обе части собираются вместе, образуя первый на Кара-тепе практически полный двуязычный текст[4].

В индийской надписи десять акшар: *Bu-ddha-śi-ra-ddha-rma-ka-thi-ka-s*[*ya*]. Палеографические особенности надписи позволяют датировать ее III—IV вв. н. э. Особенно характерны начертания акшар *bu* и *ka*. Бактрийская надпись, унциальным письмом, следует за индийской. Она состояла из 13 букв: ΒΟΔΔΟ ΖΒ[·]Ο ΧΟΒ(Ι). Почерк в этой бактрийской надписи более мелкий, чем в обломке билингвы 1964 г., но столь же четкий, слова отделены друг от друга значительными промежутками. Конечное *sya* в индийской надписи и конечная «йота» в бактрийской восстанавливаются достаточно уверенно; в последнем случае на черепке хорошо прослеживаются очертания всей буквы, спускающейся вниз и загибающейся вправо. Выломанная во втором слове бактрийской надписи буква была, безусловно, знаком для гласного. Наиболее вероятно восстановление ΖΒ[Ι]Ο, оно диктуется следующими со-

[1] Разбор санскритской надписи выполнен Т. В. Грек, бактрийской надписи — В. А. Лившицем.

[2] Полевой номер этой части тулова сосуда $\frac{\text{КТ-65}}{\text{Ік-1}}$ (Инв. № Отдела Востока Эрмитажа А-17606).

[3] Полевой номер $\frac{\text{КТ-65}}{\text{Ік-2}}$; Инв. № А-1760а.

[4] Ранее, в 1964 г., на Кара-тепе был найден черепок с остатками подобной же билингвы, но на нем сохранились лишь окончание индийской и начало бактрийской надписей. См. Кара-тепе, II, стр. 25—26, 37—38, 50, 76, рис. 9б.

ображениями: A и H в бактрийском унциальном письме соединяются со следующей буквой, а в надписи в восстанавливаемом слове следов соединения с O не видно; для Ω потребовалось бы больше места; E в бактрийской письменности встречается только в ранних памятниках, начертанных «монументальным» письмом.

Санскритская часть надписи содержит имя и звание донатора[5]: «(Дар) Буддаширы, проповедника дхармы». Слово «дар» (*daṇam* или *diṇam*, *dinnaṃ*) опущено, что нередко наблюдается и в сходных по типу надписях из северо-западной Индии. Окончание *-sya* относится ко всему сочетанию, как это обычно в надписях такого характера[6]. Имя *Buddhaśira* известно в индийской ономастике, оно зафиксировано, например, в документах на кхароштхи из Нийи[7]. Термин *dharmakathika*, букв. «рассказывающий дхарму», хорошо известен в индийской эпиграфике. По мнению В. Агравалы, этим термином обозначался один из чинов буддийской иерархии (занимавший место рядом с *ācārya* — «учителями» и т. п.)[8]; *-kathika* является производным от деноминативного глагола *kathấyati* «он рассказывает» (ср. также *kátthate* «он восхваляет, молит»).

Бактрийская надпись является переводом индийской. BOΔΔO выступает как эквивалент имени *Buddhaśira*, что несколько неожиданно; в надписях на кушанских монетах, где до сих пор были засвидетельствованы варианты BOΔΔO, BOϒΔO, эти написания передают инд. *Buddha* (ср. на монетах Канишки: BOΔΔO=*Buddha*; CAKAMANO BOϒΔO=*Śākyamuni Buddha*)[9].

ZB[I]O XOBI должно соответствовать *dharmakathikasya*. Конечное -I — показатель косвенного падежа единственного числа, установленный В. Хеннингом по данным монетных легенд и большой сурхкотальской надписи и ныне подтвержденный соответствием санскритской флексии Gen. Sg. Прямой падеж к XOBI должен был иметь графическую форму *XOBO, отражающую произношение **xob* или **xūb*. Это слово следует объяснять как бактрийское соответствие древнеиранскому **huwapah-* «хорошее дело, благое деяние», «благодетельный, благотворительный», ср. авест. *hvapah-*, скр. *svápas-* (трех-

[5] Такие же надписи шрифтами кхароштхи и брахми см. выше, стр. 114—117.

[6] См., например, надпись из Матхуры: H. Lüders, Mathurā Inscriptions,— «Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen», philologisch-historische Klasse, Dritte Folge, № 47, 1961, стр. 72.

[7] См.: CII, № 491, 601, 605, 655, а также 609, где дана другая форма — Buddhaśra.

[8] См.: V. S. Agravala, Indian Art, Varanasi, 1965, стр. 285. Ср. выше, стр. 115.

[9] A. Maricq, Inscriptions de Surkh-Kotal,— JA, 1958, t. CCXLVI, стр. 426.

сложник в Риг-Веде). Древнеиранское **huwa-* в бактрийском дало *xo-* или *xū-*, ср. согд. *γwp*, *xwp*, среднеперс. *xᵛap*, *xūb*, новоперс. *xūb*[10].

Примечательно употребление ХОВО в качестве эквивалента для санскр. *dharma*. По-видимому, бактрийское ХОВО, подобно авест. *hvapah-*, сохраняло значение «доброе деяние», а семантическое его развитие было до некоторой степени аналогичным эволюции значений санскр. *dharma-*: для бактр. ХОВО следует предположить в качестве производных значения «норма, обычай, закон, религиозный закон, вероучение», подобно тому как санскр. *dharma-* не только «благое деяние», но также «норма, обычай, право, закон, вероучение». В персидском и в согдийском, в отличие от бактрийского, древнеиранское **huwapah-* сохранилось лишь как прилагательное «хороший, красивый, искусный»[11]; санскр. *dharma* в согдийско-буддийских памятниках либо транслитерируется (δrm), либо передается словом *nwm*, из греч. νόμος (из согдийского *nom* «вероучение, религиозный закон, дхарма» было заимствовано в древнетюркский).

ZB[I]O, соответствующее санскр. *-kathika*, возводится к глаголу ZBI- «звать, призывать, проповедовать», ср. авест. *zav-*, *zbay-*, санскр. *hávate* «звать, призывать», древнеперс. *patizbay-* «провозглашать, устанавливать» (заимствование из мидийского), среднеперс. *azbāy-* «призывать», русск. «звать», и т. д. Я. Харматта находит производные от бактрийского глагола, соответствующего авест. *zav-*, *zbay-*, в каратепинской надписи граффити Б-1, строка 5: ZOΓΔO из авест. *zūtay-*[12], однако чтение ZOΓΔO кажется нам весьма сомнительным — в строке 5 этой надписи сохранились лишь следы трех букв, разделенные лакуной.

По форме ZB[I]O можно было бы объяснить как причастие, продолжающее древнеиранские причастия типа авест. daδa- «дающий, создающий», srāvaya- «заставляющий слушать»[13]. Однако более вероятно рассматривать **ZB[I]OXOBO* как продолжение древнеиранского **zbayat-huwapah-* «тот, кто пропо-

---

[10] J. Gershevitch, GMS, § 223. О новоперс. *xōb* (вместо обычного *xūb*) в стихе Рудаки, приведенном в «Лугат-и фурс» Асади Туси, см.: P. Horn, Neupersische Schriftsprache, Grundriss der iranischen Philologie, Bd I, Abt. 2, Strassburg, 1895—1901, стр. 36; о парфянском **xuwab* из авест. *hvapah-* см.: W. B. Henning, The Sogdian text of Paris,— BSOAS, XI, pt 4 (1946), стр. 723.

[11] В персидском *xūb* также «крепкий»,— Шах-наме, изд. Моля, стр. 1126; «Бурхāн-и Қāтиʿ», изд. М. Моʿина, II, стр. 784. Ср. согд.-манихейск. *mndxwpyy* «нехороший, неправильный» (W. B. Henning, Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch,— APAW, 1936, № 10, b 11, 28; 661) согд. будд. *γwp't* «приятный»? (VJ, 884, ср. GMS § 1072, 1551).

[12] См. Кара-тепе, II, стр. 89 и ср. стр. 77.

[13] H. Reichelt, Awestisches Elementarbuch, Heidelberg, 1909. стр. 160, § 313, 4.

ведует благое дело»; в бактрийском религиозном словаре такое слово могло существовать еще задолго до распространения буддизма. Как и в санскритской версии билингвы, конечное -I в ZB[I]OXOBI оформляет все сочетание BOΔΔO ZB[I]OXOBI «(Дар) Будда(ширы), проповедника дхармы», т. е. выступает как показатель групповой флексии (это явление засвидетельствовано и в большой сурхкотальской надписи, оно отмечено также в согдийском, осетинском и многих других иранских языках).

Хельмут Хумбах

КАРА-ТЕПЕ — ТОЧИ — СУРХ-КОТАЛ

Иранисты и индологи весьма обязаны советскому ученому Б. Я. Ставискому (Москва) за незамедлительную публикацию эпиграфических открытий, сделанных советскими археологами во время раскопок буддийского монастыря Кара-тепе на городище Старого Термеза в южном Узбекистане, на берегу Амударьи. Этот материал был опубликован в двух выпусках, которые образуют часть серии «Материалы совместной археологической экспедиции на Кара-тепе»:

Кара-тепе, [I]. Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе, Москва, 1964.

Кара-тепе, [II]. Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе, Москва, 1969.

На рисунках 41—48 в I вып. «Кара-тепе» воспроизведены надписи на фрагментах глиняных сосудов, найденных в 1961—1962 гг. Одна из них (рис. 41) выполнена бактрийским письмом (объяснения Б. Я. Ставиского см. на стр. 53). Другие (рис. 42—48), алфавитами кхароштхи и брахми, рассматриваются Т. В. Грек на страницах 62—71 и Я. Харматтой в Кара-тепе, II, стр. 32—39.

В Кара-тепе, II опубликованы репродукции среднеперсидских и бактрийских надписей (СП и Б; в настоящей статье они обозначаются как КТП и КТБ соответственно). Небольшой среднеперсидский материал разобран В. Г. Лукониным на стр. 40—46, в то время как бактрийские тексты обработаны в двух самостоятельных исследованиях В. А. Лившицем (стр. 47—81) и венгерским ученым Я. Харматтой (стр. 82—125)[1]. Поскольку в этих двух работах нет единого обозначения надписей, нам кажется возможным предложить следующий конкорданс:

1. Фрагменты бактрийских надписей на глиняных сосудах из Кара-тепе.

   Рис. 9а: Лившиц, стр. 75—76; Харматта, стр. 38—39 (первая публикация — Кара-тепе, I, рис. 41);

---

[1] Имеются в виду статьи: В. Г. Луконин, Среднеперсидские надписи из Кара-тепе; В. А. Лившиц, К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе; J. Harmatta, The Bactrian Wall-Inscriptions from Kara Tepe.— *Прим. ред.*

рис. 9б: Лившиц, стр. 76.

2. Среднеперсидские надписи (граффити) из Кара-тепе.
   Рис. 10, правый верхний угол = рис. 12: КТП 1 — Луконин, стр. 40 и сл.; Лившиц, стр. 80;
   Рис. 20: КТП 2 — Луконин, стр. 40 и сл.
3. Бактрийские надписи (граффити) из Кара-тепе.
   Рис. 10, левая часть = рис. 11: КТБ 11 — Лившиц, стр. 80 и сл.; Харматта, стр. 113 и сл. (№ 58—78);
   рис. 13—14: КТБ 7 — Лившиц, стр. 81; Харматта, стр. 99 и сл. (№ 25—28);
   рис. 15: КТБ 8 — Лившиц, стр. 79; Харматта, стр. 102 и сл. (№ 29—34);
   рис. 16: КТБ 5+9 — Лившиц, стр. 80; Харматта, стр. 93 и сл. (№ 14—22);
   рис. 17: КТБ 4 — Лившиц, стр. 79; Харматта, стр. 92 (№ 13);
   рис. 18а: КТБ 3 — Лившиц, стр. 79; Харматта, стр. 91 (№ 12);
   рис. 18б: КТБ 6 — Лившиц, стр. 79; Харматта, стр. 97 и сл. (№ 23—24);
   рис. 18в: КТБ 2 — Лившиц, стр. 79; Харматта, стр. 90 и сл. (№ 9—11);
   рис. 19а: КТБ 1 — Лившиц, стр. 77 и сл.; Харматта, стр. 83 и сл. (№ 1—8), стр. 120 (№ 79);
   рис. 19б: КТБ 10 — Лившиц, стр. 80; Харматта, стр. 104 и сл. (№ 35—57).
4. Черепок с бактрийской надписью из Занг-тепе близ Термеза.
   Рис, 45: Лившиц, стр. 73 (примечание: на том же месте обнаружены фрагментированные санскритские рукописи, см. Лившиц, стр. 73, прим. 153).

Во вступительных замечаниях к своей статье (стр. 71 и сл.) В. А. Лившиц выдвигает ряд ценных предложений по дешифровке бактрийских материалов, известных ранее и обсуждавшихся в HuBS[2], особенно эфталитских фрагментов (MB).

Интересными грамматическими формами являются ναπιρινδο (MB, 6, 2) «они не ушли» и αβληρηιο (MB, 6, 4) «пусть он дер-

---

[2] В статье употребляются следующие сокращения: HuBS — H. Humbach, Baktrische Sprachdenkmäler, Bd I—II, Wiesbaden, 1966—1967; HuKI — Die Kaniška-Inschrift von Surkh Kotal, Wiesbaden, 1960; ITABa, ITABb — арабо-бактрийская надпись из Точи (a — арабский текст, b — бактрийский); ITSBb, ITSBs — санскрито-бактрийский текст из Точи (b — бактрийский текст, s — санскритский); KIa, b, m — надпись «храма Канишки» в Сурх-Котале (версии a, b, m); KpI — надпись Кайпура из Сурх-Котала; MB — берлинские рукописные фрагменты; NumH — легенды монет хуннов (хионито-эфталитов) и тюрков (по Р. Гёблю); NumKS — легенды кушано-сасанидских монет; Sig. — печати; КТБ — каратепинские бактрийские надписи; КТП — каратепинские среднеперсидские надписи.

жится в стороне». Как и И. Гершевич[3], он настаивает на различии между γ и τ и между ο и α. Таким образом, он получает ряд определенно правильных новых чтений, таких, как (MB, 6, 4; 7, 5) «тогда», (MB, 7, 1 и др.) «и», (MB, 4, 3) «божественный».

Если различие между γ и τ наблюдается всюду, то (MB, 4, 4) должно читаться βατο и отличаться от βαγο (MB, 4, 5) «господин». Собственно говоря, βαγο написано согласно этому правилу в NumKS, 5 и др., но остается неясным, что такое ITSBb, 2, прочитав которое как βαγο, Р. Гёбль восемь лет назад заключил, что надпись в Точи написана по-бактрийски[4]. Вряд ли есть сомнения в чтении Р. Гёбля, поскольку санскритская версия содержит слова *bhūpa* — «царь» и *vakhu* — «господин», которые восходят к βαγο[5]. Было ли здесь различие между γ и τ нейтрализовано, или же это ошибка резчика — в обоих случаях добавление диакритических точек оправдано.

Различие между ο и α тоже не всегда выдерживается строго. Даже в весьма правильно написанных эфталитских фрагментах мы имеем (MB, 7, 14) наряду с (7, 5, 7). Значение ο подтверждается также в βονηο = санскр. *ṣoni* в билингве Sig. 23[6] и использовались одинаково и не отличаются от δ в NumH, 271, где мы находим наряду с : оба отражают одно и то же имя Ζουαδο, или Ζοναδο, или Ζολαδο.

Знак , отмеченный в MB, 2, 4; 7, 12 (ср. NumH, 244, 245) и приравниваемый мною (HuBS, II, табл. 7) к греческому π, несомненно является γγ (фонетическое значение ŋl), как

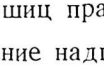
---

[3] I. Gershevitch, Bactrian Inscriptions and Manuscripts,— «Indogermanische Forschungen», Berlin, Bd 72, 1967, H. 1—2, стр. 27—57.

[4] См. HuBS, I, стр. 11.

[5] Ср. с билингвой NumH, 244, в которой бактр. βαγο χοαδηο соответствует санскр. *vakhudivaḥ*, что является скорее гаплологией из **vakhu-khudivaḥ*, чем упрощением **vakh-khudivaḥ*.

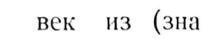
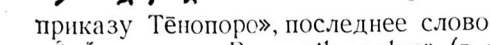
[6] H. Humbach, Bactrian Seals,— «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», H. 25, 1969, стр. 65—74, особенно стр. 70.

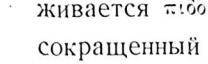
указано В. А. Лившицем (и И. Гершевичем). Оба компонента этой буквы, по-видимому, в данном случае полностью слились, но они ясно различимы в  σαγγο Sig. 45. В связи с этим возникает вопрос, каков же курсивный эквивалент в бактрийском письме у греческого π. В. А. Лившиц (как и И. Гершевич) склоняется к , которое я принимал за удлиненную форму σ, нормальная ее форма, несомненно (HuBS, II, табл. 8). Несомненно, некоторые прямоугольные варианты π, такие, как , и курсивные формы NumKS, 5; Sig. 11, ML. 7, равно как и чтение οισπο в КТБ 7, 3 (рис. 14), свидетельствуют в пользу мнения В. А. Лившица.

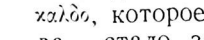
Если В. А. Лившиц прав, а я думаю, что это так и есть, то правильное чтение надписи на монете NumH, 300[7], имеющей некоторое историческое обоснование, не Σαρσο, как это произведено по аналогии с KpI (HuBS, II, табл. 21), а Παρσο. Сходным образом чтения σορκοβτιγο MB, 1, 3; σαρσογο 7, 14; ασαρσο 7, 4 должны быть исправлены на παρκαβτιγο, πορσατο, απαρσο.

Важность правильного чтения π для еще более очевидна при интерпретации надписей Точи, факт, который до сих пор не нашел своего отражения. Здесь мы встречаем ITABb, 7 (HuBS, II, табл. 26), (там же, 9), ITSBb, 3 (HuBS, II, табл. 25), (там же, 4). Их следует читать не σαρο «голова» или σταρο «звезда», как прочел их я, а πορο «сын» или πορο «вокруг» (ср. πορογατυ и πορσατο в надписи Канишки). То же самое относится к ITSBb, 5, в конце надписи, которое несомненно означает «сын». В этом случае опять-таки значит ο, как это, по-видимому, вытекает из санскритской версии—транскрипция *puru*, которая теперь выглядит более близкой к бактрийской версии, нежели мы полагали ранее. Санскритская версия оканчивается

[7] Для справок см. HuBS, I, стр. 66.

 Kula-nara vakhu Tinupuru «человек из (знатной) семьи Вакху (= βαγο), сын Тину»[8], в то время как конец бактрийской версии читается как  πιδο φρομανο Τηνοποροο «по приказу Тēнопоро», последнее слово либо родовое имя, сходное с βορζομιηροποροο «Borzomihropohro» (в конце версии KIm в надписи Канишки), либо какой-то титул (вроде βαγοποορο KIm, 8)[9].

По различным причинам чтение πιδο, предложенное для (с =o!)[10], далеко не бесспорно, но оно поддерживается πιδο...φρομανο KIm, 23. Здесь мы должны допустить сокращенный вариант для π в том же самом тексте, использование которого вызвано последующим [11]. Эта буква действительно вырезана не очень четко и может быть принята за . Ее правильная форма более ясно видна в  πιδο ναμο ITSBb, 3[12].

Надписи из Кара-тепе дают еще два случая чтения слова καλδο, которое уже известно из καλδο...σταδο ταδο KIm, 4 «когда... стало, затем»; ταναλδο KIm, 6 «до тех пор, когда»; καλδανο... βοσηιο ταδανο KIm, 14 «когда... должно стать, тогда»; καλδαβ[MB, 4, 6 «когда...»: καλδο...κιρδο ITSBb, 2 «когда... было сделано»; καλδο κιρδο ITABb, 4 «когда было сделано», и ταδο...[καλ]δο κιρδο ITABb, 3 «затем... когда было сделано», улучшенное чтение ταδο в последнем случае подтверждает правильность значения «когда», предложенного В. Хеннингом, хотя ITSBb и ITABb все еще неясны. Первый из этих случаев чтения в надписях Кара-тепе в КТБ 1, 3 (рис. 19а) καλδο μαλο αβο, по-видимому, имеет связь с καλδαβ[MB, 4, 6. Второй в КТБ 2, 1 (рис. 18в)  , которое прочтено καλδο μαλο γα[δο] Лившицем (стр. 79) и Харматтой (стр. 91); оба автора сравнивают эту фразу с καλδο...μαλο αγαδο KIm, 6 «когда он пришел сюда». Это сравнение, несомненно, верно относительно

---

[8] Не *janupuru*, как читается в HuBS, I, стр. 109.

[9] Все зависит от , которое, согласно его форме, скорее , чем . MB, 7, 15 должно быть отброшено.

[10] Предлог графически связан с управляемым словом.

[11] Малая форма, конечно, старше.

[12] Что такое MB, 5, 3; 7, 5. 8. 9, ITABb5?

αλδο и μαλο, в то же время следы последнего слова воспроизводятся с факсимильной точностью скорее как σα, чем как γα.

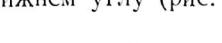
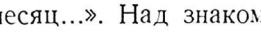
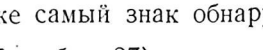
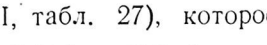
В КТБ 1 (рис. 19а) были обнаружены некоторые имена посетителей, такие, как βορζομιρο — Borzomiro, что является тем же именем, что и βορζομιυυρο KIm, 21 (βορζομιυρο KIm, 25)— *Borzomihro*, которое я ошибочно принял в HuKI за имя бога *Mihr*[13]. Это дает возможность подчеркнуть и разработать то, что я писал ранее предположительно о концовке KI в HuBS, II, на стр. 5, в сноске. В конце KIm упоминаются только два лица, а именно *Borzomihro*, который являлся автором отчета о своих деяниях (он переходит в этом месте с третьего на первое лицо), и его сын *Mihrāmāno*, действующий как исполнитель рукописного оригинала записи, с которого и была скопирована эта надпись: ото ειιο μο σαδο οδο μαβτο χιργο μανο χιρδο αμο Βορζομιυυρο αμο Κοζγαβχιπουρο αμο Αστιλογανσειγι αμο νοκονζιχι καραλραγγε μαργγο πιδο ι κοαδηρ φρομανο οτο ειιο μανο νοβιχτο αμο Μιυραμανο αμο Βορζομιυροπουρο «...и этот[14] колодец и большая лестница сооружены мною, Борзомихром, сыном Козгашки, из Астилогана... маркграфом, слугой, по приказу императора; и это было написано мной, Михраманом, сыном Борзомихра». Версия KIa, которая, согласно ее дукту, вырезана тем же самым резчиком и которая, по-видимому, является просто пробной копией, внезапно обрывается из-за недостатка места в конце 26-й строки, так что она не может ничего добавить для сравнения. Более интересна версия KIb, высеченная другим камнерезом, который сокращает текст и, по-видимому, заменяет имя *Mihrāmāno* на свое собственное: οτ[ο] μο σαδο Βορζομιορο κιρδι ι Κοζγαρκιπ[ο]υρο Υαστιλογανυ[ε]ιγο νοκονζιχι καραλραγγι μαργγι πιδο χοαδηρ φρομανο Σταδιλαρώ?? Монограмма Αδειπο(??). Монограмма(??). «И колодец был сооружен Борзомихром, сыном Козгашки из Хастилогана... маркграфом, слугой, по приказу императора...».

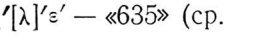
Другим представляющим интерес именем в КТБ 1 (рис. 19а) является Ωρομοζδο «Ōромоздо», которое напоминает Ωρμζδο δο μιρο ITABb, 5. Вопреки моему прежнему мнению, оно также скорее относится к человеку, нежели к богам, но все еще остается открытым вопрос о сочетании имен Ōромоздо и Мйро. Они согласуются с совместным упоминанием *Ohrmazd* и *Mihr* в зороастрийской религии, так что это вряд ли может быть простым совпадением. Проблема решается, если принять Ωρμζδο-δο-μιρο как одно имя — Ōромоздо-и-Мйро. Тогда опущение гласных в Ωρμζδο-δο (вместо Ωρομοζδο οδο) объясняется необычной длиной сочетания.

Что касается хронологии, то заслугой Я. Харматты (стр. 95 и сл.) является обнаружение даты на КТВ 5+9 в левом

[13] Но см., например: W. B. Henning, The Bactrian Inscription,— BSOAS, 23, 1960, стр. 47—55.

[14] ειιο от иранского *ayam/iyam* «этот».

нижнем углу (рис. 16):  [χϸονο] ϙ ζ μαυ[ο] «год 97, месяц...». Над знаком виден странный знак . Тот же самый знак обнаруживается в  ITBAb, 2 (HuBS, II, табл. 27), которое я неправильно интерпретировал как χ′[λ]′ε′ — «635» (ср. χ′λ′ε′ «635» в ITABb, 1), принимая за астральный символ. Однако является просто греческим Φ (позднее )=«6». Хотя надпись ITBA была вырезана на фрагменте того же самого камня, на котором написана ITAB, они отстоят на один год. ITBA датируется χ′λ′Φ′ — «636». Относительно  ср. ITSB.

Более легко обнаруживается дата в КТБ, 10 (рис. 19в):  и т. д. Первое слово χϸονο означает «год», как указано В. А. Лившицем на стр. 80 (ср. Харматта, стр. 104 — χϸαο). Число лет было правильно прочтено Я. Харматой λε — «35» (ср. Лившиц, стр. 80 — ϖλ — «230» или ϖλ — «330»); каратепинская форма для λ отличается от формы из Точи . За этим следует υαϸ.ο. Я предлагаю читать это υαϸ(τ)ο — «восемь», которое может быть порядковым номером месяца (ср. μαυ ιωγο ITABb, 2 —«месяц первый»), предполагая, что здесь опущено слово μαυ — «месяц», которое в таких надписях обычно, но необязательно [15]. Я. Харматта (стр. 106) рассматривает число лет «35» как сокращенное «435», но в этом нет необходимости. Если мы отнесем «35 лет» к бактрийской эре 232 г., установленной в HuBS, I, стр. 12, сл., которую лучше назвать кушано-сасанидской, то рассматриваемый год будет 267-268 г. н. э. Между этой датой и годом среднеперсидского граффити КТП 1 существует лишь очень небольшое расхождение, если принять, что надпись дошла до нас полностью и состоит из 20 20 20=60, т. е. 264-265 г. н. э., согласно письму В. Хеннинга Б. Я. Ставискому (о нем см. Каратепе, II, стр. 46, прим. 24).

[15] Для υαϸ(τ)ο «восемь» ср. υα(ϸδο) «семь» KpI.

Б. И. Вайнберг

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ТОХАРИСТАНА в IV—V вв.

(В СВЯЗИ С ЗАПУСТЕНИЕМ КАРА-ТЕПЕ)

Запустение и разрушение каратепинских храмов связывалось с появлением в этом районе хионитов — эфталитов, о чем свидетельствуют некоторые граффити на стенах покинутых пещерных помещений[1]. В связи с этим определенный интерес представляет хионито-эфталитская эпоха в истории правобережного Тохаристана вообще и района Термеза в частности. Отсутствие письменных свидетельств заставляет нас особо внимательно отнестись к нумизматическому материалу, происходящему с этой территории. Значение его велико не только для воссоздания истории района в хионито-эфталитский период, но и в связи с тем, что соотношение серий хионито-эфталитских монет с кушано-сасанидскими, обращавшимися в районе Термеза и встреченными при раскопках Кара-тепе[2], поможет точнее определить хронологию последних.

В последние годы основательный анализ кушано-сасанидских монет был предпринят В. Г. Лукониным и Р. Гёблем[3]. В. Г. Луконин относит выпуск кушано-сасанидских монет к периоду между 368—371 гг. и 459. При первой публикации своего исследования он отмечал, что предложенные даты для кушано-сасанидских монет требуют анализа монет эфталитов и кидаритов[4]. Начало чекана монет кидаритов, по его мнению, довольно определенно можно отнести лишь к 390—

---

[1] Б. Я. Ставиский, Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг., Кара-тепе, II, стр. 22—23. В трактовке хионитов и эфталитов считаю возможным присоединиться к мнению Б. Я. Ставиского; см. там же, стр. 23, прим. 23.

[2] См. определения В. Г. Луконина в настоящем сборнике.

[3] В. Г. Луконин, Кушано-сасанидские монеты,— ЭВ, XVIII, Л., 1967, стр. 16 и сл.; его же, Культура сасанидского Ирана, М., 1969, стр. 130 и сл.; R. Göbl, Dokumente zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Baktrien und Indien, Bd I—IV, Wiesbaden, 1967, особенно Bd I, стр. 24, 39—43, Bd II, стр. 47, 52—53 и др.

[4] В. Г. Луконин, Кушано-сасанидские монеты, стр. 32.

430 гг.[5], и связываются они с районом к югу от Гиндукуша. Об эфталитских же монетах В. Г. Луконин высказался весьма неопределенно, считая, что драхмы с портретами Шапура II и Варахрана IV, имеющие эфталитские легенды, «не начинают самостоятельный выпуск эфталитских монет уже во второй половине IV в...»[6].

В работе Р. Гёбля соотношение монет кушано-сасанидских, кидаритов и ранних выпусков «эфталитских» монет (Zwischengruppe и Alxon по Гёблю) разбирается детально. К 371—385 гг. отнесены выпуски кушано-сасанидских монет, к 385—440 гг.— кидариты, подражания Шапуру II датируются около 388—400 гг., а подражания Варахрану IV — около 400 г.[7].

Как отметил Б. И. Маршак, «материалы Р. Гёбля не дают оснований для отказа от предложенной В. Г. Лукониным датировки кушано-сасанидских правителей»[8]. Сопоставление же этих материалов с учетом некоторых новых нумизматических поступлений, дающих, видимо, основание для территориальной привязки отдельных серий ранних хионито-эфталитских монет, может несколько разъяснить, как нам представляется, политическую ситуацию на восточных границах сасанидского государства в конце IV—V в.

В 1971 г. в Сурхандарьинский областной музей (г. Термез) поступила серебряная монета, найденная в районе Термеза. Это драхма (AR, в—?, 12 ч.), чеканенная в подражание драхмам сасанидского шахиншаха Варахрана IV (табл. XXVII, 1).

Л. ст.— обычный для исходного типа портрет Варахрана IV в короне с крылом сзади и шаром, увенчивающим ее[9]. Не отличаются от обычных и детали одежды, прическа, ленты, ободок из точек. Отличает эту монету прежде всего тамга перед лицом царя и надпись бактрийским письмом, расположенная за тамгой по дуге вдоль точечного ободка. Подобная надпись, дающая полное совпадение первых пяти знаков одного слова, известна по одному типу подражаний Варахрану IV (известно 2 экз.)[10]. Р. Гёбль читает интересующую нас надпись: POYO или PAO ГОВОZIKO. Надпись на нашем экземпляре отличается отсутствием титула POYO или PAO, на его месте помещена тамга. Начальные знаки надписи подтверждают мнение Х. Хумбаха и Р. Гёбля о том, что

[5] Там же, стр. 33.
[6] Там же, стр. 32.
[7] R. Göbl, Dokumente, Bd I, стр. 24—25, Bd II, стр. 47—48.
[8] Б. И. Маршак, К вопросу о восточных противниках Ирана в V в.,— СНВ, вып. X, М., 1971, стр. 58.
[9] R. Göbl, Dokumente, Bd III, табл. 6, VII.
[10] См. R. Göbl, Dokumente, Bd I, 32, Bd III, табл. 14; там же см. литературу.

чтение второго слова на монетах эм. (эмиссия) 32 начинается в правой верхней четверти на 1 ч., и в связи с этим предлагавшееся ранее Р. Гиршманом чтение этого слова ZABVAA[11] вряд ли может быть принято. Надпись на экземпляре из Термеза можно транслитерировать следующим образом: ГО/WBO/WZIK? Первые пять знаков, как уже отмечалось выше, не вызывают сомнений и полностью совпадают с этой частью надписи в эм. 32, следует отметить лишь более плавное начертание z. Шестой и седьмой знаки написаны иначе. В эм. 32 шестой знак помещен над пятым (практически в нем), а седьмой (k) соединяется с пятым (z). В термезском экземпляре вся надпись изображена в одну строку, после пятого знака (z) идет интервал, а затем соединенные вместе два знака, в которых довольно определенно можно видеть (ik).

Об. ст. По типу монет Шапура III ближе всего к изображениям в эм. 29, выделенной Р. Гёблем[12]. По краю монетного кружка, частично перекрывая точечный круг, помещены симметрично на 12, 3, 6 и 9 часов изображения той же тамги, что и на лицевой стороне. Изображения тамг не являются надчеканами, как это можно было бы предположить. Перед нами единственный в своем роде экземпляр, подобного размещения тамг на монетах не встречено.

В нумизматической литературе нет публикаций подобного типа монеты. Ее отличает не только необычное размещение тамг на об. ст., но и сочетание надписи: ГО/WBO/WZIK? с тамгой на л. ст. По общему типу монеты — подражание драхмам Варахрана IV с надписью ГО/WBO/WZIK? — она сближается с эм. 32 по Р. Гёблю, но по типу тамги (S 2 по Р. Гёблю) явно связана с эм. 33, подражанием чекану Шапура II с бактрийской надписью: ALXON[13]. Этому чекану соответствуют мелкие медные монеты с той же тамгой и надписью (эм. 34, 35)[14].

В работе Р. Гёбля эм. 32 и 33—35 отнесены к разным сериям и связываются с различными этническими группами[15]. При этом эм. 33—35 рассматриваются как чекан безымянно-

[11] R. Ghirshman, Les Chionites-Hephtalites, Cairo, 1948, MDAFA, VIII, № 29—30.

[12] R. Göbl, Dokumente, Bd I, стр. 52—53, III, табл. 13, особенно эм. 29/I.

[13] R. Göbl, Dokumente, Bd I, стр. 54—55, III, табл. 14.

[14] Там же. Тамга на монетах эм. 33 и 34—35 отличается поворотом «уса» (и), с термезской монетой совпадает абсолютно изображение в эм. 34—35.

[15] Там же, стр. 24—25.

го вождя племени с тамгой S2 — , входившего в объединение ALXON и побежденного вождями племени с тамгой S1 — (эм. 36 и сл.). В связи с этим Р. Гёбль помещает эм. 33 в начале серии ALXON, хотя по формально типологическому признаку ей должна предшествовать эм. 36, так как в последней об. ст. повторяет тип Шапура II, а в эм. 33 в изображении об. ст. отмечаются влияния чекана Арташира II и Шапура III[16]. Монета из Термеза, которую мы для краткости и в дополнение к систематизации Р. Гёбля обозначим эм. 32А, дает, как нам представляется, основание предложить несколько иную схему развития этих типов подражательных чеканов с бактрийскими надписями. Наиболее ранними, очевидно, следует признать экземпляры 2, 3 из эм. 36 у Р. Гёбля[17], так как они следуют типу Шапура II и еще не имеют на л. ст. тамги, которая потом становится традиционной для всех выпусков группы ALXON. Наличие легенды письмом брахми на об. ст. этих монет позволяет предположить, что они чеканились к югу от Гиндукуша. Монета эм. 36/1 представляет следующий этап в развитии этого чекана, она отличается лишь наличием тамги на л. ст. перед лицом царя (S1 по Р. Гёблю)[18]. Во всех последующих эмиссиях группы ALXON присутствует эта тамга и почти всегда (во всяком случае, в последующих выпусках) на том же месте. Эм. 33 должна была появиться не ранее времени правления Шапура III (по об. ст.), отличается она от описанной выше отсутствием легенды письмом брахми на об. ст. и тамгой , помещенной за головой царя. Объединяет их исходный тип подражания—монеты Шапура II и надпись ALXON бактрийским письмом. Эм. 34—35 мы оставляем заведомо в стороне, так как они примыкают к эм. 33 и соответствуют ей. Представляется, что эм. 33 возникла параллельно с эм. 36/1 или вслед за ней и представляет собой самостоятельную линию, возможно отражающую претензии на верховную власть в объ-

[16] Там же, I, стр. 56 и 54—55.
[17] Там же, табл. 14.
[18] Аналогичный экземпляр монеты имеется в коллекции ГИМа.

единении ALXON (хиониты?) племени (или вождя племени) с тамгой . Термезская монета — эм. 32А может с полным правом рассматриваться как продолжение этой самостоятельной линии чекана. Судя по ней, племя с тамгой вышло из объединения ALXON, что ознаменовалось заменой надписи ALXON на ГОВОZIK[O] и дополнительными изображениями племенной тамги на об. ст. монеты. Для эм. 32А *terminus post quem* — чекан Варахрана IV, т. е. самый конец IV или рубеж IV—V вв. Что означает надпись: ГОВОZIK[O], сказать трудно, может быть, это имя правителя из племени с тамгой .

Эта же надпись без титула и без тамги повторена еще на одном, до сих пор неизвестном, типе монет, представляющем последующий этап в чекане рассматриваемой серии. Условно назовем ее эм. 32 В. Монета из собрания ГИМ. Драхма, AR, в — 3,75 *г*, 3 ч., обломана по краю (табл. XXVII, 2).

Л. ст. Подражание чекану Варахрана IV, в короне шар, вероятно, заменен полумесяцем с шаром. Эта деталь, известная по другим подражаниям Варахрану IV (эм. 32), в сасанидской нумизматике появляется с эпохи Ездигерда I и Варахрана V[19]. Тамга отсутствует. Надпись на том же месте, что в эм. 32А: ГО/WBO/WZ, продолжение надписи как будто отсутствует, за пятым знаком идет плечо царя, но перед нижней частью лица непонятное изображение, которое можно с некоторой долей вероятности рассматривать как следующие два знака надписи(?). Точечный ободок сдвинут.

Об. ст. Сильно схематизированный тип, тот же, что в эм. 32.

Эм. 32В может быть датирована временем Варахрана IV—Ездигерда I — Варахрана V, типологически она является промежуточной между эм. 32А с тамгой и эм. 32, где перед надписью ГОВОZIKO помещен царский титул РОГО или РАО, а в остальном эм. 32 повторяет тип 32А. «Неуверенное» предположение Р. Гёбля[20] о возможности видеть на л. ст. монет эм. 32 на 10 ч. знаки брахми вряд ли может быть принято.

Таким образом, среди подражаний с бактрийскими надписями может быть выделена серия монет, для которой известны четыре эмиссии в серебре (33, 32А, 32В и 32) и две в меди (34, 35), представляющая самостоятельную линию чекана

[19] См.: R. Göbl, Dokumente, Bd I, стр. 45, там же полемика с Р. Кюриелем.

[20] Там же, I, стр. 54.

вождей племени с тамгой (табл. 2, 1—3). Судя по эм. 33, это племя входило в объединение хионитских племен на востоке сасанидского Ирана в конце IV в., но в то же время оно имело отличный от индийских хионитов монетный чекан (см. табл. 1). Находка одной из важнейших в этой серии монет в районе Термеза (эм. 32А) позволяет предположить, что Тохаристан был той территорией, на которой господствовало и чеканило монету это племя (возможно, что это был только Северный Тохаристан, но без новых нумизматических материалов, привязанных к определенным территориям, об этом судить нельзя). Условно мы можем сохранить за этой серией название «Гобозико» (по надписи на большинстве монет этой серии). К вопросу о происхождении этого племени и анализу его тамги мы вернемся ниже. Сейчас же отметим, что среди позднебактрийских надписей и рисунков-граффити на Кара-тепе, относимых к хионито-эфталитским по стилю [21], обращает на себя внимание процарапанная на штукатурке на южной стене южного коридора пещерного комплекса Б тамга (см. табл. XXVI, табл. 2, 22). К сожалению, ее изображение сохранилось не полностью — . Но по своему типу — круг с отходящими вверх и вниз «усами» — она, несомненно, примыкает (если не тождественна) к племенной тамге «Гобозико». Чекан «Гобозико» обрывается на эм. 32, которая может быть датирована самое позднее временем Варахрана V — Ездигерда II (по полумесяцу в короне).

Не исключено, что в 40—50-х годах V в. среди хонов-кушан, противников Ездигерда II, были и «Гобозико» — правители «хионитских» племен Тохаристана. Б. И. Маршак довольно убедительно показал, что Ездигерду II пришлось вновь завоевать всю Бактрию — Тохаристан, которой Сасаниды, судя по всему, лишились задолго до 40-х годов V в.[22]. Вероятно, именно с походами Ездигерда II и связывается конец чекана серии «Гобозико». Попытаемся разобрать соотношение ее с другими монетными чеканами, известными на востоке сасанидского Ирана в IV—V вв.

Предложенная В. Г. Лукониным хронология кушано-сасанидских правителей, довольно убедительная в основных частях, вызывает сомнение для правления Варахрана II «великого царя кушан» (монеты типа f/6, f/7), время правления которого определяется от 389 г. до 440 г. (!?) [23]. Б. И. Мар-

[21] Б. Я. Ставиский, Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг., Кара-тепе, II, стр. 22—23, рис. 5, Б.

[22] Б. И. Маршак, К вопросу о восточных противниках Ирана, стр. 59, 62—63.

[23] В. Г. Луконин, Кушано-сасанидские монеты, стр. 30—31.

шак, не разбирая по существу нумизматический материал, исходя из данных письменных источников, отметил, что трактовать время правления «великого царя кушан» Варахрана (II) как эпоху «относительной стабилизации восточных границ Ирана»[24] нельзя. Ездигерду II пришлось вновь завоевывать кушанские земли, вероятно потерянные задолго до 40-х годов V в.[25]. Хронология монет Варахрана II (типы f/6, f/7) основывается на предполагаемой последовательности их за чеканом кушано-сасанидского правителя Варахрана I, будущего шахиншаха Варахрана IV. На монетах Варахрана II тот же титул и имя, что на монетах Варахрана I, на скифатных монетах его чекана помещается знак, типологически объединяющий их с монетами из Тепе-Мараңджан[26].

Вместе с тем следует учесть, что по типу короны монеты этого правителя могут быть сближены с кушано-сасанидскими монетами с именем Пероз, переданном письмом брахми на л. ст. монет[27]. По типам об. ст. (6, 7 по В. Г. Луконину) монеты Варахрана II могут также предшествовать чекану Варахрана I (у последнего отмечен только тип 7). Шестой тип об. ст. встречается уже в чекане кушаншаха Пероза. Учитывая все типологические связи (по имени и титулу, тамге на скифатных монетах — с Варахраном I, по типу короны — с Перозом, по типам об. ст.— с Перозом, Хормиздом и Варахраном I), можно предположить, что Варахран II, «великий царь кушан» правил либо до Варахрана I, либо выпуски его монет следует отнести к чекану Варахрана I, будущего шахиншаха Варахрана IV[28]. Во всяком случае, нет никаких достаточно веских оснований считать, что после 389 г. продолжался чекан кушано-сасанидских правителей. Историческая обстановка на востоке Ирана в середине V в., как мы это отмечали выше, указывает на потерю Сасанидами кушанских земель в начале (первой половине) V в. и подтверждает несомненный разрыв в правлении сасанидских наместников в кушанских землях. Предстоит выяснить, когда и в связи с какими событиями произошло отпадение кушанских земель. Серии кидаритских монет[29] как будто бы свидетельствуют о том, что это произошло в конце правления Шапура III или в начале правления Варахрана IV. Р. Гёбль считает, что кидаритские монеты выпускались до 440-х годов, что как раз совпадает с датой походов Ездигерда II на восток, когда он

---

[24] Там же, стр. 31.

[25] Б. И. Маршак, К вопросу о восточных противниках Ирана, стр. 62.

[26] В. Г. Луконин, Культура сасанидского Ирана, стр. 143, 138.

[27] R. Göbl, Dokumente, Bd I, стр. 40 (эм. 3, 4); III, табл. 9. Р. Гёбль считает, что кушано-сасанидский правитель Пероз=Шапуру II, см. там же.

[28] См. серии кушано-сасанидских монет Варахрана I, II и III, выделяемые Р. Гёблем, Dokumente, Bd III, табл. 3, 4.

[29] R. Göbl, Dokumente, Bd I, стр. 24, эм. 11—18.

вновь отвоевывает кушанские земли. Вместе с тем войны Пероза с кидаритами в 60-х годах[30], возможно, указывают на то, что кидариты могли владеть хотя бы частью кушанских земель и позже.

Как мы показали выше (вслед за Р. Гёблем), в конце правления Шапура III или с эпохи Варахрана IV начинается в Тохаристане чекан одного из «хионитских» племен — серии «Гобозико», который обрывается не позже правления Ездигерда II, что, вероятно, связано с восточными походами последнего. Параллельно с этой серией и несколько раньше ее к югу от Гиндукуша начинается чекан серии ALXON, группы хионитских племен, возглавляемых племенем с тамгой .

Чекан трех отмеченных выше монетных серий, связанных с территориями на востоке сасанидского Ирана, начинается в конце IV в. в период правления Шапура III или в начале правления Варахрана IV, что несомненно указывает на изменение политической ситуации в этом районе. К этому периоду, вероятно, относится и потеря Сасанидами кушанских владений (см. табл. 1). Можно добавить к этому, что подражания чекану сасанидских шахиншахов, имеющие только искаженную пехлевийскую легенду (без бактрийских надписей), засвидетельствованы тоже только для монет Варахрана IV, Ездигерда I и Варахрана V (см. табл. 1)[31], т. е. они относятся все к тому же периоду от начала правления Варахрана IV до Ездигерда II, когда Сасаниды потеряли свои позиции на востоке.

Интересно отметить, что в сериях подражаний нет монет, воспроизводящих чекан Ездигерда II, нет и надчеканов на его монетах. Последнему удается вернуть Сасанидам ряд потерянных районов. И если прав В. Г. Луконин, то при Ездигерде II возобновляется чекан кушано-сасанидских правителей Хормизда и Пероза. Но монеты их чеканятся только в Мерве и Герате и в их сериях есть только сасанидо-кушанские монеты (по классификации В. Г. Луконина)[32].

Восточная политика Сасанидов не раз привлекала внимание исследователей[33]. Итог ряда фундаментальных исследований довольно четко изложен в статье Б. И. Маршака, выводы которого не вызывают принципиальных возражений[34]. Можно лишь дополнить их, исходя из изложенных выше материалов.

---

[30] Б. И. Маршак, К вопросу о восточных противниках Ирана, стр. 63.

[31] О подражаниях Перозу речь пойдет особо.

[32] В. Г. Луконин, Культура сасанидского Ирана, стр. 138, 144, 151.

[33] В связи с темой настоящей статьи см. также: В. Г. Луконин, Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии,— ВДИ, 1969, № 2, стр. 20 и сл.; Б. И. Маршак, К вопросу о восточных противниках Ирана.

[34] См. там же, стр. 65.

К концу 60—70-х годов IV в. относят крупную военную экспедицию Шапура II, предпринятую для завоевания кушанского царства. С этими событиями связывается и сасанидская надпись с датой 60 г. царствования Шапура, обнаруженная в Кара-тепе[35]. В 70—80-х годах IV в. Сасаниды владеют кушанскими землями, сасанидские наместники которых чеканят монеты. В период борьбы Сасанидов за кушанские земли хиониты — кочевники, жившие на (или вблизи) восточных границах Ирана, выступают в качестве их союзников[36]. В конце 80-х годов IV в., очевидно, произошло изменение в расстановке сил на востоке. Хиониты в союзе с кидаритами, стремившимися к восстановлению Кушанского царства, вытеснили Сасанидов из бывших кушанских земель. К югу от Гиндукуша возникает позднекушанское царство Кидары. В район Кабула, а затем в северную Индию продвигается группа хионитов, возглавившая царство династии ALXON с тамгой .

Еще одна группа племен (или племя), входившая в хионитскую группировку, создает самостоятельное княжество в Тохаристане и чеканит монеты с тамгой и надписью ГОBOZIKO. Входил ли весь Тохаристан в это владение, мы не знаем, но северный Тохаристан — несомненно. Вероятно, в это же время возникает в восточном Тохаристане и Бадахшане эфталитское княжество[37] и ряд других княжеств на территории современного Афганистана (свидетельством чего являются, возможно, и серии подражательных монет без бактрийских надписей).

До 40-х годов V в. Бактрия-Тохаристан оставалась независимой от Сасанидов. Топография монетных находок этого времени (конец IV — первая половина V в.) на территории Афганистана сможет в какой-то степени разъяснить, какую территорию максимально занимало царство кидаритов. Во всяком случае, северный Тохаристан как будто бы никогда не подчинялся им. Здесь после похода Шапура II установилась власть кушано-сасанидских правителей (монетами кушаншаха Варахрана датируются погребения в заброшенных пещерах и храмах Кара-тепе[38]), на смену которым в конце 80-х годов IV в. приходят хиониты (период разрушения Ка-

[35] В. Г. Луконин, Завоевания Сасанидов на Востоке, стр. 43—44; его же, Среднеперсидские надписи на Кара-тепе, II, стр. 40 и сл.

[36] См. об этом: Б. И. Маршак, К вопросу о восточных противниках Ирана, стр. 65.

[37] Там же, стр. 65.

[38] См. определения В. Г. Луконина и статью Б. Я. Ставиского «Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг.» в настоящем сборнике.

ра-тепе связан с поздними бактрийскими надписями, портретом-граффити и тамгой, сходной с тамгой на монетах серии «Гобозико»). Власть хионитов в Тохаристане была недолгой. Ездигерд II отвоевал у хионитов и кидаритов Тохаристан, в 40-х годах V в. обрывается чекан кидаритов и хионитов Тохаристана («Гобозико») [39]. Возобновляется чекан сасанидо-кушанских монет (Хормизд и Пероз) в Мерве и Герате.

История восшествия на иранский престол Пероза с помощью эфталитов общеизвестна. В 60-х годах Пероз борется с кидаритами, так как последние в период гражданской войны в Иране (457—459 гг.) захватили Балх (если признать отождествление его с Боло или Балаам) [40]. В 70-е годы начинается серия неудачных войн Пероза с эфталитами, в ходе одной из которых, в 484 г., он погибает. Б. И. Маршак показал, что, согласно средневековым источникам, последний этап борьбы Пероза с эфталитами происходил к востоку от Балха. После поражения Пероза Иран платит дань эфталитам. Северный Тохаристан (Чаганиан в первую очередь) переходит к эфталитам только после 498—499 гг., когда они помогли Каваду в борьбе с Джамаспом; Земм, Термез, Кобадиан, по данным Бал'ами, были превращены (или основаны) Кавадом в царские города [41].

Обратимся вновь к нумизматике. Р. Гёбль выделяет эм. 287 [42] — наиболее ранние подражания чекану Пероза, отличающиеся от исходного образца четырьмя точками по краю поля монетного кружка за ободком на л. ст. Точки расположены симметрично на 45, 135, 225 и 315°. Исходный тип короны датируется Р. Гёблем после 467-8 или 476 г. На об. ст. монет бактрийская легенда ВОХΛО, на л. ст. бактрийские знаки НВ. Известные Р. Гёблю экземпляры монет происходят из района Кабула и Газни (всего он приводит 11 экз., из них 6 — беспаспортные). Значительно большее количество подобных монет происходит с территории Средней Азии. Не претендуя на исчерпывающую полноту сведений, можно предложить следующий список находок:

---

[39] А. М. Мандельштам отмечает, что в Бишкентской долине, расположенной к востоку от долины Сурхандарьи, в конце IV в. по археологическим материалам засвидетельствовано появление новых групп кочевников (обряд трупосожжения), предположительно он связывает их с хионитами. С их появлением, возможно, связывается и запустение памятников этого района, но пребывание кочевников в долине было недолгим, после V в. нет данных о кочевом населении в Бишкентской долине. См.: А. М. Мандельштам, К истории Бактрии-Тохаристана,— КСИА, вып. 98, 1964, стр. 25.

[40] Б. И. Маршак, К вопросу о восточных противниках Ирана, стр. 63—64.

[41] Там же, стр. 64.

[42] R. Göbl, Dokumente, Bd I, стр. 197.

1) Пенджикент — 2 экз. (О. И. Смирнова, Каталог монет с городища Пенджикент, М., 1963, стр. 5, 6—57, № 5, 6);

2) Афрасиаб — клад не менее 15 экз. (см. там же, стр. 37);

3) Ак-тепе, близ Ташкента — клад из 6 экз. (там же, стр. 37);

4) в районе Термеза (Сурхандарьинский областной музей) — 4 экз. (см. о них ниже);

5) с согдийскими надчеканами — 2 экз. в Ташкентском музее (О. И. Смирнова, Нумизматические заметки,— ЭВ, XVIII, 1967, стр. 39—40); 6 экз. в ГИМ и около 10 экз. в Государственном Эрмитаже (см. В. А. Лившиц и В. Г. Луконин, Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах, — ВДИ, 1964, № 3, стр. 173—175).

Эм. 287 открывает серии эфталитских подражаний, она самая ранняя из них и может быть датирована последней четвертью V в. В это время среднеазиатские земли еще не входили во владения эфталитов, поэтому распространение там монет этой серии могло произойти позднее с продвижением эфталитов в эти районы в начале VI в. Вместе с тем монеты эм. 287 в силу их широкого распространения могут быть предположительно отнесены к балхскому (?) чекану собственно Сасанидов, специально предназначенному для выплаты дани эфталитам. Следует подчеркнуть, что ареал эм. 287 в общих чертах совпадает с максимальными границам эфталитских владений [43].

Дальнейшие этапы становления эфталитского чекана (по Р. Гёблю, эм. 288 и 289) представлены пока только находками из района Термеза. В связи с тем что эта область перешла к эфталитам, как уже отмечалось, только с 499 г., нет оснований эти новые группы монет датировать ранее начала V в. Таким образом, между ними и последними выпусками монет «Гобозико» хронологический разрыв в 50—60 лет и, что не менее важно, типологически эти две серии резко различаются.

В Сурхандарьинском областном музее хранится 11 экз.

---

[43] Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, М.—Л., 1950, стр. 269: «от недаского владетеля в Западном крае зависят Кангюй, Хотан, Шалэ, Аньси и до тридцати других мелких владений». Учитывая смешение разновременных политических и этнических названий в Бей-шу, под Кангюем следует видеть Кан-Самаркандский Согд, а под Аньси — Ань-Бухару. Подобная замена показывает, что в подчинении у эфталитов находились не отдаленные на неопределенные расстояния государства, а близкие с Тохаристаном области — Хотан, Шалэ, Согд (Самарканд и Бухара). Кроме того, трудно предположить зависимость Кангюя от эфталитов, если между ними лежал бы независимый Согд и нигде более их владения не смыкались. Зависимость же Согда от находившегося в V в. в упадке Кангюя вряд ли допустима.

монет, представляющих интерес в связи с затронутой нами темой:

I. Клад из 7 монет, приобретенный вместе с фрагментами сосуда, в котором он, очевидно, хранился. Найден в районе Термеза (№ КП-864).

1. № 101, драхма, AR, в — 3,2 *г*, 3 ч.

Л. ст. По типу монет Пероза, повторяет тип л. ст. эм. 287, следов надписи нет. В поле монетного кружка за ободком, между точками перед лицом царя на 3 ч. тамга , а внизу бактрийская надпись из пяти знаков: 100MO[44] или 100NO[45].

Об. ст. По типу монет эм. 287 и монет Пероза.

Р. Гёбль выделил монеты этого типа в эм. 288[46].

2. № 102, драхма, AR, в — 3,75 *г*, 3 ч.

Тот же тип (эм. 288). Перед лицом царя на л. ст. возможно несколько знаков — как будто бы остатки пехлевийской надписи.

3. № 103, драхма, AR, в — 3,55 *г*., 3 ч.

В принципе экземпляр того же типа, но на л. ст. отсутствует тамга на 3 ч. Надпись внизу сохранилась частично: 100... На 9 ч. в поле помещен округлый надчекан с тамгой (см. КМ 64 у Р. Гёбля)[47]. Эта монета принадлежит к промежуточному между эм. 287 и 288 типу (есть обычная для эм. 288 надпись, но отсутствует тамга), поэтому мы обозначили серию подобных монет эм. 287А.

4. № 104, драхма, AR (металл плохой), в — 3,5 *г*, 3 ч. Эм. 287 с надчеканом на 3 ч. Подобный тип надчекана в материалах, представленных в работе Р. Гёбля, как будто бы отсутствует. Возможно, это пехлевийская надпись ? (Табл. XXVII, 3).

5. № 105, драхма, AR (?), в — 3,7 *г*, 3 ч., край обломан, сохранность плохая. Возможно, эм. 288, но тамга не различается точно. Надпись — следы обычной.

6. № 106, драхма, AR (металл плохой), в — 3,6 *г*. 3 ч. Эм. 287А,

Надпись обычная. За головой царя в поле на л. ст. на 9 ч. остатки изображения тамги в надчекане(?).

---

[44] R. Göbl, Dokumente, Bd I, стр. 198.

[45] Б. И. Вайнберг, Эфталитская династия Чаганиана и Хорезм,— «Нумизматический сборник ГИМ», ч. IV, М., 1972, вып. III, стр. 3 и сл.

[46] R. Göbl, Dokumente, Bd I, стр. 197—198; Bd III, табл. 79.

[47] Там же, Bd IV, табл. 9; Bd II, стр. 133, 201.

7. № 103, драхма, AR (металл плохой) в — 3,65 *г*, 3 ч. Эм. 288.

Таким образом, в этом кладе представлены близкие типы монет — ранних эфталитских серий, чеканенных в подражание Перозу: эм. 287, 287А и 288 (эм. 287 — 1 экз. с надчеканом, эм. 287А — 2 экз. с надчеканами, эм. 288 — 4 экз.). Наиболее поздние монеты в кладе — эм. 288 не имеют надчеканов, они составляют более половины этого маленького клада. Представляется, что именно временем чекана этих монет можно датировать и весь клад. Если для эм. 287 мы выше предложили дату — последняя четверть V в., а эм. 287А, известную пока только по находкам в районе Термеза (см. ниже), считаем возможным датировать только после начала VI в., когда Северный Тохаристан переходит к эфталитам, то для эм. 288 *terminus post quem* предложить труднее. В сериях подражаний Перозу она занимает промежуточное положение. По ряду формально типологических признаков она ближе к эм. 287 и 287А, чем к последующей эм. 289. В отличие от последней на ней еще помещается портрет самого Пероза, детали короны (крылья, шар) повторяют эм. 287. На основании этого можно датировать эм. 288 довольно широко — VI в. Надчеканы помещены на монетах эм. 287 и 287А и, очевидно, производились в том же VI в., отсутствие монет более поздней эм. 289, широко распространенной в районе Термеза, не дает оснований весь клад в целом датировать позже VI в. н. э.

II. Кладик из 3 монет (№ КП-1238), найденный на кладбище по ул. 8 марта в г. Термезе в 1957 г.

1. № 131, драхма, AR, в — 3,1 *г*, 3 ч.

Эм. 287, на 3 ч. на л. ст. надчекан, близкий типу КМ 84 у Р. Гёбля[48]. Надпись бактрийская, надчекан сдвинут, либо повторен дважды, что повредило надпись.

2. № 132, драхма, AR, в — 3,25 *г*, 3 ч.

Эм. 288, монета сильно потерта. Надпись как будто бы обычная.

3. № 133, драхма, AR, в — 3,10 *г*, 2 ч.

Эм. 287А, на л. ст. перед лицом царя в круге на 1—2 ч. следы надписи, возможно, то же, что в эм. 287. В поле за кругом на 3 ч. подпрямоугольный надчекан, в котором в перевернутом виде изображена тамга (табл. XXVII, 5). Этот экземпляр представляет большой интерес, так как показывает пути поисков типа эм. 288 и по существу является переходным от эм. 287А к эм. 288.

Общая датировка клада та же, что и в предыдущем слу-

[48] R. Göbl, Dokumente, Bd II, стр. 147.

чае, — VI в. В нем представлены монеты тех же выпусков: эм. 287 с надчеканом (известен по монетам самого Переза), эм. 287А и 288.

III. Один экземпляр монеты найден на поверхности Хайрабад-тепе (Ангорская группа памятников) в 1957 г. (№ КП 1345-8). № 141, драхма, AR (металл плохой, в—?, 3 ч.). Эм. 287, на л. ст. в поле за ободком на 3 и 6 ч. два одинаковых надчекана (подпрямоугольных по форме) с тамгой (см. № 133 выше и табл. XXVII, 4). В надчекане на 3 ч. тамга перевернута, в нижнем — обращена вправо. Этот экземпляр также демонстрирует поиски нового типа монеты; интересно отметить, что надчеканы помещены на тех же местах, где позднее в эм. 287А и 288 размещаются надпись и та же тамга. Датируется этот экземпляр либо тем же временем, что эм. 287А, либо предшествует ей, т. е. началом или первой половиной VI в.

Эм. 289 наиболее поздняя в серии перозовских подражаний, довольно широко известна в северном Тохаристане, а в районе Термеза особенно. Здесь она встречена на многих памятниках Ангорского района (Хайрабад-тепе, Балалык-тепе, Занг-тепе, Джумалак-тепе) [49] и в Каптар-хона близ Термеза [50]. На левом берегу Сурхандарьи на землях колхоза «40 лет Октября» найден клад эфталитских монет (сохранность плохая, по весу около 1000 экз.), состоящий, как это можно предположить до его окончательной расчистки, почти исключительно из монет эм. 289.

Фрагмент монеты этой же эмиссии с надчеканом найден в слое Мунчак-тепе II на городище Мунчак-тепе (долина Кафирнигана) [51].

Эм. 289 [52] отличает сильная схематизация деталей короны правителя. Портрет Переза заменен изображением местного правителя. Лицо резко отлично от перозовского — крупный нос, массивный подбородок. Иной является и манера передачи груди и шеи правителя. От эм. 288 отличает и наличие в поле за кругом на 9 ч. еще одной тамги , которую, сопоставив с более поздними монетами из Хорезма, свидетель-

[49] Л. И. Альбаум, Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана, Ташкент, 1960, стр. 57, 45—47; его же, Раскопки замка Занг-тепе, ИМКУ, вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 83.

[50] М. Е. Массон, Монетные находки, зарегистрированные в Ср. Азии за 1928 и 1929 гг.,— журн. «Научная мысль», вып. I, Самарканд — Ташкент, 1930, стр. 88.

[51] А. М. Мандельштам, С. Б. Певзнер, Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг.,— МИА, № 66, М.— Л., 1958, стр. 318, рис. 30, 3.

[52] См.: Б. И. Вайнберг, Эфталитская династия, стр. 3 и сл.

ствами письменных источников и топографии монет эм. 289, мы определяем как эфталитскую тамгу Чаганиана (немаловажным основанием для этого вывода был факт сочетания тамги , восходящей к известной по эм. 289, на монетах начала VIII в. в Хорезме и имени или лакаба царя, чеканившего эту монету, — «Чеган»)[53]. Р. Гёбль на основании типологического анализа эм. 289 считает ее зависимой от сасанидского чекана Хосрова I и Хормизда IV[54], вместе с тем он привлекает для датировки и тамгу (S 60 по его классификации), которую он сопоставляет с надчеканом KM 111, датируемым им концом VII в.[55]. В связи с тем что тамги, как правило, в течение многих веков не изменяются, примеров чему много в нумизматике (хионито-эфталитской тоже), вряд ли последний аргумент в датировке эм. 289 можно признать убедительным. Сопоставления с сасанидской нумизматикой указывают на конец VI в. как возможное время возникновения чекана этой эмиссии[56]. Наличие, как правило, нескольких надчеканов (анэпиграфных) на монетах эм. 289 указывает на длительное ее обращение, очевидно, в течение всего VII в.[57]. Наиболее поздняя монета этой серии известна из клада VIII в. на городище Ток-кала около г. Нукуса[58].

Об истории Северного Тохаристана и особенно района долины Сурхандарьи — Термеза в VI—VII вв. имеется очень мало сведений. Самые полные из них содержатся у Фирдоуси и впервые широко были привлечены А. М. Мандельштамом[59]. В 60-х годах VI в., когда тюрки в решительном столкновении разбили эфталитов, во главе которых стоял Готафар, остатки разбитых эфталитов бежали на юг и в качестве преемника, вероятно, погибшего Готафара выбрали чаганианского владетеля Фаганиша, эфталита по происхождению. Фирдоуси сообщает, что Фаганиш в поисках поддержки против тюрок поспешил подчиниться Ирану, так как в то же время Хосров I выступил против эфталитов и занял ряд областей к югу от Амударьи. Северный Тохаристан стал базой эфталитских войск и был предметом спора между тюрками и Ираном, граница влияний прошла по Амударье. Судя по

---

[53] Там же; Р. Гёбль считает ее общеэфталитской — см. S 60, Bd II, стр. 210 и эм. 289.

[54] R. Göbl, Dokumente, Bd I, стр. 198, см. также Bd II, гл. 13.

[55] Там же, Bd I, стр. 198—199.

[56] В нашей статье в сб. ГИМ дана явно заниженная датировка, так как монеты эм. 289 связывались непосредственно с чеканом Пероза.

[57] См.: R. Göbl, Dokumente, Bd II, стр. 51.

[58] Б. И. Вайнберг, Эфталитская династия; ее же, Монеты древнего Кердера (в печати).

[59] А. М. Мандельштам, Средняя Азия в VI—VII вв.,— «Очерки по истории СССР, III—IX вв.»), М., 1958, стр. 352 и сл.

всему, северный Тохаристан представлял собой в это время буферное эфталитское государство, находившееся в зависимости от тюрок [60].

В конце VI в., после подавления восстания северного Тохаристана против тюрок, на его территории появляется какая-то группа тюрок, вскоре после чего на месте распавшегося эфталитского государства образуется ряд мелких владений: Шуман, Ахарун, Чаганиан, Термез, Кобадиан, Хутталь и др. [61].

Как при эфталитах, так и при тюрках в этих областях, по-видимому, оставались и местные династии, как это было и в ряде других районов Средней Азии [62].

Следует отметить и тот факт, что во второй половине VI в. во главе эфталитского объединения становится эфталитский владетель Чаганиана. Весьма заманчиво связать это событие с выпуском монет эм. 289, тогда появление именно в это время чаганианской (по нашему определению) тамги на эфталитских монетах весьма закономерно. Особая роль чаганианских владетелей в эфталитском объединении выясняется и в связи с событиями середины VII в. В 650 г. начался поход арабов на Хорасан. По сведениям, приводимым ал-Белазури, против арабов выступило войско Тохаристана. Особо оговаривается, что к ним присоединились «люди Саганиана», находившегося на «восточной стороне реки» [63]. Битва произошла в 651 г. «между Мургабом и горами». Центральным эпизодом сражения был поединок ал-Ахнафа ибн Кайса, арабского полководца, возглавлявшего армию, и царя «Саганиана». Арабы одержали победу, но о гибели «саганианского» владетеля источник не сообщает. Традиционный эпизод единоборства владетеля Чаганиана с ал-Ахнафом свидетельствует, очевидно, о том, что первый возглавлял антиарабскую коалицию.

В связи с завоеваниями ал-Ахнафа в Хорасане ал-Бируни упоминает и эфталитов, которых победил ал-Ахнаф [64]. Это одно из самых поздних упоминаний этого народа в источниках. Очевидно, под эфталитами Бируни подразумевал население Тохаристана.

---

[60] А. М. Мандельштам, Средняя Азия в VI—VII вв., стр. 352.

[61] Там же, стр. 353. А. М. Мандельштам считает, что это произошло в период между 605 и 630 гг., см.: А. М. Мандельштам, О некоторых вопросах сложения таджикской народности в среднеазиатском междуречье,— САр, XX, 1954, стр. 84—85.

[62] А. М. Мандельштам, О некоторых вопросах, стр. 81; его же, Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей,— «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР», т. VIII, Сталинабад, 1957, стр. 134.

[63] ал-Белазури, Извлечения из «Китаб футух ал-булдан», МИТТ, т. I, М.— Л., 1939, стр. 68—69.

[64] Абурейхан Бируни, Избранные произведения, т. I, Ташкент, 1957, стр. 144.

Мы весьма подробно остановились на эмиссиях и событиях VI—VII вв. для того, чтобы охарактеризовать полностью (насколько позволяют имеющиеся в нашем распоряжении нумизматические материалы) эфталитский чекан, связанный с северным Тохаристаном и районом Термеза особенно. Связь этого чекана с эфталитами, учитывая историю этого района в VI—VII вв., вряд ли может вызвать сомнение. Вместе с тем бесспорно и полное отличие его от более раннего чекана серии «Гобозико» (конец IV—первая половина V в.), которую мы связываем с группой хионитов Тохаристана. Хронологический разрыв между этими монетными сериями не менее полувека. Хиониты в Тохаристане были разбиты Ездигердом II, материалами об их взаимоотношениях с эфталитами мы не располагаем.

Некоторые дополнительные данные о той группе хионитов, вожди которой чеканили монеты серии «Гобозико» в Тохаристане, можно, как представляется, извлечь из тамги и анализа тех связей, на которые она указывает. Эта тамга по форме идентична тамге правителей самаркандского Согда VII—VIII вв., известной по монетам. В предлагаемой таблице приведены аналогии ей, известные по монетам и другим категориям памятников (на керамике, других ремесленных изделиях, на камнях и каменных изделиях и т. д.). Неоднократно обращалось внимание на типологическую близость тамг правителей Согда, Бухары и Хорезма[65], что сопоставлялось с традицией, сохраненной поздними китайскими хрониками об их общем происхождении от «дома Юечжи» Чжаову. Впервые сведения об этом встречаются в Северной истории — Бей-Шу (VII в.). С III—IV вв. события, развернувшиеся в самом Китае, политика правящих династий привели к временному прекращению связей с Западным краем[66]. Поздние китайские хроники основывались, как правило, на информации ряда посольств V в. и буддийских паломников V—VIII вв. Именно в связи с недостатком информации в поздних хрониках и именно в Бей-Шу появляется одна из самых крупных для истории Средней Азии ошибок — отождествление владения Кан (Согд) с Кангюем[67]. Если отвлечься от происхождения «владетельного дома Кан», то в источнике содержится конкретное описание «сильного государства» Кан. Характеристика природных условий и хозяйства не оставляет сомнения в том, что это государство с оседлым, зем-

---

[65] С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 184—185; О. И. Смирнова, Монеты древнего Пенджикента,— МИА, № 66, стр. 259 и сл.

[66] Бичурин, II, стр. 240—244.

[67] Там же, стр. 271—272. Подробнее об этом говорится в разделе о Кангюе в подготовленной автором к печати монографии «Монеты древнего Хорезма и история Приаралья от II в. до н. э. до IX в н. э.».

ледельческим населением. Указание на посольство из Кана в начале VII в. подчеркивает достоверность этих сведений. В первой же части описания Кана явно смешаны разные сведения. Попробуем разобраться в них[68].

1. «Владетельный дом Кан есть отрасль кангюйского дома».

2. «Со времени династии Хань преемство престола не пресекалось».

3. «Собственно владетель прозывается Вынь; происходит из дома Юечжи, который первоначально обитал по северную сторону хребта Цилянь-Шань в городе Чжаову; но после поражения от хуннов перешел через Луковые горы на запад и основал царство. Он разделился на множество владетельных родов и утвердился в древнем царстве Кан. Сии роды, в память своего первоначального происхождения, все удержали прозвание Чжаову. Проименование владетеля из рода в род есть Фуби».

4. Дом Кан характеризуется как кочевое владение — «безвременно переходя с места на место, он не имеет привязанности к оседлой жизни».

На путаницу и противоречие указывают бесспорно: наличие двух титулов владетеля — Вынь и Фуби, а также характеристика «дома Кан» как «кочевого владения», явно противоречащая основному тексту источника. Представляется, что в первой части описания Кана в Бей-Шу включены сведения (или фрагменты) из более ранних хроник и документов. Сведения о непрерывности династии владения Кан от эпохи Хань и ее происхождение одновременно от «дома» Юечжи Чжаову и «кангюйского дома» могут быть поняты и объяснимы, если вспомнить сведения Хоу-Хань-Шу о брачных связях Юечжи и Кангюя, относящиеся к I в. н. э.[69], именно к этому событию и восходит двойственная генеалогия «владетельного дома Кан». Бей-Шу в описании происхождения «дома» Чжаову без всяких оговорок переносит на него сведения, известные о передвижении Больших Юечжи из района Цилянь-Шаня. Но в отличие от традиционных описаний передвижения Больших Юечжи в начале в район к северу от реки Гуй-Шуй[70], а затем в Дахя[71] в Бей-Шу отмечается, что при переходе через Луковые горы на запад Юечжи Чжаову «обосновали царство», разделившееся на «множество владетельных родов», утвердившихся в «древнем царстве Кан». Поскольку источники не содержат никаких указаний, позволяющих отождествлять

[68] Бичурин, II, стр. 271.

[69] ХХШ, 77, 8а; E. Zürcher, The Yech-chin and Kaniṣka in the chinese sources, стр. 18.

[70] Бичурин, II, стр. 151.

[71] Там же, II, стр. 183—184, 227—228.

Кан с Дахя,где, согласно единодушному свидетельству китайских хроник, утвердились и создали свое царство Большие Юэчжи, то следует признать, что составитель Бей-Шу располагал каким-то неизвестным нам источником, в котором содержалась информация о царстве «дома Юэчжи» Чжаову на территории «древнего царства Кан», бесспорно локализуемого в Согде. Этот же источник, очевидно, указывал и на преемственность династии Юэчжи Чжаову в Кане от эпохи Хань, а возможно, и на родство ее с кангюйскими владетелями (последние сведения могли быть почерпнуты и из Хоу-Хань-Шу). Во всяком случае, представляется несомненным, что в Бей-Шу содержится указание на существование с «эпохи Хань» и до VIII в. н. э. в Согде государства, управлявшегося династией, происходящей из кочевых племен, связанных родством (династийным браком) с Кангюем и обозначаемых китайскими хрониками «дом Юэчжи» Чжаову, либо, возможно, просто юэчжи, может быть, в отличие от Больших Юэчжи-кушан. Совмещение данных о древних и современных составителю хроники народах и государствах (см., например, смешение Ань-Бухара и Аньси-Парфия — там же, II, стр. 272) привело к тому, что в Бей-Шу с основанием или без него на Юэчжи Чжаову перенесены сведения о продвижении Больших Юэчжи из Восточного Туркестана в Среднюю Азию. Анализ тамг на монетах Хорезма, Бухары и Самарканда, предпринятый нами в связи с выяснением вопроса о происхождении династии Хорезма[72], подтвердил общность их происхождения, восходящего ко II—I вв. до н. э. (даты первых монет с тамгами в Хорезме и Бухаре) и связанного с кочевыми племенами, принимавшими участие в разгроме Греко-Бактрии, но отличными от кушан. Несмотря на то что большинство исследователей[73] отмечало сходство наиболее распространенной хорезмийской тамги с кушанскими, хорезмийские тамги, как и согдийские, резко отличаются от кушанских не только по форме, но и, что нам представляется наиболее важным, по принципу изменения тамг: у кушан тамга изменяется при переходе от царя к царю и даже в пределах правления одного царя, в хорезмийских и согдийских тамгах изменений форм тамги во времени не наблюдается, смена их происходит лишь при династийных изменениях. Вместе с тем те же тамги весьма убедительно указывают на сарматские (в широком понимании этого термина) связи династий Хорезма, Бухары и Самарканда. Поэтому если нумизматика и подтверждает сведения китайских информаторов о правлении кочевых династий общего происхождения (Юэчжи Чжаову) в ряде областей Средней Азии

[72] Б. И. Вайнберг ,Монеты древнего Хорезма.

[73] С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 175, 184, там же литература вопроса.

со II в. до н. э. или несколько позже, то происхождение из Восточного Туркестана племен, из которых вышли династии, требует уточнения. Основанием для этого могло послужить обозначение этих кочевников по сходству с кушанами и в связи с их соучастием в разгроме Греко-Бактрии как Юечжи. Название правящих родов Чжаову, якобы восходящее к названию города в Восточом Туркестане, могло в действительности обозначать общее название той группы родственных кочевых племен, которая принимала активное участие в событиях II в. до н. э., развернувшихся на территории Средней Азии, и из которой вышли правящие династии Хорезма, Бухары и Согда, просуществовавшие до VIII в. н. э. Представление о том, что «владетельный дом Кан есть отрасль кангюйского дома», служит основой для отождествления подчиненных Кану владений с пятью малыми владениями Кангюя. Вместе с тем хроника, исходя из современных ей фактов, во всех этих владениях отмечает правителей из Чжаову, что показывает их реальную связь с Каном, а не с Кангюем. На наш взгляд, изложенные выше данные не позволяют ставить знак равенства между Юечжи Чжаову и кушанами («Большие Юечжи»), оснований для этого нет и в источниках, поэтому происхождение династий Самарканда, Бухары и Хорезма от юечжи дома Чжаову не означает их кушанского происхождения. Исходя же из имеющихся в нашем распоряжении письменных источников и нумизматических материалов, мы можем высказать предположение о том, что на территории Согда во II—I вв. до н. э. возникли политические объединения, возглавляемые кочевыми владетелями, принадлежащими к иному, юечжийскому «дому» (роду, семье), чем кушаны. Их власть не позже начала I в. до н. э. распространилась и на Хорезм, следствием явилось появление хорезмийского монетного чекана в подражание тетрадрахмам Евкратида. Возможно, именно существование этих юечжийских владений ограничивало на юге власть Кангюя и препятствовало продвижению власти кушанского дома на север (к северу от Бактрии). Часто встречающееся в литературе мнение о том, что в I в. до н. э.— на рубеже эр — Кангюй распространял свою власть на Согд[74], основано на смешении поздними китайскими хрониками представлений о Кане (Согде) и Кангюе. Китайские хроники и античные источники упоминают различные племена, принимавшие участие в низвержении Греко-Бактрии, существует обширная литера-

[74] W. W. Tarn, The Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1951, стр. 307; J. Markwart, Eranšahr, Berlin, 1901, стр. 205; W. M. Mc. Govern, The early empires of Central Asia, New York, 1939, стр. 134; Б. Я. Ставиский, ИТН, 1963, стр. 345; Б. А. Литвинский, Кангюйско-сарматский фарн, Душанбе, 1968, стр. 16 и сл.

тура, посвященная выяснению соответствий имен кочевых племен в этих двух группах источников[75]. В широкое движение кочевых племен во II в. до н. э. были вовлечены различные племенные группы. Поэтому задачей будущего является и выяснение этнической принадлежности той группы этих племен, которая получила в китайских хрониках название «Юечжи дома Чжаову», с которой можно связывать и хионитов группы «Гобозико», чеканивших в конце IV — первой половине V в. монету в Тохаристане.

К сожалению, имеющийся в нашем распоряжении довольно значительный материал по тамгам не может в достаточной мере привлекаться к решению вопроса о происхождении «дома Чжаову». В археологической литературе по Средней Азии в последние годы довольно часто высказывалось мнение о сарматском (или, осторожнее, северном) происхождении части кочевых племен, принимавших участие в разгроме Греко-Бактрии[76]. Как будто мы можем привлечь материал по тамгам для подтверждения этого тезиса (см. табл. 2). Если прямые совпадения царских тамг «дома Чжаову» на монетах Хорезма и Согда и сарматских знаков Северного Причерноморья как будто бы не так часты и встречаются на ограниченном числе памятников[77], то число знаков, представляющих собою отдельные элементы подобного рода или варианты их, уже довольно значительно[78]. К числу тамг «дома Чжаову», вне всякого сомнения, относятся три варианта тамг, представленных на монетах, известных по кладу с городища Дальверзин Ташкентского оазиса и отдельным экземплярам в коллекциях среднеазиатских музеев (табл. 2, 11—13)[79]. Один из вариантов этой тамги встречен на серебряном блюде с изображением охотящегося на кабанов кушаншаха — сасанидского царевича, правившего на востоке «ку-

---

[75] J. Markwart, Eranšahr, стр. 204—210; W. W. Tarn, The Greeks in Bactria, стр. 284—288, 292—297; A. K. Narain, Indo-Greeks, 1950, стр. 131; J. E. van Lohuizen de Leew, The «Scythian» period, Leiden, 1949, стр. 43—50; С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 242—247; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 139—141 и др.

[76] О. В. Обельченко, Кую-Мазарский и Лявандакский могильники — памятники древней культуры Бухарского оазиса (автореферат канд. дисс.), Ташкент, 1954; А. М. Мандельштам, Кочевники на пути в Индию,— МИА, № 136, стр. 159—162.

[77] Э. И. Соломоник, Сарматские знаки Северного Причерноморья, Киев, 1959, № 38, 42, 43, 47, 57, 58 (ср. табл. 2, 30—34).

[78] Там же, № 18, 23, 41—43, 44, 47, 52, 55, 59, 61, 63, 65, 69, 70 и др. (ср. табл. 2, 27—29, 36—38).

[79] С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 184; М. Е. Массон, Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1930 и 1931 гг.,— Материалы Узкомстариса, вып. 3, Ташкент, 1933, стр. 7—8; В. М. Массон, Хорезм и кушаны (Некоторые вопросы хорезмийской нумизматики),— ЭВ, XVII, М.— Л., 1966, стр. 80.

Таблица 1. Монетные чеканы IV — V вв. (сводная синхронистическая таблица)

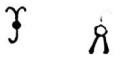
Сасанидские шахиншахи	Кушано-сасанидские правители по В. Г. Луконину	Кидариты по Р. Гёблю	Подражание чекану сасанидских шахиншахов		Надчеканы на монетах Сасанидов
			с бактрийскими надписями	без бактрийских надписей (исходный тип)	
Шапур II 309 — 379	Шапур — a/1 368 — 371				
	Арташир — в/5 371 — 379				
Арташир II 380? — 383	Пероз — c/2, c/4, c/6 379 — 381				
	Хормизд — d,d 1/2, d1/3, d1/4, d1/6, d,d1/7				
Шапур III 383 — 388	Варахран I — e/7 384 — 389		Хиониты		
	Варахран II — f/6, f/7 389 — 440??	с 385 г.	ALXON		
			Эм. 36 (2,3) *	ГОВОZIKO	
Варахран IV 389? — 399	↓ ??	Эм. 11—18; Bd 1, стр. 24	Эм. 36(1) → Эм. 39	Эм. 33 → Эм. 32A (Термез) → Эм. 32B (ГИМ)	Эм. 30, 31** Р. Гёбль III табл. 6, IX,1+6 экз. из ГИМ 7 экз. из ГИМ
Ездигерд I 399 — 420					
Варахран V 420 — 438					

Ездигерд II 438 — 457	Хормизд — g/7 450 — 457	до 440 г.	Эм. 40	Эм. 32 до 40-х годов	+Эм. 282(4)?	Эм. 282 есть тамга
Хормизд III 457 — 459	Пероз — h/7 457 — 459	?	—193			
Пероз 459 — 484			↓	Эфталиты Эм. 287***		Эм. 283
Валаш 484 — 488				↓		Эм. 284
Кавад 488—497, 499—531						
				с 499 г.? Эм. 287A (Термез)		Эм. 285
				↓		
Хосров I 531 — 579				Эм. 288		Эм. 286
				↓		
				Эм. 289 (Чаганиан?)		
				↓		
				с надчеканами до начала VIII в.		

* Может быть после 388 г.
** Эм. 31 с надписью брахми на об. ст.
*** После 467 или 476 г. (по типу короны), см.: Р. Гёбль. Есть с надчеканами в виде бактрийских, согдийских надписей, тамги .

Таблица 2. Сравнитель

	Хионит Тохаристана	Согд		Ташкентский оазис
		Самарканд	Бухара	
Монеты				
	1 2	4 5 6	9	11 12 13
	3	7 8	10	
Другие виды памятников				
	22	23		24

Хорезм	Казахстан	Сев. Причерноморье (сарматы)	Районы к югу от Гиндукуша
14 15 16 17 18			 19 20 21
	25 26	27 28 29 30 31 32 33 34	
35		36 37 38	

шанским царством»[80]. Блюдо датируется IV в., на нем имеется согдийская надпись, содержащая, по мнению ее исследователей, группу знаков, которую можно истолковать как нисбу, происходящую от древнего названия Ташкентского оазиса — Чач[81]. Вероятно, в III—IV вв. в Чаче у власти стояла династия, происходящая из «дома Чжаову». Знаки, близкие к тамгам чачской династии III—IV вв., встречены в Казахстане[82] (табл. 2, 25).

Вместе с тем отсутствие аналогичного сарматскому собрания тамг из других районов (и особенно из районов к востоку от Средней Азии) не дает оснований сделать вывод о сарматском происхождении династийных тамг «дома Чжаову». Так, например, вариант тамги правителей Бухары встречается на монетах сакских царей Матхуры[83] (табл. 2, 21).

В Западной Монголии среди петроглифов также отмечены близкие знаки, что как будто бы не дает оснований отрицать и вариант восточного происхождения интересующей нас группы племен. Во всяком случае, несомненно, можно сделать вывод о том, что хионитские правители Тохаристана конца IV — первой половины V в. принадлежали к скотоводческим (кочевым) иранским племенам, появившимся на политической арене в Средней Азии еще в эпоху падения Греко-Бактрийского царства. Когда они появились в Тохаристане, по имеющимся материалам сказать нельзя.

---

[80] Я. И. Смирнов, Восточное серебро, СПб., I, 1909, табл. XXV, 53; E. Herzfeld, Kushano-Sassanian Coins,— MASJ, Calcutta, 1930, № 38, стр. 22; В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах, ВДИ, 1964, № 3, стр. 170.

[81] Там же, стр. 170—171.

[82] Э. И. Соломоник, Сарматские знаки, стр. 18—19.

[83] J. K. Jenkins and O. K. Narain, The Coin-types of the Sakapahlava kings of India,— «Numismatic Notes and Monographs», The Numismatic Society of India, 1957, № 4, стр. 29.

О. Н. Щеголев

ИССЛЕДОВАНИЯ КАРА-ТЕПЕ В 1961—1970 гг. В ОСВЕЩЕНИИ ПЕЧАТИ[1]

(АННОТИРОВАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ)

В предлагаемый перечень не вошли работы, содержащие только упоминания раскопок на Кара-тепе без какой-либо их характеристики.

I. Научные публикации, отчеты, сообщения, тезисы докладов, рецензии

1. ГРЕК Т. В. Индийские надписи на керамике из Кара-тепе,— «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1961 год», Л., 1962, стр. 22.

   Первое определение шрифтов (брахми и кхарошти), языка и содержания надписей из раскопок Кара-тепе в 1961 г.

2. СТАВИСКИЙ Б. Я. Раскопки буддийского монастыря Кара-тепе в Старом Термезе,— «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1961 год», Л., 1962, стр. 20—22.

   Первое сообщение о раскопках Кара-тепе по материалам 1961 г.: состав комплексов, находки (керамика, обломки архитектурной и скульптурной декорации, монеты, индийские надписи) и датировка.

3. PTCHELINA E. G., STAVISKY B. J., Kara-tepe — Remains of Buddhist Monastery of the Kushan Period in old Temrez,— «Indo-Asian Studies», pt I, New Delhi, 1963, стр. 193—202, 10 илл.

   Сообщение о раскопках 1937 и 1961 гг.: планировка раскопанных помещений, находки архитектурных и скульптурных фрагментов, керамики, монет и надписей.

4. СТАВИСКИЙ Б. Я. Раскопки Кара-тепе — буддийского монастыря I—III вв. в Старом Термезе,— «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1962 год», Л., 1963, стр. 38—39

   Краткая информация о раскопках 1962 г.: уточнение планировки, находки фрагментов статуй, остатков орнаментальных росписей, граффити и надписи, в том числе кушанским письмом.

---

[1] Включены работы, вышедшие до 1 июня 1971 г. О работах, посвященных раскопкам на Кара-тепе до 1961 г., см.: Пчелина Е. Г., Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Старом Термезе,— сб. «Материалы совместной археологической экспедции на Кара-тепе», М., 1964, стр. 99.

5. СТАВИСКИЙ Б. Я. Раскопки Кара-тепе в Старом Термезе в 1961 г.,— СГЭ, XXIV, 1963, стр. 58—60, илл.

Краткий отчет о раскопках 1961 г.: планировка, находки, в том числе 6 монет и надписи брахми и кхарошти, датировка (конец I—III вв.).

6. ШИШКИН В. А. Узбекистанская археологическая экспедиция 1961 г. (Предварительное сообщение о полевых работах экспедиции),— ИМКУ, вып. 4, 1963, стр. 5—22.

Стр. 19—20 — информация о начале работ на Кара-тепе: находки, в том числе надписи, монеты и особенности планировки раскрытых участков.

7. ГРЕК Т. В. Индийские надписи на керамике из Кара-тепе,— «Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе», М., 1964, стр. 62—81, илл.

Публикация и анализ надписей, найденных при раскопках Кара-тепе в 1961—1962 гг. на черепках глиняных сосудов:

стр. 62—74 — I. Надписи кхарошти;

стр. 74—80 — II. Надписи брахми;

стр. 80—81 — Заключение.

8. ЛИВШИЦ В. А. Бактрийские надписи из Кара-тепе,— «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1963 год», М., 1964, стр. 51—52.

Краткая характеристика языка надписей, открытых в 1962 и 1963 гг.

Ср. № 4.

8а. МАТЕРИАЛЫ совместной археологической экспедиции на Кара-тепе. Под общей редакцией Б. Я. Ставиского (I).

Т. В. Грек, Е. Г. Пчелина, Б. Я. Ставиский. Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. Основные итоги работ 1937, 1961—1962 гг. и индийские надписи на керамике, М., 1964, 110 стр., 48 илл.

См. № 7, 9.

Рец.— см. № 14, 30.

9. СТАВИСКИЙ Б. Я. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг.,— «Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе», М., 1964, стр. 7—61, илл.

Отчет включает разделы:

стр. 9—22 — I. Раскопанные сооружения: а. Центральный двор и надземная постройка; б. Пещерные сооружения;

стр. 22—44 — II. Отдельные находки: а. Фрагменты ганчевых статуй; б. Каменные архитектурные украшения; в. Стенные росписи; г. Рисунки-граффити; д. Культовые предметы; е. Керамика; ж. Монеты; з. Надписи; и. Прочие находки;

стр. 44—47 — III. Назначение и датировка вскрытых помещений;

стр. 47—61 — IV. Раскопки Кара-тепе и некоторые историко-культурные вопросы: 1. Материалы из Кара-тепе и вопрос о культуре и искусстве Бактрии (Тохаристана) при кушанах; 2. Раскопки Кара-тепе и вопрос о времени, условиях и путях распространения буддизма;

3. Кара-тепе и вопрос о значении буддизма в истории культуры и искусства народов Средней Азии.

10. СТАВИСКИЙ Б. Я. Раскопки Кара-тепе в Старом Термезе и открытие первых надписей «кушанским письмом» на территории Узбекистана,— «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам научной работы Гос. Эрмитажа за 1963 год», Л., 1964, стр. 48—51.

Краткая информация о раскопках 1963 г. и находках бактрийских надписей в кругу известных тогда памятников.

11. СТАВИСКИЙ Б. Я. Работы среднеазиатской экспедиции в 1964 г.,— «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам научной работы Гос. Эрмитажа за 1964 год», Л., 1965, стр. 23—24.

Краткая информация о раскопках 1964 г., в том числе о среднеперсидских надписях.

12. СТАВИСКИЙ Б. Я. Раскопки Кара-тепе в Старом Термезе в 1962 г.,— СГЭ, XXIV, 1965, стр. 57—59, илл.

Краткий отчет о раскопках 1962 г.: планировка, находки, росписи и надписи.

13. FRUMKIN Gr. Archaeology in Soviet Central Asia. VI. Uzbekistan, excluding Khorezm,— «Central Asian Review», vol. XIII, № 3, 1965, стр. 239—257.

Стр. 242—243, 251—252 — общая характеристика находок на Кара-тепе по данным за 1961—1964 гг.; особо отмечены найденные надписи.

14. КОШЕЛЕНКО Г. А. [Рец. на «Материалы совместной археологической экспедиции...», М., 1964],— ВДИ, 1966, № 2 (96), стр. 191—193.

В рецензии дана общая положительная оценка сборника. Рецензент полагает, однако (вопреки мнению Ставиского — см. № 8), что буддизм появляется в Бактрии в более раннее время, указывая на роль Парфии в этом процессе. Им отмечено, что в сборнике не учтены результаты работ экспедиции К. Фишера в Афганистане и некоторые новейшие исследования.

15. СТАВИСКИЙ Б. Я. Новые данные о Кара-тепе,— «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1965 год», Л.— М., 1966, стр. 23—24.

Краткая информация о раскопках 1965 г.

16. СТАВИСКИЙ Б. Я. Раскопки в Старом Термезе в 1963—1964 гг.,— СГЭ, XXVII, 1966, стр. 86—87.

Краткая информация о раскопках 1963—1964 гг.

17. СТАВИСКИЙ Б. Я. Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе в свете работ 1966 г.,— «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1966 год», Л., 1967, стр. 54—55.

Краткая информация о раскопках 1966 г.

18. СТАВИСКИЙ Б. Я. Раскопки буддийских комплексов на Кара-тепе в Старом Термезе,— АО 1966, 1967, стр. 311—312.

Краткая информация о раскопках Кара-тепе в 1966 г.

19. СТАВИСКИЙ Б. Я. Раскопки Кара-тепе — буддийского культового центра кушанского Термеза,— АО 1967, 1968, стр. 337—338, илл.

Информация о раскопках Кара-тепе в 1967 г.

20. ЮДОЧКИНА (СЫЧЕВА) Н. С. Керамика в Кара-тепе,— «Проблемы археологии Средней Азии»,— «Тезисы докладов и сообщений к совещанию по археологии Средней Азии. 1—7 апреля 1968 г.», Л., 1968, стр. 46.

Общая характеристика керамики кушанского времени из раскопок Кара-тепе в 1961—1966 гг.

21. ЛИВШИЦ В. А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе,— «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе», М., 1969, стр. 47—81, илл.

Сводка и анализ памятников бактрийской письменности. Публикация и анализ бактрийских надписей, найденных на Кара-тепе до 1964 г.

22. ЛУКОНИН В. Г. Среднеперсидские надписи из Кара-тепе,— «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе», М., 1969, стр. 40—46, илл.

Публикация и анализ двух среднеперсидских надписей-граффити из пещерного храма на Кара-тепе.

Ср. № 11.

22а. МАТЕРИАЛЫ совместной археологической экспедиции на Кара-тепе. Под общей редакцией Б. Я. Ставиского.

Б. Я. Ставиский, Я. Харматта, В. А. Лившиц, В. Г. Луконин, В. А. Мешкерис. Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе, М., 1969, 184 стр., 45 илл.

См. № 21, 22, 23, 25, 28, 29.

23. СТАВИСКИЙ Б. Я. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг.,— «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе», М., 1969, стр. 7—31, илл.

Отчет включает разделы:

стр. 8—17 — I. Раскопанные сооружения: а. Первая группа монастырских построек (комплекс А); б. Вторая группа монастырских построек (комплекс Б); в. Вновь открытые группы пещерных помещений П-IV и П-V;

стр. 17—27 — II. Отдельные находки: а. Керамика; б. Детали каменной облицовки с «бетоном»; в. Рисунки-граффити; г. Надписи;

стр. 28—31 — III. Некоторые выводы.

24. СТАВИСКИЙ Б. Я. Раскопки Кара-тепе — буддийского культового центра в кушанском Термезе в 1965—1967 гг.,— СГЭ, XXX, 1969, стр. 63—64.

Краткий отчет о раскопках 1965—1967 гг.; особо отмечаются билингва и каменные блоки из скульптурных групп.

25. СТАВИСКИЙ Б. Я. Фрагменты каменных рельефов и деталей архитектурного убранства из раскопок Кара-тепе 1961—1964 гг.,— «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе», М., 1969, стр. 139—169, илл.

Публикация и анализ находок на Кара-тепе в 1961—1964 гг.:

стр. 140—144: а) орнаментальные полосы с розетками;

стр. 144—146: б) фигурки Будды (?);

стр. 146—149: в) изображения аркад с людьми;

стр. 149—152: г) изображения тигров (?);

стр. 152—158: д) элементы архитектурного орнамента;
стр. 158: е) прочие фрагменты;
стр. 158—164: ж) архитектурные детали.

26. СЫЧЕВА Н. С. Керамика из кельи пещерного храма П-II,— СГМИНВ, II, 1969, стр. 89—106, илл.

Подробный анализ позволяет выделить две последовательные группы керамики.

27. СЫЧЕВА Н. С. Сравнительный анализ керамики из комплексов «А» и «Б» Кара-тепе в Старом Термезе,— СГМИНВ, I, 1969, стр. 68—74, вкл. илл.

Попытка выделения ранней и поздней группы керамики.

28. ХАРМАТТА Я. К интерпретации индийских надписей на керамике из Кара-тепе,— «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе», М., 1969, стр. 32—39.

Анализ индийских надписей на керамике, найденных на Кара-тепе в 1961—1962 гг. и ранее опубликованных Т. В. Грек (см. № 7).

29. HARMATTA J. The Bactrian Wall-Inscription from Kara-tepe,— «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе», М., 1969, стр. 82—125, илл.

Перевод и интерпретация надписей, найденных на Кара-тепе до 1964 г. (на керамике и граффити на стенах).

30. BRENTJES B. [Рец. на «Материалы совместной археологической экспедиции...», М., 1964/1969].— «Bibliotheca Orientalis», Leiden, 1970, стр. 896.

Развернутая аннотация на оба выпуска «Материалов...». Особо отмечается дата в среднеперсидской надписи, относимой к Шапуру II (см. № 22).

31. СТАВИСКИЙ Б. Я. Исследование буддийского культового центра на холме Кара-тепе в Старом Термезе,— АО 1970, 1971, стр. 417—419, илл.

Краткая информация о раскопках Кара-тепе в 1970 г.; уточняется дата гибели комплекса (конец IV в.).

II. Кара-тепе и проблемы взаимодействия культур [1]

32. СТАВИСКИЙ Б. Я. Средняя Азия, Индия, Рим (К вопросу о международных связях в кушанский период) — «Индия и древности», М., 1964, стр. 166—187, илл.

Стр. 171—175 — изложение данных раскопок 1961—1962 гг. в связи с проблемами буддийской традиции о распространении буддизма в Средней Азии.

33. СТАВИСКИЙ Б. Я. Некоторые вопросы истории буддизма в Средней Азии (Из итогов раскопок Кара-тепе — буддийского пещерного мона-

[1] Вопросы, связанные с данной темой, рассматриваются также в работах № 3, 9, 14, 21—23, 25, 28, 29, 49—51, 53, 57.

стыря в Старом Термезе),— Географическое общество СССР. Доклады по этнографии. Вып. I (4), Л., 1965, стр. 28—40, илл.

Рассматривается вопрос о времени распространения буддизма и становления его в Бактрии в свете раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг.

34. МАССОН В. М. Археологические памятники Средней Азии и греко-римские влияния и связи,— Accademia Nationale dei Lincei, anno CCCLXIII, Quaderno № 76, Roma, 1966, стр. 335—356, 10 tav., 1 dis. in testo.

Стр. 347 — в соответствии с темой приводятся соображения о подражании некоторых типов керамики из Кара-тепе римским (см. № 10); аналогично — по архитектурной декорации и скульптуре.

35. ЛИВШИЦ В. А. Cuśano-Indica,— «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран», М., 1967, стр. 161—171.

Стр. 163 — упоминание надписей из Кара-тепе в связи с памятниками бактрийского письма.

Стр. 166, 170 — надпись на черепке из Кара-тепе в связи с проблемами палеографии.

36. ГАФУРОВ Б. Г. Кушанская эпоха и мировая цивилизация (Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху), М., 1968.

Стр. 14 — на примере храмов Кара-тепе отмечается наследование буддизмом архитектурной традиции Передней и Средней Азии.

То же. На английском языке: стр. 15.

То же: в кн.: «Kushan Studies in USSR (Soviet Indology Series, № 3)», Calcutta, 1970, стр. 80—82.

37. LITVINSKY B. A., Outline History of Buddhism in Central Asia, International Conference on the History, Archaeology and Culture of Central Asia in the Kushan Period), M., 1968.

Стр. 9—10 — приведены данные надписей из Кара-тепе в трактовке Я. Харматта (см. № 28, ср. № 39).

Стр. 21—24 — по тексту, представленному Б. Я. Стависким, приводится описание планировки наземной части святилища, находок архитектурного декора, связываемого с предполагаемой ступой, скульптурных обломков и надписей: на черепках (на бактрийском языке), на стенах (бактрийские и среднеперсидские) и билингва (санскрит-бактрийский)

Стр. 27—28 — по соображениям Я. Харматта (см. № 28) в отношении датировки описывается появление зороастрийцев в Кара-тепе.

То же: в кн.: «Kushan Studies in USSR (Soviet Indology Series, № 3)», Calcutta, 1970, стр. 20—23.

38. ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Распространение буддизма в Средней Азии. «Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Тезисы докладов и сообщений советских ученых», М., 1968, стр. 32—34.

Стр. 33 — общая характеристика находок Кара-тепе среди памятников буддизма юга Средней Азии.

То же. На английском языке: стр. 34—36.

39. ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Среднеазиатские народы и распространение буддизма (III в. до н. э.— III в. н. э., письменные источники и лингвистические данные),— «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 128—135.

Стр. 128, 130, 131 — в развитие анализа появления буддизма в Средней Азии используются данные надписей из Кара-тепе в трактовке Я. Харматта (см. № 28).

40. СТАВИСКИЙ Б. Я. Кара-тепе и вопросы истории и культуры кушанской Бактрии,— «Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Тезисы докладов и сообщений советских ученых», М., 1968, стр. 58—60.

Общая характеристика работ экспедиции на Кара-тепе и находок в связи с историко-культурными проблемами кушанской Бактрии.

То же. На английском языке: стр. 60—62.

То же: в кн.: «Kushan Studies in USSR (Soviet Indology Series, № 3)», Calcutta, 1970, стр. 181—182.

41. СТАВИСКИЙ Б. Я. Средняя Азия и Древняя Индия (Историко-культурные взаимовлияния и связи),— Доклады Географического общества СССР. Вып. 5. М., 1968, стр. 182—200.

Стр. 190—193 — изложение результатов работ в Кара-тепе 1961—1966 гг. в связи с индийской, по преимуществу — буддийской, традицией.

42. BONGARD-LEVIN G. M. India and Central Asia. Historical-Cultural Contacts in Ancient Times, M., 1969.

Стр. 8—9 — материалы из Кара-тепе рассмотрены в связи с развитием второго этапа взаимодействия с индийской культурой.

43. ЛУКОНИН В. Г. Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии,— ВДИ, 1969, № 2 (108), стр. 20—44.

Стр. 44, прим. 135—в связи с темой статьи привлекаются данные (археологические и эпиграфические) из Кара-тепе.

43а. HUMBACH H., Kara Tepe — Tochi — Surkh Kotal,— «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», Heft 28, München, 1970, стр. 43—50.

Автором уточнены чтения бактрийских надписей Точи и Сурх-Котала на основе чтения бактрийских надписей Кара-тепе В. А. Лившицем (см. № 21) и Я. Харматтой (см. № 29). Приведены соображения по чтению дат в надписях. Русский текст см. настоящий сборник, стр. 122—128.

III. Обобщающие научные труды и научно-популярная литература

44. СТАВИСКИЙ Б. Я. Средняя Азия в кушанский период,— «История таджикского народа», т. I, М., 1963, гл. VIII,, стр. 341—400, илл., примечания на стр. 540—549.

Стр. 377—378 — в разделе «Культура Северной Бактрии» приведено описание монастыря на Кара-тепе.

45. МАССОН В. М. Страна тысячи городов, М., 1966.

Стр. 54, 55, 58 — описание монастыря на Кара-тепе и находок по данным публикаций до 1965 г.

46. НИЛЬСЕН В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.), Ташкент, 1966.

Стр. 281—282 — живопись и граффити из Кара-тепе в традиции монументальной живописи Средней Азии.

Стр. 295 — скульптура из Кара-тепе в традиции архитектурного декора Средней Азии.

47. СТАВИСКИЙ Б. Я. Между Памиром и Каспием (Средняя Азия в древности), М., 1966.

Стр. 216, 218—224 — описание монастыря на Кара-тепе и основных находок; приведены план, фотографии скульптурных обломков и керамики.

Стр. 228—232 — рассказ о находках надписей на черепках и стенах монастыря на Кара-тепе с примерами опытов их дешифровки.

48. ТРЕВЕР К. В. Кушанское царство (I—IV вв.) — «История Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1967, стр. 137—148.

Стр. 146 — краткая характеристика материалов из Кара-тепе.

49. FRYE R. N. The Significance of Greek and Kushan Archaeology in the History of Central Asia,— «Journal of Asian History», Wiesbaden, 1967, vol. 1, pt 1, стр. 33—34.

Привлекается среднеперсидская надпись СП-1, ошибочно относимая к Пенджикенту.

50. КОЧЕТОВ А. Н. Буддизм, М., 1968.

Стр. 126 — приводятся краткие сведения о раскопках Кара-тепе, рассматриваемого как памятник хинаянистского круга.

51. STAVISKY B. Ya., BONGARD-LEVIN G. M. Central Asia in the Kushan Period. (International Conference on the History, Archaeology and Culture of Central Asia in the Kushan Period), M., 1968.

Стр. 9, 10, 15, 17, 19, 21—23 — в связи с разными вопросами изучения кушанской эпохи приводятся материалы из Кара-тепе (планировка комплексов, надписи и т. д.).

То же: в кн.: «Kushan Studies in USSR (Soviet Indology Series, № 3)», Calcutta, 1970, стр. 27—52.

52. СТАВИСКИЙ Б. Я. Кара-тепе в Старом Термезе,— «Культура и искусство Средней Азии в кушанскую эпоху». Каталог выставки (Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху), Л., 1968, стр. 60—62.

Краткое описание работ и находок на Кара-тепе. Описание № 580—609 экспозиции.

53. БОНГАРД-ЛЕВИН Г. М., ИЛЬИН Г. Ф. Древняя Индия, Исторический очерк, М., 1969.

Стр. 686 — краткая характеристика Кара-тепе в кругу проблем индийского влияния.

54. СТАВИСКИЙ Б. Я. Археологические работы музея в Средней Азии. Краткая справка (Гос. музей искусства народов Востока. К 50-летию музея), М., 1969, стр. 16—20.

Стр. 16—20—краткая информация о работах на Кара-тепе в 1961—1968 гг. Итоги и значение этих работ.

55. ПУГАЧЕНКОВА Г. А. Архитектура Средней Азии,— «Всеобщая история архитектуры», т. I (изд. 2), М., 1970, гл. 8, стр. 348—365, илл.

Стр. 360—361 — суммарная характеристика архитектурных комплексов Кара-тепе по данным раскопок 1961—1962 гг.

56. СТАВИСКИЙ Б. Я. В стране Роксаны и Тимура, М. (1970), стр. 40—75, 154 (библиография), илл.

Раздел «Буддийские святыни Черного холма», беллетризованный рассказ о составе и истории комплекса Кара-тепе.

57. СЫЧЕВА Н. С. История изучения керамики Северной Бактрии кушанского времени,— СГМИНВ, III, 1970, стр. 36—58.

Стр. 37, 47—48, 52 в аспекте темы упоминаются исследования керамики из Кара-тепе.

58 FRUMKIN Gr. Archaeology in Soviet Central Asia, Leiden/Köln, 1970.

Стр. 111—113, 127, 147, илл. XLII — приведены основные данные исследования Кара-тепе.

IV. Информация в научной печати

59. АЛЬБАУМ Л. И. Сессия отделения исторических наук АН СССР, посвященная итогам полевых исследований 1961 года,— ОНУ, 1962, № 6, стр. 63—64.

Стр. 64 — сообщение о докладе на сессии Б. Я. Ставиского по раскопкам Кара-тепе.

60. Л. М. Сессия отделения исторических наук и институтов археологии и этнографии АН СССР,— ВДИ 1962, № 4(82), стр. 178—184.

Стр. 183 — сообщение о докладе Б. Я. Ставиского по раскопкам Кара-тепе; особо отмечаются фрагменты сосудов с индийскими надписями.

61. ИВАНОВ А. А. Востоковедные доклады на сессии Государственного Эрмитажа,— НАА, 1964, № 6, стр. 218—219.

Стр. 219 — сообщение о докладах В. А. Лившица и Б. Я. Ставиского на сессии по раскопкам и определению языка надписей из Кара-тепе.

См. № 8 и 10.

62. КОЖИН П. М. Сессия отделения истории и пленум института археологии АН СССР,— СА, 1965, № 1, стр. 340—346.

Стр. 345 — сообщение о докладе на сессии Б. Я. Ставиского по раскопкам Кара-тепе в 1964 г.

63. ИВАНОВ А. А. Востоковедные доклады на сессии Государственного Эрмитажа,— НАА, 1965, № 6, стр. 221—223.

Стр. 222 — сообщение о докладе на сессии Б. Я. Ставиского по работам среднеазиатской экспедиции 1964 года, в том числе на Кара-тепе.

См. № 11.

64. РАПОПОРТ И. В. Востоковедные доклады на сессии Государственного Эрмитажа,— НАА, 1966, № 6, стр. 170—171.

Стр. 170 — сообщение о докладе Б. Я. Ставиского на сессии по раскопкам пятого полевого сезона в Кара-тепе.

См. № 15.

65. КОЖИН П. М. Сессия отделения истории и пленум института археологии АН СССР,— СА, 1967, № 2, стр. 289—295.

Стр. 293 — указан доклад Б. Я. Ставиского на сессии — «Итоги пяти лет раскопок Кара-тепе в Старом Термезе».

66. Восточный факультет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова,— НАА, 1967, № 4, стр. 248—249.

Стр. 249 — сообщение о докладе Т. В. Грек и В. А. Лившица «Санскритско-бактрийская билингва из Кара-тепе» на заседании Семинара ленинградских иранистов.

67. Государственный Эрмитаж,— НАА, 1968, № 1, стр. 243.

Сообщение о докладе Б. Я. Ставиского на отчетной сессии, посвященной научной работе музея по результатам шестого полевого сезона раскопок в Кара-тепе.

См. № 17.

68. КАСЫМОВ М. Р. Археологические работы в Узбекистане,— АО, 1967, 1968, стр. 326—332.

Стр. 329 — краткая информация о раскопках на Кара-тепе.

Ср. № 19.

69. ХАРЬКОВ Л. Н. Международная конференция по кушановедению,— ВИ, 1969, № 5, стр. 184—189.

Стр. 185, 186 — приведены изложения докладов Б. Я. Ставиского (см. № 40) и Я. Харматты, из которых акцентированы проблемы чтения надписей, открытых на Кара-тепе.

70. AZARPAY G. The Kushan Conference in Dushanbe, «Archaeology», New York, vol. 23, № 3, June 1970, стр. 254—257.

Стр. 256 — краткое изложение докладов: В. А. Лившица о бактрийских надписях (в том числе из Кара-тепе); Я. Харматты — о надписях из Кара-тепе и Б. Я. Ставиского (см. № 40).

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

(ПО НОМЕРАМ БИБЛИОГРАФИИ)

Азарпай Г. (Azarpay G.) 70
Альбаум Л. И. 59
Бонгард-Левин Г. М. 42, 51, 53
Брентжес В. (Brentjes B.) 30
Гафуров Б. Г. 36
Грек Т. В. 1, 7
Иванов А. А. 61, 63
Ильин Г. Ф. 53
Касымов М. Р. 68
Кожин П. М. 62, 65
Кочетов А. Н. 50
Кошеленко Г. А. 14
Лившиц В. А. 8, 21, 35
Литвинский Б. А. 37—39
Луконин В. Г. 22, 43
Массон В. М. 34, 45
Нильсен В. А. 46
Пугаченкова Г. А. 55
Пчелина Е. Г. 3
Рапопорт И. В. 64
Ставиский Б. Я. 2—5, 9—12, 15—19, 23—25, 31—33, 40, 41, 44, 47, 51, 52, 54, 56
Сычева Н. С. 20, 26, 27, 57
Тревер К. В. 48
Фрай Р. Н. (Frye R. N.) 49
Фрумкин Г. (Frumkin Gr.) 13, 58
Харматта Я. (Harmatta J.) 28, 29
Харьков Л. Н. 69
Хумбах Х. (Humbach H.) 43а
Шишкин В. А. 6
Юдочкина Н. С.— см. Сычева Н. С.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рисунки в тексте

Рис. 1. План раскопа 1971 г. 10
Рис. 2. Комплекс А. Храм П-I. Центральное помещение (святилище). Архитектурные разрезы: а) по линии С — Ю; б) по линии З — В 14
Рис. 3. Комплекс Б. Лестница над пещерной кельей: а) план; б) профиль по линии З — В 17
Рис. 4. Комплекс Б. Храм П-II. Северный коридор, вид с востока (зарисовка) 18
Рис. 5. Комплекс Б. Храм П-II. Юго-западный угол (зарисовка) . 20
Рис. 6. Комплекс Б. Храм П-II. Юго-восточный угол (зарисовка) . 20
Рис. 7. Комплекс Б. Пещерная келья (архитектурный разрез) . . 22
Рис. 8. Комплекс Б. Пещерная келья, общий вид камеры (реконструкция) 23
Рис. 9. Храмовый двор комплекса Б. Северо-западный угол (зарисовка) 26
Рис. 10. Комплекс Б. Разрез напластований храмового двора по линии В — З 29
Рис. 11. Храмовый двор комплекса Б. Западный айван. Роспись северной щеки ниши. Внизу прорисовка, вверху реконструкция . 33
Рис. 12. Храм П-II. Пещерная келья. Зарисовка стен с росписью в верхней камере 34
Рис. 13. Фрагменты ганчевых лепных украшений (зарисовка) . . 36
Рис. 14. Фрагменты каменных рельефов с изображением людей (зарисовка): а) голова; б) рука с частью плеча 38
Рис. 15. Фрагменты каменных рельефов с изображением быков-зебу (зарисовка) 39
Рис. 16. Блок из мергелистого известняка с остатками росписи и позолоты (зарисовка) 40
Рис. 17. Раскоп и зачистка внешнего вала городища Старого Термеза; план и разрезы 63
Рис. 18. Костяки в святилище храма П-I. Схема 69
Рис. 19. Костяки в южном обходном коридоре храма П-II. Схема . 70
Рис. 20. Металлические поделки, найденные в слое захоронений в храмах П-I и П-II (зарисовка) 71
Рис. 21. Фрагменты каменных рельефов (зарисовка): а) изображение Будды; б) архитектурный мотив 75
Рис. 22. Храмовый двор комплекса Б. Роспись на стене южного айвана. Западная часть (прорисовка) 76
Рис. 23. Храмовый двор комплекса Б. Роспись на стене южного айвана. Восточная часть (прорисовка) 77
Рис. 24. Храмовый двор комплекса Б. Изображение Будды из росписи южного айвана (зарисовка) 79
Рис. 25. Архитектурные детали из мергелистого известняка: а) угловой блок от основания платформы в наземном святилище; б) база от пристенного столба 86
Рис. 26. «Северный двор». Вид с запада (зарисовка) 87

Рис. 27. Комплекс Б. Архитектурный разрез по линии С — Ю через наземное святилище, храмовый двор и «северный двор» . . . 91
Рис. 28. Комплекс Б. Храм П-II. Северный коридор: а) вид с востока (реконструкция); б) вид с запада (реконструкция) . . . 92
Рис. 29. Комплекс Б. Храм П-II. Юго-восточный угол (реконструкция) 93
Рис. 30. Храмовый двор комплекса Б и входы в храм П-II. Вид с востока (реконструкция) 94

Таблицы

Табл. I. Комплекс Б. Вверху — северо-западный угол двора; внизу — северный коридор пещерного храма П-II, вид с северо-запада 179
Табл. II. Наземное святилище. Вверху — сохранившийся *in situ* северо-восточный угол платформы; в центре — восстановленная платформа, вид с северо-запада; внизу — востановленная платформа, вид с юга 180
Табл. III. «Северный двор», вид с юго-запада 181
Табл. IV. Голова Будды. Деталь росписи из завала южного айвана двора комплекса Б. 182
Табл. V. Голова старика-донатора. Деталь росписи из завала южного айвана двора комплекса Б. 183
Табл. VI. Изделия из мергелистого известняка. Вверху — втулка от шеста для зонтиков-чатра; внизу — навершие (?), вид сбоку и снизу 184
Табл. VII. Фрагменты каменных рельефов с изображением голов быков-зебу. Вверху — фотография; внизу — рисунок 185
Табл. VIII. Фрагменты каменных рельефов с изображением быков-зебу 186
Табл. IX. Фрагменты каменных рельефов с изображением людей. Вверху — голова, вид сбоку и спереди; внизу — рука с частью плеча 187
Табл. X. Изделия из мергелистого известняка. Вверху — часть капители (?); внизу — фрагменты зонтиков 188
Табл. XI. Фрагменты каменных рельефов с изображением листьев . 189
Табл. XII. Изделия из мергелистого известняка. Слева — фрагменты листьев; справа — фрагменты «кронштейнов» 190
Табл. XIII. Фрагменты ганчевых лепных украшений 191
Табл. XIV. Фрагменты каменных макетов ступы (?). Вверху — детали оснований; внизу — детали зонтиков, вид снизу и сверху . . 192
Табл. XV. Фрагменты крышек с изображением цветка лотоса. Вверху и в центре — вид сверху; внизу — вид сбоку 193
Табл. XVI. Мелкие находки. Вверху слева — каменный амулет (?); вверху справа — глиняные изделия; внизу — кубики красной охры 194
Табл. XVII. Фрагменты сосудов с ручками в виде животных. Вверху — сосуд из раскопа; внизу — подъемный материал . . . 195
Табл. XVIII. Фрагменты керамических изделий. Вверху слева — часть стенки сосуда; внизу слева — терракота; справа — ручка сосуда (?) 196
Табл. XIX. Черепки со свастикой и лотосом 197
Табл. XX. Черепки с индийскими надписями 198
Табл. XXI. Черепки с индийскими надписями 199
Табл. XXII. Черепок с индийской надписью 200
Табл. XXIII. Фрагменты тулова сосуда с двуязычной надписью. Вверху — индийский текст; внизу — бактрийский текст . . . 201
Табл. XXIV. Индийская надпись-граффити на южной стене южного коридора храма П-II. 202

Табл. XXV. Индийская надпись-граффити на южной стене южного коридора храма П-II. 203
Табл. XXVI. Тамгообразный знак, процарапанный на южной стене южного коридора храма П-II. 204
Табл. XXVII. Хионитские и эфталитские монеты Тохаристана. Прорисовка 205
Табл. XXVIII. Костяк в южном обходном коридоре храма П-II. . . 206
Табл. XXIX. Каменный рельеф с изображением цветка лотоса на основании (из Пешаварского музея) 207
Табл. XXX. Схема городища Старого Термеза 208

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО 1966 — «Археологические открытия 1966 года», М., 1967.
АО 1967 — «Археологические открытия 1967 года», М., 1968.
ВДИ — «Вестник древней истории», М.
ВИ — «Вопросы истории», М.
ВЦНИЛКР — Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ГО СССР — Географическое общество СССР.
ИИА АН ТССР — Институт истории и археологии Академии наук Туркменской ССР.
ИИ[А] АН ТаджССР — Институт истории [и археологии] Академии наук Таджикской ССР.
ИИА АН УзССР — Институт истории и археологии Академии наук Узбекской ССР.
ИМКУ — сб. «История материальной культуры Узбекистана», Ташкент.
ИТН — «История таджикского народа», М.
Кара-тепе, I — сб. «Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе» — Материалы совместной археологической экспедиции на Кара-тепе под общей редакцией Б. Я. Ставиского [I], М., 1964.
Кара-тепе, II — сб. «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе» — Материалы совместной археологической экспедиции на Кара-тепе под общей редакцией Б. Я. Ставиского, [II], М., 1969.
КСИА — «Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР», М.
КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР», М.— Л.
МГУ — Московский государственный университет.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР, М.—Л., М.
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркменистана, М.— Л.
НАА — «Народы Азии и Африки. История, экономика, культура», М.
ОНУ — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент.
САр — сб. «Советская археология», Л., М.— Л.
СА — журн. «Советская археология», М.
СГМИНВ — «Сообщения Государственного музея искусства народов Востока», М.
СГЭ — «Сообщения Государственного Эрмитажа», Л.
СНВ — «Страны и народы Востока», М.
ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция.
ТОВЭ — «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», Л.
ТОИПК — «Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа», Л.
Уз. ФАН СССР — Узбекистанский филиал Академии наук СССР.
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ХХШ — Хоу-Хань-Шу.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
ЭВ — «Эпиграфика Востока», Л.

APAW — «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Berlin.
BSOAS — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London Institution (University of London)».
CII — Corpus Inscriptionum Iranicarum.
CRAIBL — «Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres», Paris.
JA — «Journal asiatique», Paris.
MDAFA — «Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan», Paris — Cairo.
DK 1960 — «Date of Kaniška».
MASJ — Memoirs of the Archaeological Survey of India.

SUMMARY

The present volume is the third publication of the Materials of the archaeological excavations of Kara Tepe, the remains of a Buddhist cave monastery of the 2nd-4th centuries A. D., in Old Termez undertaken by a joint effort of the State Hermitage Museum (Leningrad), the Moscow State Oriental Arts Museum, the All-Union Central Laboratory of Scientific Research in Preservation and Restauration of Arts objects, and the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the U.S.S.R.

The first issue of the Materials 'Kara Tepe. Buddhist Cave Monastery in Old Termez' (Moscow, 1964) included an account of the explorations of 1961—62, an item concerning the history of the Kara Tepe explorations up to 1937, and a publication of the text of Indian inscriptions on ceramics found during the first two field seasons of the excavations and an interpretation thereof.

The second issue 'Buddhist Caves on Kara Tepe, Old Termez' (Moscow, 1969) appeared to acquaint archaeologists, historians and Orientalists of various fields with the results of the 1963—64 excavations including recently discovered Indian, Bactrian and Middle Persian inscriptions as well as terracottas, fragments of stone reliefs, and some architectural details.

The present issue is dedicated to the publication and examination of the results and findings of 1965—71, as well as to a more precise definition of our knowledge of Kara Tepe and the late Kushan Bactria, i. e. Tokharistan. The volume contains articles both by Moscovites as V. P. Nikolaev, B. J. Stavisky, B. I. Vainberg, archaeologists and Orientalists, O. N. Shchegolev, an art critic, T. I. Berlin, a physicis, and Z. M. Zhelninskaya, a chemist analyst, and Leningraders as T. V. Grek, an Indologist, B. A. Livshits and V. G. Lukonin, Iranists, E. V. Zeimal, a numismatist. Professor Helmut Humbach from Mainz kindly presented his article in English 'Kara Tepe, Tochi, Surkh Kotal' to be translated and published in this volume in Russian.

This collection presents a report by B. J. Stavisky, the chief of the excavation works, on the results of the works undertaken in Kara Tepe in the period of 1965—69, including a description of excavated rooms and separate finds. The report deals with some questions of the history of Kara Tepe in the light of the 1965—69 materials, and, in this respect, with a few aspects of the cultural history of the Kushan Bactria.

V. P. Nikolaev's smaller article deals with the materials of his research of the outer rampart of Old Termez having place near Kara Tepe and protecting it and the whole site at the North. The data acquired during the excavation in 1969 confirmed the hypothesis of the explorers of Termez in the '20s and '30s, who thought that there existed a part of the outer fence around

the town and its closest outskirts already in the Kushan period. The works undertaken by V. P. Nikolaev permit to judge the nature of the protective wall of the Kushan Termez.

The report by B. J. Stavisky on the Kara Tepe excavations in 1970—71 is of a preliminary nature since the materials have been still studied in laboratories. But since large areas were excavated, a number of important details in the arrangement, planification, and history of Kara Tepe were found out, and some valuable data in the historico-cultural and historico-artistic respect were obtained, the report gives a general idea of all the materials to everyone interested in the Kushan empire, Ancient Central Asia and the contiguous regions.

Z. B. Altman's article characterizes burials of the Kara Tepe cave temples by using the materials of the 1970 excavation. The remains he studied belong to the group burials in already abandoned temples П-I and П-II which later were bricked up with adobes. Z. B. Altman came to an important conclusion that the cause of the death of the buried people here (there are dozens if not hundreds of them) was most probably an epidemy.

The coins found here in 1961—71 serve as a most valuable material for dating different stages of the Kara Tepe history. A short notice by E. V. Zeimal and V. G. Lukonin defines these coins. The definition of ten coins of the Sassanian Varahran I the Kushanshah is worth mentioning most of all. They were found in a layer of burials, and that permits dating the burials at those of the '60s (by A. Bivar's chronology) or the '80s (by V. G. Lukonin's chronology) of the 4th century A. D., i. e. with the definition of 25—30 years.

B. I. Vainberg's article deals with some historical questions of Bactria — Tokharistan in the 4th—5th centuries in connection with the desolation of Kara Tepe. The author uses the coin finds of the Chionite-Hephthalite circle in the Termez region. This study evidently starts a new series of research works using coin finds on the territory where, judging by incomplete data, five Greek-Bactrian coins were found as well as seven so called Heliocles imitations, more than sixty Kushan and four (not to count the Kara Tepe ones) Kushan-Sassanian coins. And in 1953 a big hoard of Hephthalite coins was found, it contained about 1000 pieces.

The notice by T. I. Berlin and Z. M. Zhelninskaya presents an analysis of colors from stone reliefs and wall-paintings of Kara Tepe.

Two smaller articles by T. V. Grek and V. A. Livshits give the text and interpretation of the new epigraphic finds, an Indian inscription and a bilingual (Indo-Bactrian) one. These latest finds permit us to correct our image of the nature of the Kara Tepe inscriptions, in particular, and that of Kara Tepe as an historico-cultural relic, in general.

The annotated bibliography compiled by O. N. Shchegolev gives o clear impression of the publication of the explorations materials, as well as that of its place in scientific and popular press.

LIST OF ILLUSTRATIONS FIGURES IN THE TEXT

Fig. 1. Plan of excavations in 1971.
Fig. 2. Complex A. Temple П-I. Central romm (sanctuary). Architectural sections: a) along the line С — Ю; б) along the line З — В.
Fig. 3. Complex Б. Staircase over the cave-cell: a) plan; б) section along the line З — В.
Fig. 4. Complex Б. Temple П-II. Northern passage, Eastern view (a drawing).
Fig. 5. Complex Б. Temple П-II. South Western angle (a drawing).
Fig. 6. Complex Б. Temple П-II. South-Eastern angle (a drawing).
Fig. 7. Complex Б. Cave-cell (architectural section).
Fig. 8. Complex Б. Cave-cell, general view of the chamber (reconstruction).
Fig. 9. Yard of the temple, complex Б. North-Western angle (a drawing).
Fig. 10. Complex Б. Section of beddings in the yard of the temple along the line В — З.
Fig. 11. Yard of the temple, complex Б. Western aiwan. Wall-painting of the Northern part of the niche. Drawing (below). Reconstruction (above).
Fig. 12. Temple П-II. Cave-cell. Drawing of the walls covered with wall-paintings in the upper chamber.
Fig. 13. Fragments of plastic ornaments in «ganch» (a drawing).
Fig. 14. Fragments of stone reliefs depicting men (a drawing): a) head of a man; б) man's arm with part of a shoulder.
Fig. 15. Fragments of stone reliefs depicting zebu-bulls (a drawing).
Fig. 16. Block of marl lime-stone with remains of wall-paintings and gilding (a drawing).
Fig. 17. Excavations and cleaning of the outer rampart of the site of Old Termez; a plan and sections.
Fig. 18. Skeletons in the sanctuary of the temple П-I. Scheme.
Fig. 19. Skeletons in the Southern roundabout passage of the temple П-II. Scheme.
Fig. 20. Metal small objects found in a layer of burials in the temples П-I and П-II (a drawing).
Fig. 21. Fragments of stone reliefs (a drawing): a) image of Buddha; б) architectural motif.
Fig. 22. Yard of the temple, complex Б. Wall-painting on the wall of the Southern aiwan. Western part (a drawing).
Fig. 23. Yard of the temple, complex Б. Wall-painting on the wall of the Southern aiwan. Eastern part (a drawing).
Fig. 24. Yard of the temple, complex Б. Image of Buddha from the wall-painting of the Southern aiwan (a drawing).
Fig. 25. Architectural details of marl lime-stone: a) corner block from the socle of the platform in the above ground sanctuary; б) base of a column.
Fig. 26. «The Northern yard». Western view (a drawing).
Fig. 27. Complex Б. Architectural section along the line С — Ю through the above ground sanctuary, the yard of the temple and «the Northern yard».
Fig. 28. Complex Б. Temple П-II. Northern passage: a) Eastern view (reconstruction); б) Western view (reconstruction).

Fig. 29. Complex Б. Temple П-II. South-Eastern angle (reconstruction).
Fig. 30. Yard of the temple and entries into the temple П-II, complex Б. Eastern view (reconstruction).

TABLES

T. I. Complex Б. North-Western corner of the yard (above); Northern passage of the cave-temple П-II, North-Western view (below).
T. II. Above ground sanctuary. North-Eastern corner of the platform remained *in situ* (above); the reconstructed platform (centre), North-Western view; the reconstructed platform, Southern view (below).
T. III. «The Northern yard», South-Western view.
Southern aiwan of the yard, complex Б.
T. IV. Buddha's head. Detail of the wall-painting from the mound of the Southern aiwan of the yard, complex Б.
T. V. Old-donator's head. Detail of the wall-painting from the mound of the Southern aiwan of the yard, complex Б.
T. VI. Makes of marl lime-stone. Bush of the pole for the chatra-umbrellas (above); top (?), a side-view and a view from below.
T. VII. Fragments of stone reliefs depicting zebu-bulls' heads. A photograph (above); a drawing (below).
T. VIII. Fragments of stone reliefs depicting zebu-bulls.
T. IX. Fragments of stone reliefs depicting men. Man's head (above) front- and side-views; man's arm with part of a shoulder (below).
T. X. Makes of marl lime-stone. Part of a stone capital (?) (above); fragments of stone umbrellas (below).
T. XI. Fragments of stone reliefs depicting leaves.
T. XII. Makes of marl lime-stone. Fragments of leaves (left); fragments of «corbels».
T. XIII. Fragments of plastic ornaments in «ganch».
T. XIV. Fragments of stone models of foot (?). Details of the base (above); details of umbrellas from above and below (below).
T. XV. Fragments of covers depicting a lotus flower. View from above (above and centre); side-view (below).
T. XVI. Smaller objects. Stone amulet (?) (top left); clay makes (top right); cubes of raddle (below).
T. XVII. Fragments of vessels with grips depicting animals. Vessel from the excavations (above); excavated materials (below).
T. XVIII. Fragments of ceramics. Part of a vessel's wall (top left terra-cotta (bottom left); vessel's grip (?) (right).
T. XIX. Crocks with swastika and lotus.
T. XX. Crocks with Indian inscriptions.
T. XXI. Crocks with Indian inscriptions.
T. XXII. Crock with an Indian inscription.
T. XXIII. Fragment of a clay vessel with a bilingual inscription. Indian inscription (above); Bactrian inscription (below).
T. XXIV. Indian inscription-graffiti on the Southern wall of the Southern passage in the temple П-II.
T. XXV. Indian inscription-graffiti on the Southern wall of the Southern passage in the temple П-II.
T. XXVI. Tamga-like sign scratched on the Southern wall of the Southern passage in the temple П-II.
T. XXVII. Hephthalite and Chionite coins of Tokharistan. Drawings.
T. XXVIII. Skeleton in the Southern roundabout passage in the temple П-II.
T. XXIX. Stone relief depicting a lotus flower on the base (from the Peshawar Museum).
T. XXX. Scheme of the site of Old Termez.

CONTENTS

Preface 5
B. J. Stavisky, *Principal Results of Excavations of Kara Tepe in 1965—1969* 8
I. Excavated rooms 9
1. Complex A 11
2. Complex B 16
3. «Cave No. 2» 30
II. Individual finds 30
1. Wall-paintings 31
2. Fragments of stone reliefs and ornamentation of stone and «ganch» 35
3. Ceramics 42
4. Inscriptions 46
5. Coins 47
6. Other finds 47
III. New Data on the Arrangement and History of Kara Tepe . . 48
IV. Kara Tepe as a Relic of the Culture of the Kushan Bactria 52
V. P. Nikolaev, *A Study of the Outer Rampart of the Site of Old Termez (1969)* 62
B. J. Stavisky, *Excavation Works of Kara Tepe in 1970—1971 (a preliminary report)* 67
I. Excavation of the first group of rooms 68
1. Complex A 68
2. Complex B 69
(a) Cave temple П-II 69
(в) **Yard of the temple** 72
(c) Above-ground sanctuary 81
(d) «Northern yard» 85
(e) **Lot to the North-West from the «Northern yard»** . . 89
II. Excavation of the second group of rooms 89
III. Some conclusions 90
E. V. Zeimal and V. G. Lukonin, *Coins from the Excavations of Kara Tepe in 1961—1971 (a short reference)* 101
Z. B. Altman, *Anthropological and Paleopathological Study of the Human Remains in the Kara Tepe Caves* 104
T. I. Berlin and Z. M. Zhelninskaya, *Results of the Study in the Colors from Kara Tepe* 111
T. V. Grek, *New Indian Inscriptions from the Kara Tepe Excavations* 114
T. V. Grek and V. A. Livshits, *Bilingual Inscription from Kara Tepe* 118
H. Humbach, *Kara Tepe — Tochi — Surkh Kotal* 122
B. I. Vainberg, *Some Questions of the History of Tokharistan in the 4th-5th Centuries A. D.* (in connection with the desolation of Kara Tepe) 129
O. N. Shchegolev, *The Kara Tepe Excavations in 1961—1970 as Covered by Press* (an annotated bibliography) 155
List of Illustrations (in Russian) 165
List of Abbreviations 168
Summary 170
List of Illustrations (in English) 172
Contents 174
Illustrations 177

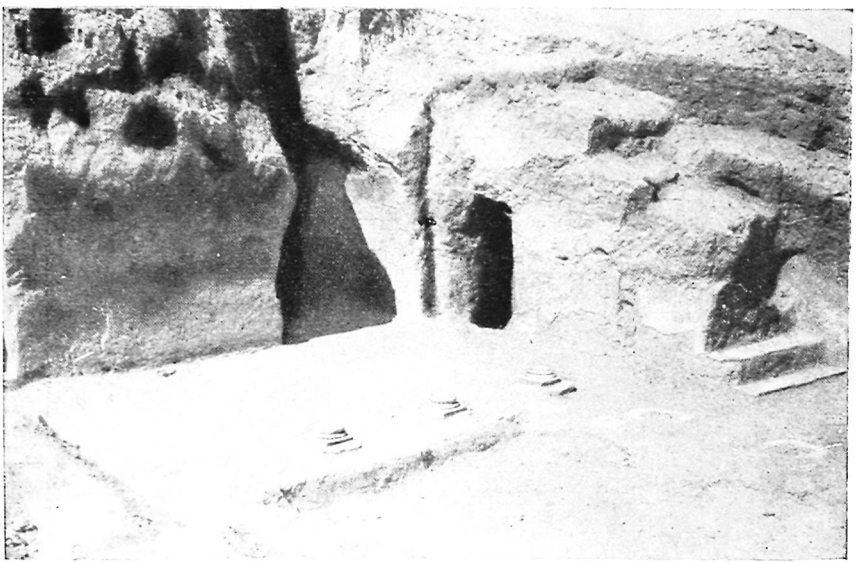
СОДЕРЖАНИЕ

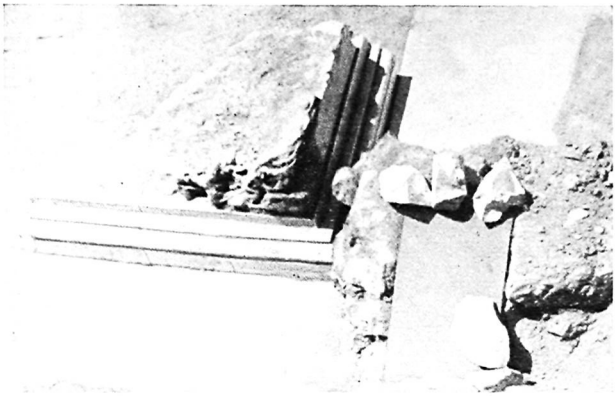
От редактора 5
Б. Я. Ставиский, *Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг.* . . . 8
I. Раскапываемые сооружения 9
1) Комплекс А 11
2) Комплекс Б 16
3) «Пещера № 2» 30
II. Отдельные находки 30
1) Стенные росписи 31
2) Фрагменты каменных рельефов и украшений из камня и ганча 35
3) Керамика 42
4) Надписи 46
5) Монеты 47
6) Прочие находки 47
III. Новые данные об устройстве и истории Кара-тепе . . . 48
IV. Кара-тепе как памятник культуры кушанской Бактрии . . 52
В. П. Николаев, *Исследование внешнего вала городища Старого Термеза (1969 г.)* 62
Б. Я. Ставиский, *Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг.* (Предварительное сообщение) 67
I. Раскопки первой группы помещений 68
1) Комплекс А 68
2) Комплекс Б 69
а) Раскопки в пещерном храме П-II 69
б) Храмовый двор 72
в) Наземное святилище 81
г) «Северный двор» 85
д) Участок к северо-западу от «северного двора» . . . 89
II. Раскопки второй группы помещений 89
III. Некоторые выводы 90
Е. В. Зеймаль, В. Г. Луконин, *Монеты из раскопок Кара-тепе 1961—1971 гг.* (Краткая справка) 101
З. Б. Альтман, *Антропологические и палеопатологические исследования останков людей в пещерах Кара-тепе* 104
Т. И. Берлин, З. М. Желинская, *Результаты исследования красок из Кара-тепе* 111
Т. В. Грек, *Новые индийские надписи из раскопок Кара-тепе* . . . 114
Т. В. Грек, В. А. Лившиц, *Двуязычная надпись из Кара-тепе* . . 118
Х. Хумбах (H. Humbach), *Кара-тепе — Точи — Сурх-Котал* . . 122
Б. И. Вайнберг, *Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв.* (в связи с запустением Кара-тепе) 129
О. Н. Щеголев, *Исследования Кара-тепе в 1961—1970 гг. в освещении печати* (аннотированная библиография) 155
Список иллюстраций 165
Список сокращений 168
Summary 170
List of illustrations 172
Contents 174
Иллюстрации 177

ИЛЛЮСТРАЦИИ

12 Зак. 755

ТАБЛИЦА I





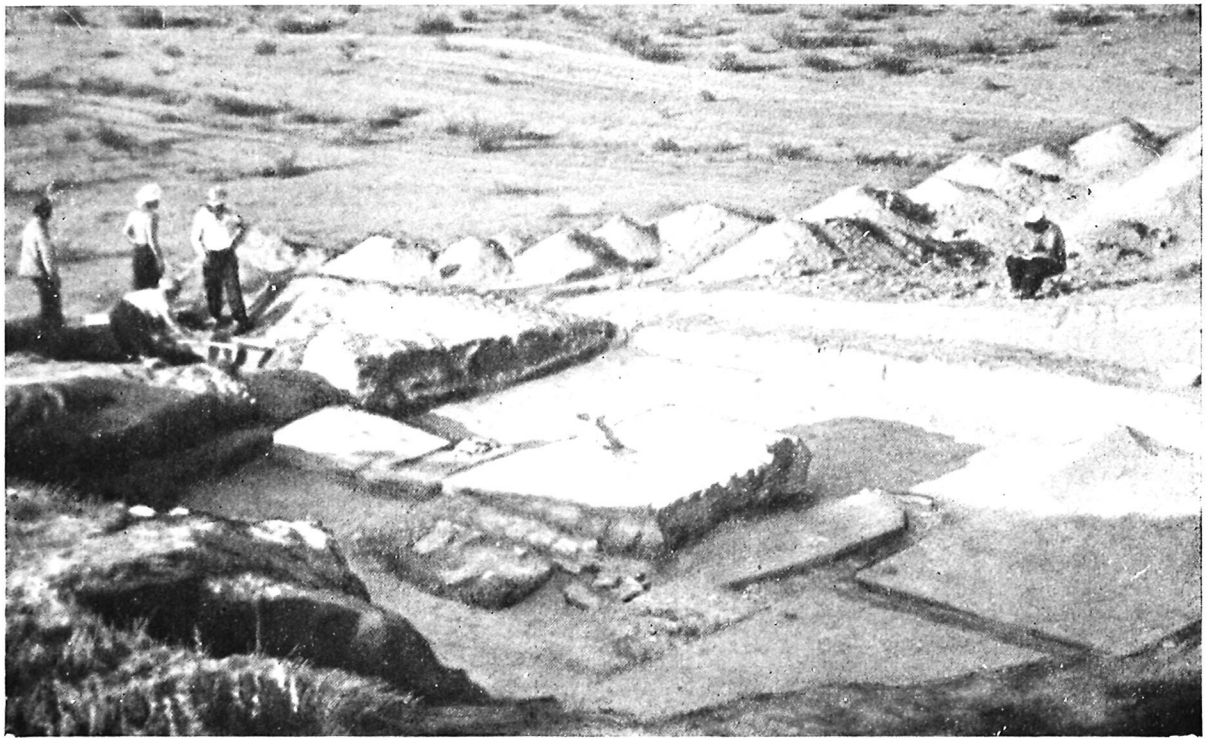
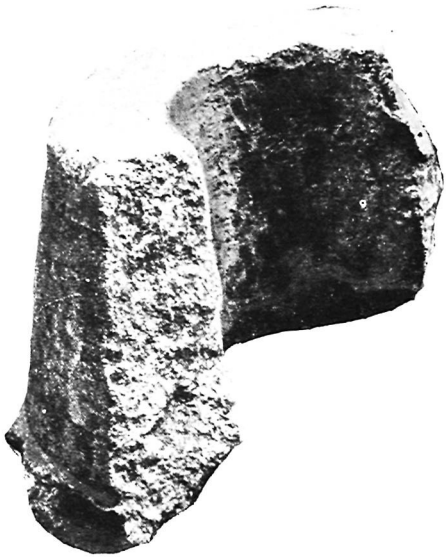
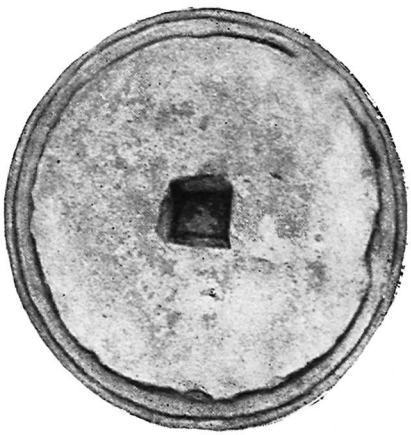


ТАБЛИЦА IV



а

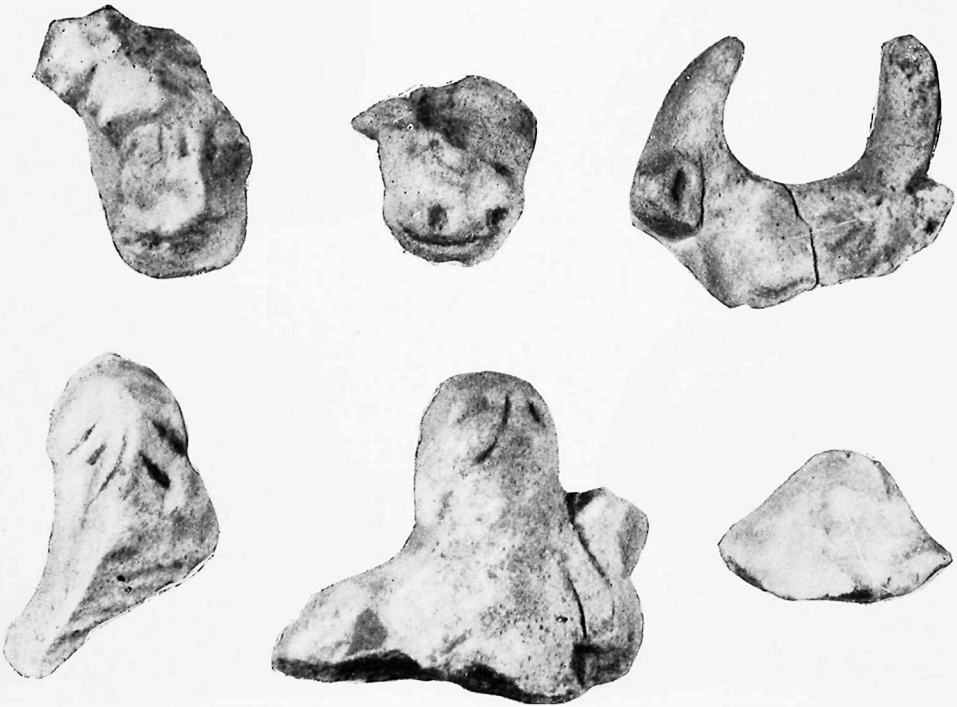


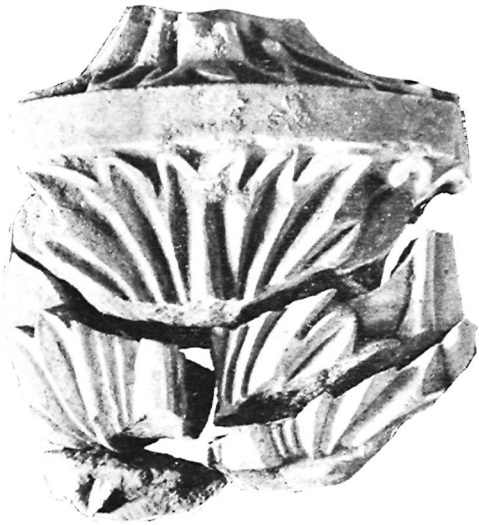
б

а

б

ТАБЛИЦА VIII





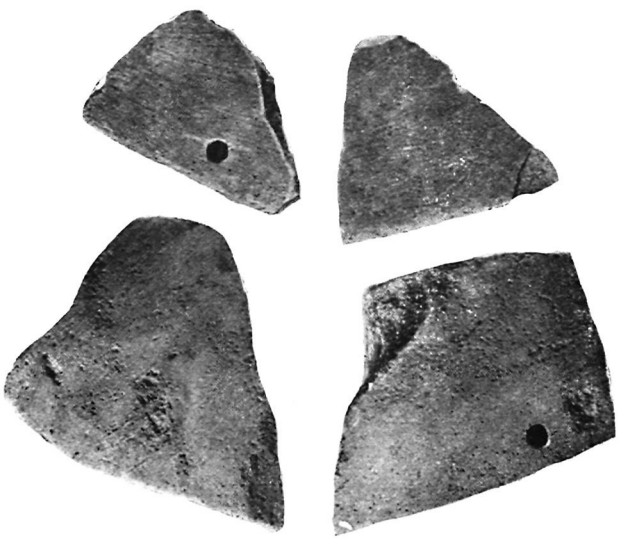
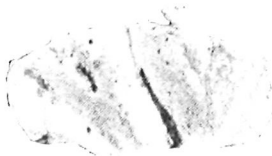
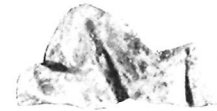


ТАБЛИЦА XI





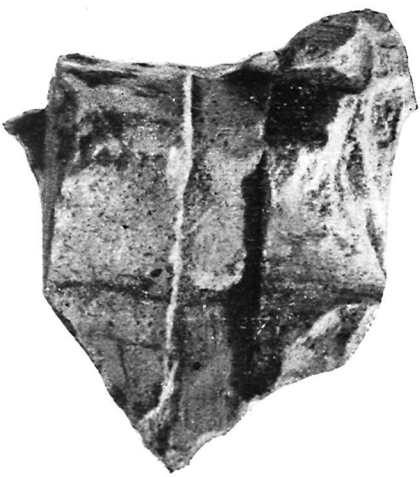
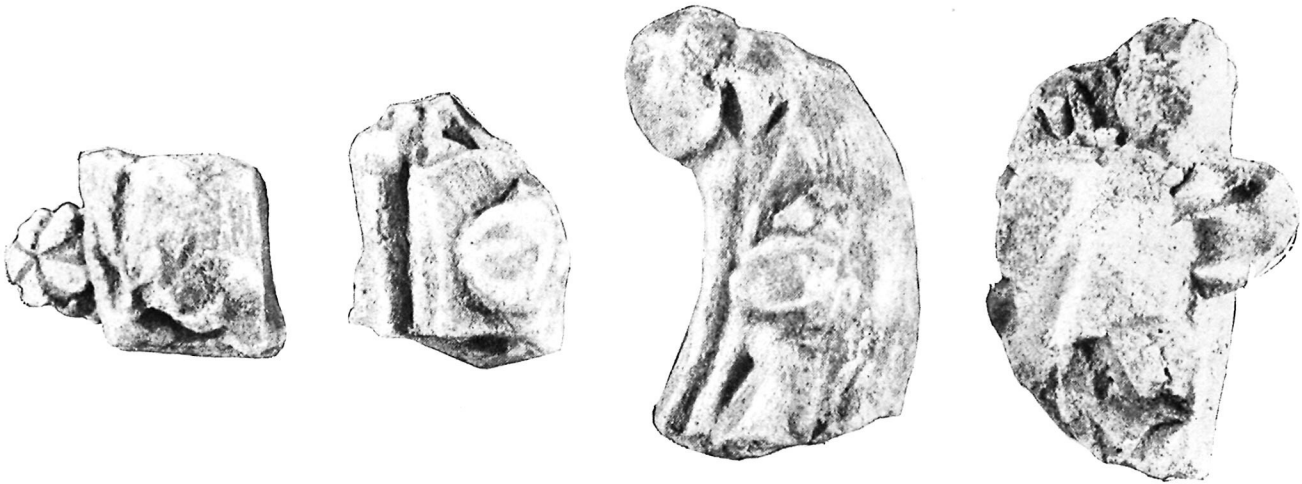
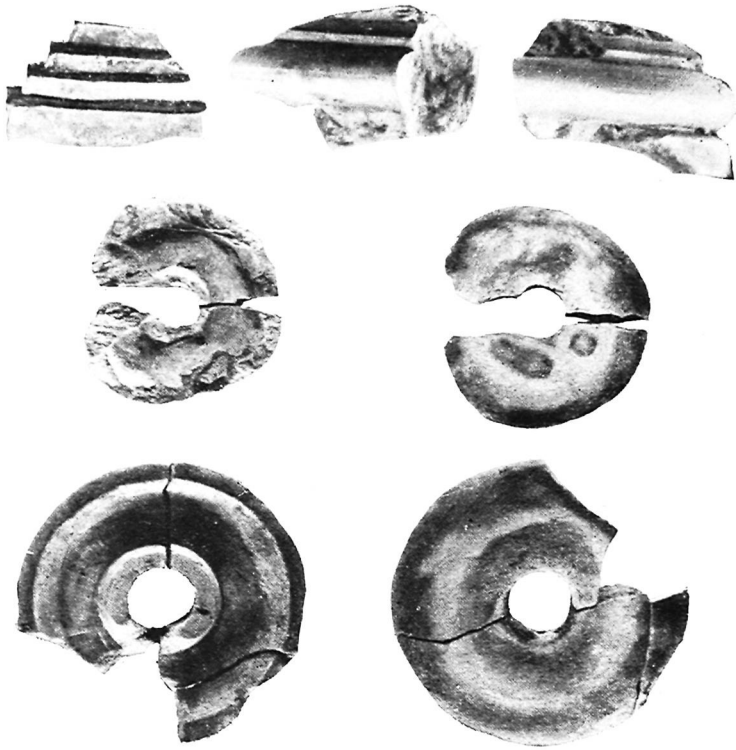
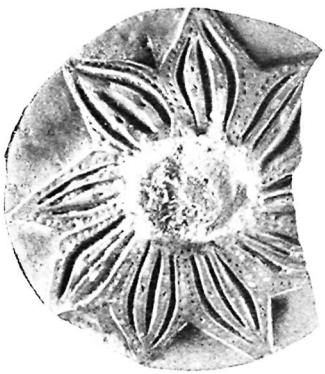


ТАБЛИЦА XIII







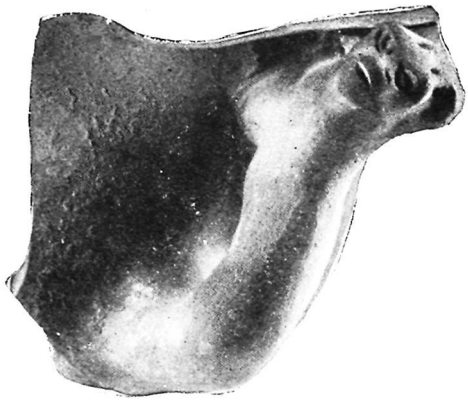


ТАБЛИЦА XVIII

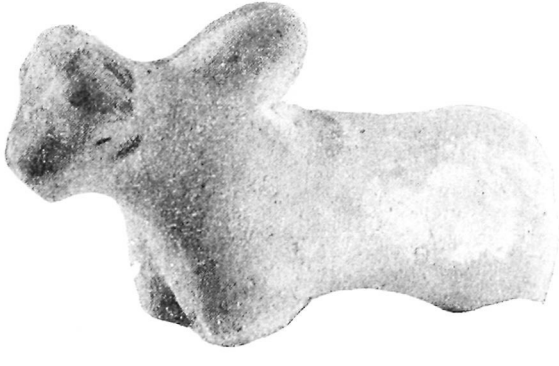


ТАБЛИЦА XIX

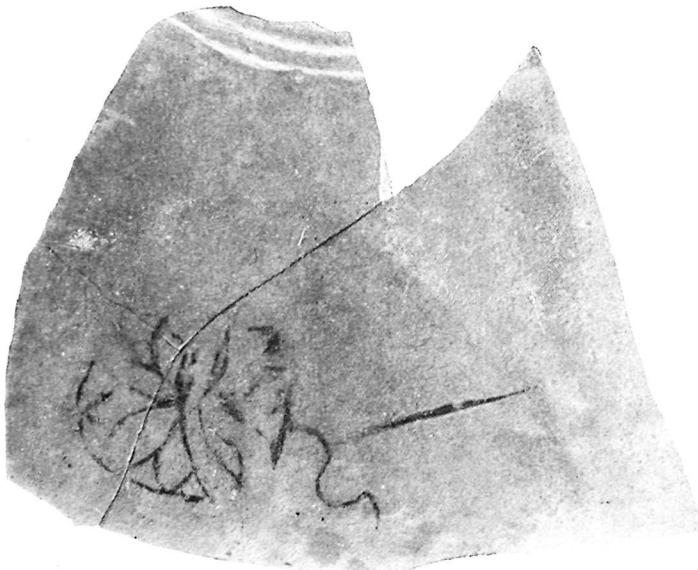


ТАБЛИЦА XX

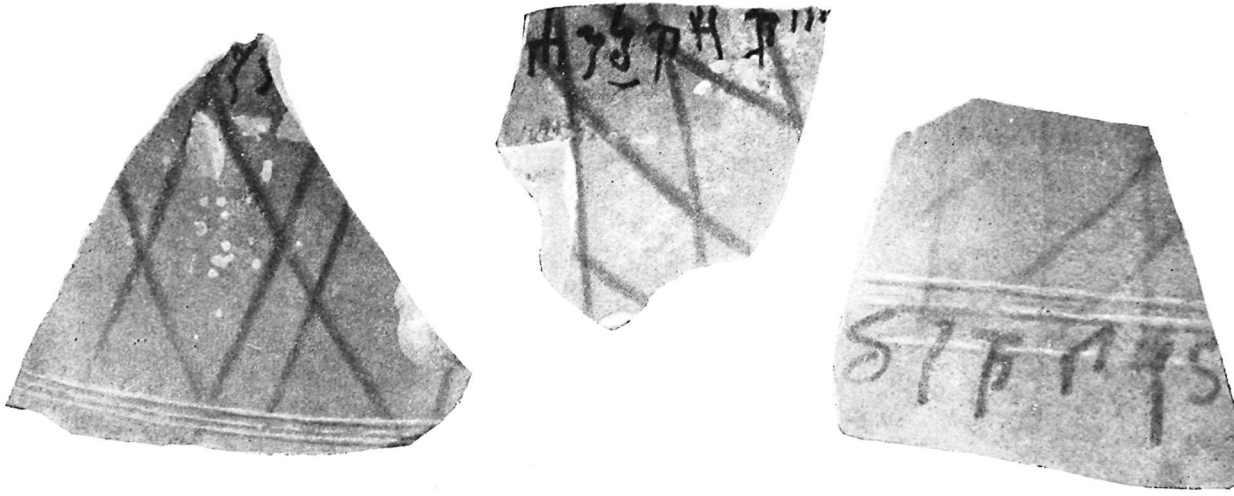
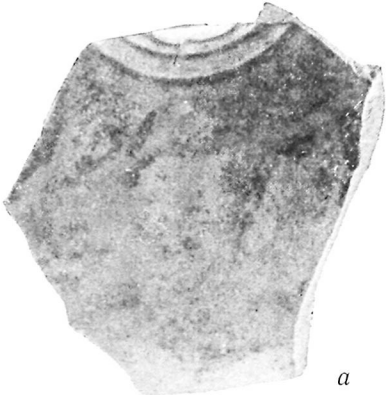
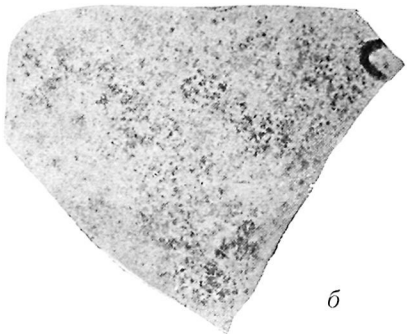


ТАБЛИЦА XXI

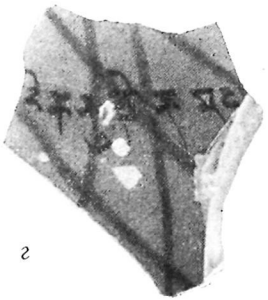


а



б

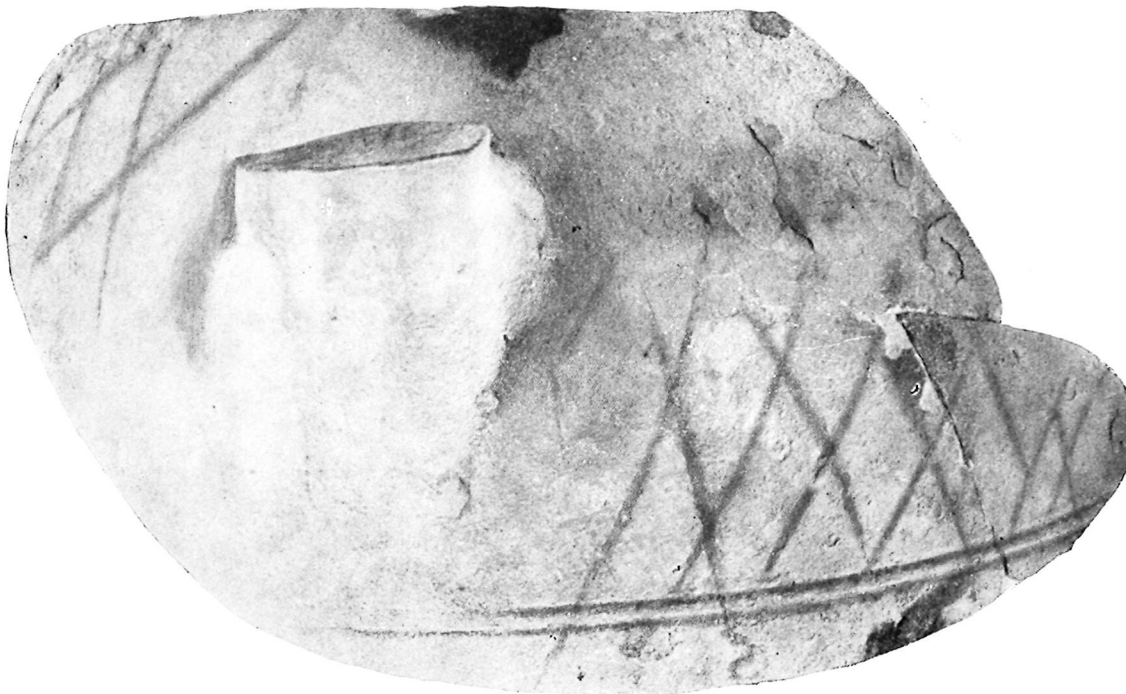
в

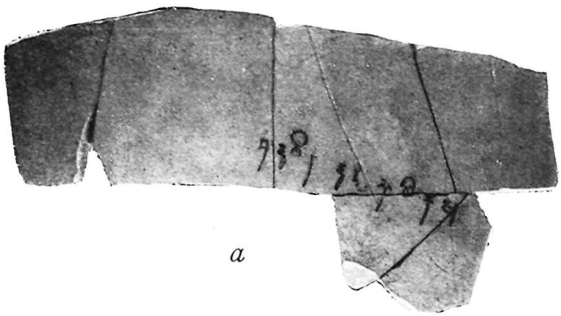


г

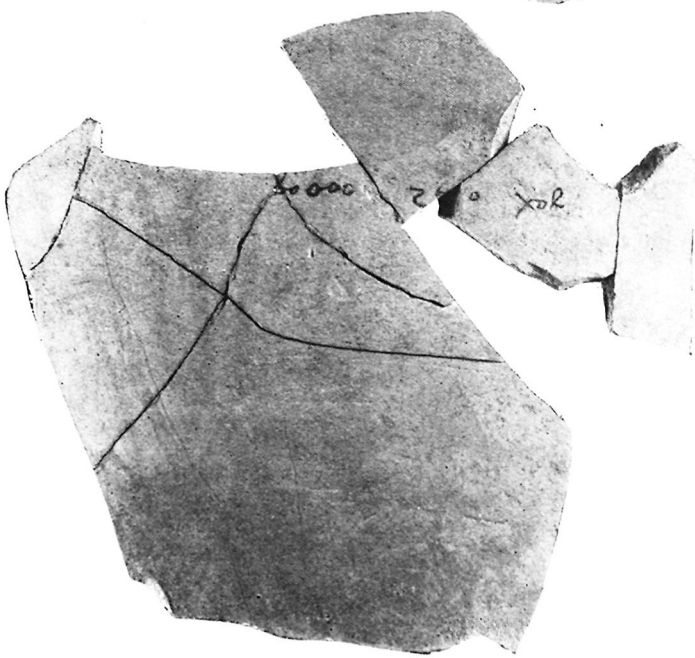
д

ТАБЛИЦА XXII





а



б

ТАБЛИЦА XXIV

1

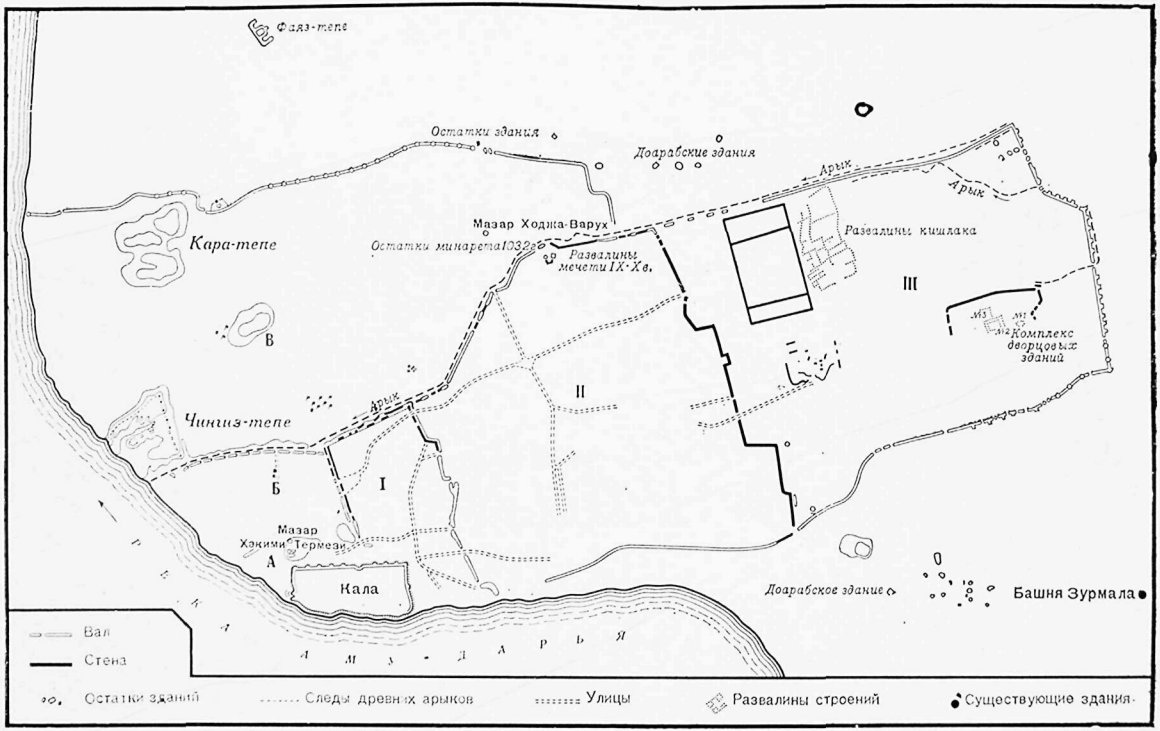
2

3

4

5

ТАБЛИЦА XXX


Фаяз-тепе
Остатки здания
Доарабские здания
Арык
Арык
Мазар Ходжа-Варух
Остатки минарета 1032 г.
Развалины мечети IX-Хв.
Развалины кишлака
Кара-тепе
III
М3
М1
М2
Комплекс дворцовых зданий
В
II
Чингиз-тепе
Арык
Б
I
Мазар Хэкими Термези
А
Кала
Доарабское здание
Башня Зурмала
Вал
Стена
Остатки зданий
Следы древних арыков
Улицы
Развалины строений
Существующие здания
А м у - Д а р ь я

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
24	1 сн.	(табл. XV)	(табл. XVI)
38	10 св.	(табл. VIII)	(табл. VII)
109	17 св.	губящего	рубящего
114	13 св.	КТ-61 Щ-3н	КТ-61 III-3н
160	8 сн.	стр. 20—23	стр. 53—132
169	1 сн.	MASJ	MASI
170	3—4 св.	cave monastery	cult center

Зак.4

Цена 1 р. 08 к.